

КАЗКИ ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЕВ

БИБЛИОТЕКА
СЮЮНЧЕВА А. А.
№ 1868 (1)

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАВРОПОЛЬ · 1965

Обработка и литературный перевод
Н. КАПИЕВОЙ

Тексты из фондов Карачаево-Черкесского
научно-исследовательского института
истории, языка и литературы.

Подстрочные переводы:

с абазинского — Н. Т. Табуловой,
с карачаевского — Р. К. Ортабаевой,
с ногайского — К. А. Ждановой,
с черкесского — Л. А. Бекизовой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему эта книга называется «Сказки четырех братьев»!

Ведь мы сызмальства знаем: в сказке живут и действуют не четыре, а три брата. Обычно двое из них умные, третий — дурачок. [Помните: «У крестьянина три сына: старший умный был детина, средний сын и так и сяк, младший вовсе был дурак»...]

Верно! И в сказках, с которыми мы хотим вас познакомить, вы тоже встретите этих своих старых приятелей: умных старших братьев и простака-младшего... Что же касается количества братьев, то в горских сказках очень часто бывает, что число их не ограничивается цифрой «три». Есть сказки, где их четверо, семеро и даже девяттеро... Причем все девять — молодцы-умельцы... Быть может, здесь сказался древний взгляд горца на семью: чем больше в ней сыновей, тем почетнее!

Так сразу же сталкиваемся мы в этих сказках с чертами знакомыми и одновременно находим в них что-то новое, поражающее необычностью, несхожестью со сказочным эпосом, знакомым нам с детства.

«Во всякой сказке есть элементы действительности», — говорил В. И. Ленин. Сказка впитала в себя трудовой опыт народа с древнейших времен. Она многое может сказать о характере народа, о его вкусах и пристрастиях. В ней свод народных взглядов на духовный облик человека, суждения о добре и зле, народное представление о счастье и справедливости.

Сказка у народов бесписьменных была не только развлечением, но и поучением; не только отдыхом для ума, но и наставлением, обогащающим ум.

Представьте себе разбросанные по берегам Кубани или укрывшиеся в лесистых горах Теберды аулы Черкесии и Карачая в прошлом. Представьте кибитки ногайцев, кочующих в степи со своими стадами... Прошлое это совсем не далеко. Оно отдалено от нас не тысячелетиями, а всего лишь неполным полустолетием. Ведь до Октября у абазинцев, карачаевцев, ногайцев, черкесов не было письменности. Не было книг, газет. Все грамотей аула — писарь, старшина да мулла... Горцу-крестьянину песня и сказка заменяли печатное слово, художественную прозу, театральное пред-

ставление. Насколько мог умелый сказочник увлечь своих слушателей, свидетельствует карачаевская сказка «Мудрый учитель». В ней вору заслушиваются сказкой до забвения «правил» своего ремесла и попадают на месте преступления. Сказки не только доставляли эстетическое наслаждение. Они служили своеобразной «гимнастикой ума», развивали находчивость, сообразительность. Традиционные сказочные вопросы-загадки: «Кто сильнее! Кто умнее! Кто прав! Кому достанется награда!» — требовали живого, непосредственного вмешательства слушателей в течение повествования.

Сказки рассказывали пахари в поле, пустив своих волов попасться. Рассказывали пастухи на кошах, собираясь в кружок долгой осенней ночью. И путники во время томительных конных переходов. И женщины, сидя зимними вечерами за прялкой или за ткацким станком. Считали полезным сказывать сказку у постели больного; предполагалось, что воздействие ее целительно. На сказках воспитывали детей и молодежь.

М. Горький писал в начале девятисотых годов: «На Кавказе, в Кабарде еще недавно... существовали гегуако, бездомные народные певцы. Вот как один из них определил свою цель и свою силу: «Я одним словом своим, — сказал он, — делаю из труса храбреца, защитника своего народа, вора превращаю в честного человека, на мои глаза не посмеет показаться мошенник, я противник всего бесчестного, нехорошего»... Горький восхищался высотой этой самооценки, этой «простой, но великой верой в силу святого дара поэзии».

Кабардинцы, принадлежащие к семье адыгов, — народ, родственник черкесам и абазинцам. Сказанное Горьким о Кабарде вполне можно отнести и к Карачаево-Черкесии. Сказанное о певце «гегуако» относится и к сказителям и сказительницам сказок. Сказка тоже возвеличивала доброе и обличала злое. Сказка учила жить и бороться.

У нас отнимают и поле
И хлеба голодный запас,
Но сказки, но песни о воле
Никто не отнимет у нас!
Опасны они супостатам,
В них сила народа жива.
Нет, мы не уступим проклятым
Рожденные в сердце слова,—

говорил в поэме «Раненый тур» мудрец горской поэзии Кязим Мечиев.

Кстати, и сказка подтверждает, как высоко ценилось, какую силу имело песенное слово у адыгов. Властного самодура-князя из абазинской сказки «Сын Дадамы-жа» сводит в могилу не враг, не болезнь, а насмешливая песенка, сложенная бедняком. Князь опозорен песней, и это его убивает...

Когда познакомишься со сказками Карачаево-Черкесии, перед тобой словно настезь распахиваются двери в мир иной, далекой, но все же такой по-человечески понятной жизни... Правда, мир этот по-сказочному условен. Сказочную землю насе-

ляют не только пахари, табунщики, охотники, добрые матери и красавицы невесты, но и страшные чудища: эмегены и эмегенши... Здесь не только скачут на конях и ездят на арбах, здесь летают на коврах-самолетах. Здесь Счастье запросто беседует с человеком, а обыкновеннейшие ухо и глаз превращаются в Ухо и Глаз с большой буквы и странствуют по всему свету.

Но эта условность не закрывает, не может закрыть тех «элементов действительности», о которых говорил В. И. Ленин. Как бы ни были фантастичны и внешне неправдоподобны положения, в которые попадают герои сказки, но действуют-то в ней живые люди с понятными нам мыслями, поступками и желаниями. Одна какая-то деталь в сказке способна дать живое представление о самой будничной действительности. В абазинской сказке сиротка Фатимат в поисках щепотки соли напрасно бегаёт по всем соседям... Можно ли точнее определить степень горькой крестьянской нужды, когда нет в сакле щепотки соли, чтоб посолить обед для отца! Как особую черту многих помещенных в книге сказок надо отметить их житейскую правдивость. В карачаевской сказке «Талисман» русский старик Иван избавляет красавицу Алакёз от слепоты, защищает ее, заменяя ей отца. Так в сказочном эпосе отразилась вековая дружба горских народов с русским народом... Абазинская сказка «Три брата», — а подобных ей немало, — это в сущности бытовая новелла о приключениях трех крестьян-бедняков. Много с ними случается, многие трудности они побеждают своим мужеством и находчивостью, но самое-то главное для них: им нужна земля, они хотят пахать свое поле! А земли свободной нет, вся в руках князей... Фантастично в этой сказке, пожалуй, лишь то, что братья в конце концов хитростью добывают себе у князя землю. В действительности крестьянские мечты о земле так сказочно-легко не сбывались... Но это уж тоже особое свойство всякой истинно народной сказки: в ней обязательно обманут или наказан угнетатель, торжествует угнетенный.

Сказки Карачаево-Черкесии содержательны, часто глубоко психологичны, полны выразительных подробностей народной жизни в старину. Они отличаются и добрыми литературными качествами; им свойственны ясность и точность в мотивировках событий, живой и верный рисунок человеческих характеров, слаженность композиции. Нередко — это «сказка в сказке». Так, в карачаевской сказке «Мудрый учитель» старик рассказывает грабителем историю мальчика Болушлука. Повествование его — не механическая вставка: оно плотно ложится в общий замысел сказки. «Батырбек — сын Болата» — прекрасная ногайская сказка — еще более сложна. Композиционно она состоит из трех «ступеней». Двигая и развивая сказочный сюжет, в ее действие трижды входит новая вставная фантастическая сказка. Троекратность повтора в событиях, в поступках и в речах героев, — обычный сказочный прием, — строго выдерживается в «Сказках четырех братьев». Это придает им поэтическую стройность.

Содержание сказок, их сюжеты могут многое рассказать о том, чем с древних времен жили народы, населяющие Карачаево-Черкесию, благодатный край у подножия Эльбруса, богатый лесами и альпийскими пастбищами. Не случайно многие герои карачаевских, черкесских, абазинских, ногайских сказок — охотники, пастухи, табунщики... Здесь издревле добывали пушнину, занимались разведением овец, растили коней, славящихся далеко за пределами Кавказа. Сказка, как и песня, даже создала

свою особую поэзию — поэзию коня. Да, да! Крылатый «альп» у черкесов, быстроногий «дулпар» у ногайцев — фантастические и поэтичнее создания сказки. Вы послушайте только, с какой любовью о них говорится. «За один миг такой конь проделает путь, какой другому и за семь дней не проделаты», «идет он так ровно, что с миской воды в руках на нем скачи, ни капли не прольешь», а красив он так, что «смотреть на него, не зажмурившись, невозможно»... Коневоды: лошади Чора из карачаевской сказки, старый Болат, знаток лошадей из ногайской сказки, — это люди, наделенные высокими достоинствами: умом, любовью к труду, добротой. Сам князь прислушивается к суждениям Болата, а проданный в рабство юноша, сын Чоры, оказывается сильнее хана, побеждает его своим умением выбрать доброго коня... По труду, как говорится, и честь!

Горская пословица гласит: «Истинный герой таится под рваной шубой». Излюбленный персонаж сказочного эпоса Карачаево-Черкесии — крестьянский сын, бедняк. Трудолюбием, остротой ума, геройством он побеждает все невзгоды, справляется с врагами, восстанавливает попорченную справедливость. Наградой ему служат народная любовь и сердце красавицы девушки. Часто этот герой, как и в русских сказках (да и в иранских, или бразильских, или французских — в фольклоре всего мира), скрывается под личиной недотепы, простофили, увальня. Он, подобно младшему брату Абоковых из абазинской сказки, мало внимания обращает на житейские невзгоды и, знай, делает свое дело. Порой он внешне, на удивление, бездеятелен и равнодушен. Сын Шараджа в черкесской сказке сидит-посиживает в старой папаше, в драной черкеске на своем «амбра-камне», а кругом бушует народная беда: идет война... Почему бы это! Но вспомните Илью Муромца из русской былины. Он ведь тоже сиднем сидел тридцать лет и три года, а «пришла пора», встал и всех врагов разметал... Так и герои «Сказок четырех братьев»; «приходит пора», и они вступают в единоборство со злом. Простоватый с виду младший брат Абоковых — истинный герой. Он победил страшных врагов народных — эмегенов. Невзрачный сын Шараджа («Шарадж» — значит «Вшивец») один уничтожает полчища крымского хана... При этом, как бы ни был внешне этот сказочный герой невзрачен и простоват, он всегда держится смело, с достоинством. По меткому замечанию знатока родного фольклора, черкесского писателя Абдулаха Охтова, «в адыгских сказках бедный человек никогда не бывает жалким. Даже самый бедный — всегда горд».

Поэтичны женские образы сказок Карачаево-Черкесии. И, подобно тому, как любимый герой здесь младший крестьянский сын, бедняк, любимые героини этих сказок тоже обычно бедные девушки-красавицы. Часто они сиротки, растут в черной нужде, но вырастают на диво гордыми, умелыми и разумными. Абазинская сказка «Фатимат» — это прославление бедняцкой дочери, знающей в хозяйстве, остроумной, бесстрашной. Она и хмельное питье варит лучше, чем княгиня, и князя побеждает в хитрости, выполнив невыполнимые, казалось бы, его приказания. Она в обиду себя не даст и не спустит оскорбления даже княгине. Подобные сказки есть у всех народов Карачаево-Черкесии и у всех их соседей. Одна из них, схожая с «Фатимат», но не повторяющая ее, — черкесская сказка «Князь и унаутка», — помещена в этой книге. Случается, что в сказке женщина, особенно молодая невестка, выступает как

советчица даже перед стариками. Женщина помогает народу найти выход из беды — сказка «Умная невестка» у черкесов; вершит справедливый суд — сказка «Три брата и дочь судьи» у ногайцев; бережет честь семьи — сказка «Намыс» у карачаевцев.

Есть в фольклоре Карачаево-Черкесии и забавные сказки, высмеивающие женскую глупость; но вообще-то сказка не пропустит случая подтрунить одинаково над глупостью и мужчины и женщины. Высмеивание глупости и ротозейства — любимая тема сказки... А в массе своей сказочный эпос выражает народный взгляд на женщину как на помощницу, друга и советчицу мужчины. Сказка боролась с религиозными воззрениями, с канонами ислама, отказывавшего женщине в человеческих правах, возвышала, восхваляла, поэтизировала женщину. Героиня «Сказок четырех братьев», так же как и их любимый герой, всегда выходит победительницей из житейских трудностей, торжествует над врагами, дарит людям радость и добро.

И здесь снова вспоминается М. Горький с его удивительно точным определением свойств народной сказки. «Очень важно отметить,— говорил Горький на Первом всесоюзном съезде писателей,— что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно-рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — беспразна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами. Герой фольклора, «дурак», презираемый даже отцом и братьями, всегда оказывается умнее их, всегда — победитель всех житейских невзгод, так же как преодолевает их и Василиса Премудрая»...

Храбрцу и умнице, мастеру и умельцу — герою из народа противопоставлены в сказке его вековечные враги: ханы и князья, бай-богачи, муллы. В изображении их народная сказка беспощадна и почти всегда сатирична. Деспотизм, коварство, глупость, никчемная спесь княжеского сословия подвергались самому резкому осуждению и осмеянию. В карачаевской сказке «Бедняк и ханская дочь» найдена удивительная по своей выразительности аллегория, показывающая всю силу классово-ненависти народа к угнетателям. Дочь хана превращает своего мужа [бедного крестьянского юношу, который посмел ей перечить] в осла. Но и юноша-крестьянин, вернув себе человеческий облик, в свою очередь превращает ханскую дочь, а заодно с ней и хана с ханшей в ослов. И уж будьте спокойны, навьючивают их в сказке крестьяне так, что вся ханская семья быстро ноги протянула... Не менее выразительна гротескная ситуация абазинской сказки «Сын Дадамыжа». Как похлеще высмеять княжескую чванливость! Сказка находит, — как; князь оскорблен тем, что в его присутствии посмел закукарекать петух. Это ли не умаление княжеского достоинства! Ведь перед князем все должно молчать и трепетать... С такой сатирической детали и начинается разматываться сказочный клубочек. А кончается сказка вспышкой народного гнева, гибелью князя и его глупой подстать мужу княгини.

Богачей, баев сказочный фольклор изображает прижимистыми, скаредными, жестокосердными и очень часто тоже глуповатыми. В черкесской сказке «Лавочник и нищий» богач предпочитает скорее живым лечь в землю, нежели расстаться с пятком, который он «легкомысленно» пообещал нищему. Бай из карачаевской сказки «Находчивый гость» пускается на всякие хитрости и даже унижения, лишь бы не по-

дать гостю приготовленные для себя лакомые кушанья. (И это в среде народа, который гостеприимство возвел в священный закон жизни!) Батрак Савхат — герой ногайской сказки «День — месяцу родня» — куда умнее и сильнее своего жаденького хозяина — бая. Богач боится его. «Посмотрел богач на своего батрака, на его сильные руки, на его лицо и понял, что придется уступить». В споре богача с бедным крестьянином сказка всегда оставляет первого побежденным...

Если к галерее сказочных героев Карачаево-Черкесии мы прибавим еще фигуры жадных и глупых мулл (а глуп мулла в сказке до такой степени, что верит в способность овцы задрать волка), то мы увидим, что сказка с ее «элементами действительности» содержит, — если брать сказочный эпос широко во всем его многообразии, — также и пеструю движущуюся картину жизни общества в прошлом, со всеми его контрастами, социальным неравенством, борьбой классов, классовой ненавистью бедного к богатому, с надеждами трудового люда на лучшую долю («и с тех пор, говорят, народ счастливо в той стране без князей и ханов живет»)...

В фольклоре Карачаево-Черкесии сказка представлена во всем ее жанровом богатстве — от чисто фантастической сказки, от бытовой новеллы, озорной шутки-анекдота, поучительной притчи и сказок о животных до небылиц и так называемых кумулятивных, «цепных» сказок, где действие развивается «по цепочке», как в карачаевской сказке «Мышонок с колокольчиком».

Сказки о животных населены знакомыми нам по русскому сказочному фольклору персонажами. Это волк и лиса, медведь и заяц. Но обстоятельства, в каких действуют звери, и обстановка, в которой они живут, — чисто горские. Своеобразны, оригинальны их сюжеты; особенно много сказок о волке... Извечный враг скотовода, злобный хищник, он изображается в сказке чаще всего придурковатым растяпой. Волка обманывают все, кому не лень, даже маленький барашек. Зато лиса, как и в русских сказках и в сказках многих народов, хитра и умна. Она водит за нос всех своих собратьев-зверей, а подчас даже помогает светом человеку (абазинская сказка «Старик и волк»). В сказках этих не только отражение древних воззрений человека на животный мир. Они — и зеркало человеческих, общественных отношений. И в них есть угнетатель и угнетенный, и в них одному достается сладкая жизнь, а другому — тычки да оплеухи... Под личиной волка нетрудно узнать в них все ту же знакомую персону деспота-феодала; соответствующие аналогии можно подыскать и другим «героям» животного эпоса. Не случайно именно в этом древнейшем аллегорическом сказочном жанре столь часто звучат излюбленные на всем Востоке мотивы назидания, преподнесенные порой в виде прямого афоризма. («Не верь лживым словам врага, ибо может случиться с тобой то же, что и с этим ослом», — такова концовка абазинской сказки «Волк в западне»).

В «Сказках четырех братьев» читатель найдет новые, не встречавшиеся ему в других книгах сказки. Но, как уже говорилось, содержание некоторых из них напомним ему и когда-то слышанные или читанные сказочные сюжеты и ситуации. Это не «изъян» сборника. Тот, кто занимался изучением устного народного творчества, знает, что на свете существует всего-навсего несколько тысяч сюжетов сказок. Известный «Указатель сказочных сюжетов» ученых-фольклористов Арне — Андреева, на-

пример, зарегистрировал их 2 140. В нем, в частности, содержатся описания сюжетов, которые лежат в основе карачаевской сказки «Жених, который все-таки нашелся», абазинской — «Фатимат», ногайской — «Обманщик Алдар», черкесской — «Как отец сына разуму учил»... Но зато мы не найдем у Арне—Андреева таких сюжетов, как сюжет ногайской сказки «Хромая нога не виновата» или карачаевской — «Ухо и Глаз», абазинской — «Как волк свою долю получал», черкесской — «Умная невестка»...

Есть в устном творчестве широко известные сказки, которые повторяются почти у всех народов мира. Есть сказки, испокон веков бытующие на Востоке. Есть — присущие только фольклору Европы... Каждый народ вносил свой незаимствованный вклад в это сказочное богатство мира. И каждый народ в течение тысячелетий обменивался сказочными сюжетами со своими соседями, и не только близкими, но и с очень-очень далекими. Вот так и получается, что мотивы ногайской сказки «Старик Женали» перекликаются с мотивами осетинской сказки «Алдар Запада и алдар Востока»; черкесская сказка «Находчивая Жангулаз» приводит на память записанную братьями Grimm немецкую сказку «Ганс в счастье»; сказочная хитрость трех крестьян (из абазинской сказки «Три брата»), отмеривших себе кусок княжеского поля шкуркой вола, изрезанной на тонкие ремни, восходит еще к хитрости царицы Дидоны из античного мифа... А сказки «Счастье, ум и богатство», «Кузнечик», «Чья!» близки к миру русской народной фантастики. Вековая дружба горцев Кавказа с Россией вела к обмену народной мудростью — устным поэтическим творчеством. В этом одно из многих проявлений братства трудящихся нашей Родины...

Дело, однако, не в схожести, перекличках и заимствованиях, а в том, что народы Карачаево-Черкесии даже таким «всеобщим» сюжетам придавали (как и другие народы в подобных случаях) свой колорит, свое национальное звучание. Пейзаж, жилище, ремесла и занятия, одежда, обычаи, речь героев, да и речь самих сказочников, пересыпанная своеобразными присловьями и оборотами, — здесь свои, родные — абазинские, черкесские, карачаевские, ногайские, — и это преобразует такие сказки, вводит их в фонд устного творчества Карачаево-Черкесии...

У каждой книги бывает своя «предыстория». Есть она и у «Сказок четырех братьев»....

Отдельные записи сказок Карачаево-Черкесии делались еще до Октябрьской революции. В «Сборниках для описания племен и местностей Кавказа» изредка появлялись их публикации на русском языке. (В 1883 году М. Алейников издал в «Сборниках» «Карачаевские сказания», в 1900 — Паго Тамбиев обнаружил несколько адыгских сказок.) Однако все это были лишь крупички...

Большую работу по собиранию сказок в предреволюционные годы проделали лучшие представители национальной интеллигенции Карачаево-Черкесии. Среди них в первую очередь надо упомянуть ногайца Абдул-Гамида Джанибекова и абазинца Татлустана Табулова.

А.-Г. Джанибеков, энтузиаст просвещения своего народа, автор первых ногайских букварей, первый ногайский драматург, стал записывать произведения устного народного творчества еще в начале 900-х годов. За свою долгую жизнь этот выдающийся фольклорист создал уникальное многотомное рукописное собрание былин, песен,

сказок, поговорок, поговорок — «Сокровище слов». Одних только поговорок ногайцев А.-Г. Джанибеков записал более двух тысяч. В «Сказках четырех братьев» читатель найдет записанные им тексты: «Хромая нога не виновата», «Кому досталась хитрость», «День — месяцу родня»...

Все абазинские сказки, помещенные в этой книге, записал другой выдающийся культурный деятель Карачаево-Черкесии — Татлустан Табулов. Он также принадлежал к плеяде первых карачаево-черкесских педагогов, литераторов и фольклористов, создавал первые учебники для абазинских школ, был лингвистом-ученым. На родном языке составленный им сборник «Абазинские сказки» печатался дважды.

Такие ученые, как А.-Г. Ш. Джанибеков, Т. З. Табулов, положили начало изучению устного творчества родной земли. Однако подлинный размах и широту работа по изучению и обнародованию фольклорных сокровищ обрела лишь с расцветом национальной культуры Карачаево-Черкесии за годы Советской власти. В научно-исследовательском институте языка, истории и литературы создан богатый фонд записей, в том числе сказочных. Их изучают молодые исследователи: Л. Бекизова, С. Калмыкова, В. Тугов. Появились первые научные исследования о сказке. Неоднократно печатались сборники сказок на всех четырех языках области. Плодотворно трудятся над собиранием сказок писатели Карачаево-Черкесии. Записи черкесских сказок, напечатанных в этой книге: «Сын Шараджа», «Лавочник и нищий», «Князь и унаутка» и многие другие — сделал прозаик и поэт Абдулах Охтов. В свое время сказки эти печатались на родном языке в сборнике черкесского фольклора, подготовленном Аб. Охтовым совместно с М. Сакиевым.

В переводах на русский язык сказки всех четырех народов Карачаево-Черкесской автономной области выпускаются впервые. В таком обширном объеме они также еще никогда не печатались. [Изданная в 1937 году в Ставрополе книжечка «Волшебная сабля» содержала лишь семнадцать абазинских, карачаевских и черкесских сказок.]

Сказки любят и ценят в Карачаево-Черкесии и сегодня, когда ее народы получили письменность, создали свою литературу, свою прозу — рассказы, повести, романы; когда у них есть свои газеты, свой театр, свое радиовещание на родных языках; когда в быт вошло такое чудо, как телевидение... На сюжеты родных сказок поэты создают стихи для детей («Охотник Шомахо» Хусина Гашокова), пишут новеллы («Ногайские айту» Суюна Капаева). В тягостный период культа личности карачаевский народ оказался оторванным от родных гор. Но именно тогда ученый-филолог Хамид Лайпанов подготовил во Фрунзе на русском языке прекрасный сборник «Карачаево-балкарских сказок». Сказка утверждала жизнестойкость народа, его веру в справедливость...

Теперь, в заключение, еще об одном. А так ли уж нужны нам нынче сказки, в наш век — век покорения космоса, атомной техники, электроники! Что нам, умудренным, до их наивного мышления, до их фантастики, бледнеющей перед фантастическими успехами человеческого ума сегодня?! Нужны — и очень! Сказка — детство человечества. Разве прелесть детского лепета меркнет оттого, что есть на свете высокий язык классической поэзии, пламенная и острая ораторская речь, сложные логические построения философских трудов!.. Или скажем по-иному. Разве безыскусственная на-

родная песенка кажется нам менее звучной оттого, что мы познали возвышенный и сложный лад симфоний Моцарта, Чайковского, Шостаковича!.. Давно покончено у нас с вульгаризаторским отрицанием эстетической и воспитательной ценности сказок.

Мы переводим и печатаем сказки всех стран мира — от Берега Слоновой Кости до Норвегии. Мы все полнее овладеваем богатствами сказочного эпоса народов СССР.

В коммунистическое завтра наши народы идут из далекой дали не с пустыми руками. Из прошлого они берут с собой все лучшее, что накопили в своей истории: вековой жизненный опыт, добрые традиции, поэтические создания народной фантазии...

Для формирования духовного облика нового человека немалое значение имеет положительное моральное наследие прошлого. Наша задача — обогатить сегодняшнюю и будущую жизнь также и всем тем лучшим, что выковано в прошлом мудростью народа. «Сказка — ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок», — сказал еще Пушкин... Сказка ненавязчива и увлекательно учит тому, что живо для нас и сегодня, что ценим и будем мы ценить всегда: скромности и душевной щедрости, уважению к старости, готовности помочь человеку в беде, любви к матери и любви к родной земле, мужеству и стойкости.

Сказка всегда на стороне честного и смелого. Она утверждает торжество счастья и справедливости на земле. Ее оптимизм — свидетельство духовного здоровья народа — созвучен оптимистическому мироощущению нашей современности.

▲ названа эта книга «Сказки четырех братьев», как вы уже и сами, наверное, догадаетесь, потому, что в ней собраны сказки четырех братских народов: абазинцев, карачаевцев, ногайцев и черкесов.

Нат. Капиева.

БАЗИНСКИЕ

ФАТИМАТ

Е

ще в те времена, когда были на свете князья и дворяне, жил в одном ауле старик — бедный из бедных — с маленькой дочкой Фатимат.

Старик с утра до ночи проливал пот на княжеском поле, а девочка дома хозяйничала: саклю в порядке держала, шила, стряпала, стирала.

Вот принялась как-то маленькая Фатимат обед для отца готовить, а соли у нее не оказалось. Всех соседей Фатимат обошла и ни с чем вернулась. Так бедно люди жили, что никто щепотки соли ей одолжить не смог.

И решила маленькая Фатимат сбежать, попросить соли у самой княгини.

Как решила, так и сделала! Осмелилась она зайти в княжеские покои. Княгиня сидела у огня и вышивала золотом шапочку. Взглянула она на маленькую Фатимат и спросила:

— Ты как сюда попала, грязная девчонка? Что тебе надо?

Маленькая Фатимат была девочка разумная, за словом в карман не лезла.

— Не дадите ли вы нам в долг щепотку соли? — попросила она. Посмотрела на нее княгиня искоса и сказала сердито:

— Будешь такой бойкой, велю язык наколоть. Ступай отсюда! Нет у нас для тебя соли. Слышала?

Крепко запомнила маленькая Фатимат слова княгини. Уже и выросла она, стала красавицей девушкой, а все не могла забыть обиду и все ломала голову: как бы отомстить.

Увидела однажды Фатимат, что князь со своими друзьями уехал в поход, и пошла к княгине.

— Твой муж послал меня к тебе, княгиня, — сказала Фатимат, притворяясь, что сильно бежала и запыхалась. — Он вспомнил по до-

роге, что не успел дать тебе один наказ. Князь велел к его возвращению сварить бахсыму. Только, сказал он, чтоб никаких приправ не клали...

А княгиня горевала, что муж ее на войну уехал, сидела в слезах и даже головы не подняла, на Фатимат не глянула.

— Без тебя знаем, что и как приготовить,— сказала она. — Ступай и не смей через наш порог переступить! Слышала?

Во второй раз обидела княгиня Фатимат, и девушка крепко затаила в сердце новую обиду. «Погоди, время настанет,— я за все заплачу», — думала она.

Велела княгиня служанкам готовить бахсыму. И они ее заквасили, и они ее вскипятили, и они ее процедили... Только приправ никаких они в нее не положили.

Князь вернулся со своими друзьями из похода жив-здоров, и княгиня на радостях подала богатое угощение. Поставили перед гостями и кувшины с бахсымой. Приветственное слово сам князь сказал. Принялись гости бахсыму пить. Но едва они ее пригубили, как все поставили на стол свои чаши. Ни кислая, ни пресная, ни сладкая, ни крепкая— никакого вкуса в ней не было!

До того разгневался князь, что хотел княгиню убить, да друзья удержали.

— Кто же это, умная женщина, научил тебя бахсыму без приправы варить? — спросил князь, сверкая глазами.— Или ты издеваешься над моими соратниками?

— Нет тут моей вины! — с плачем отвечала княгиня. — В тот день, как ты ушел в поход, прибежала к нам какая-то девушка и сказала, что ты велел сварить бахсыму без приправы... Лучше б ты смерть мою увидел, чем на меня гневаться...

Так отплатила Фатимат княгине за первую обиду.

Ну а что ж дальше было? Приказал князь скликать народ. И велел привезти к месту схода на аульную площадь большой камень.

— Эй вы, слушайте! — так обратился князь к народу. — С тех пор как я себя помню, никто не смел меня обмануть или оскорбить. А теперь мои друзья увезли из нашего дома постыдную весть: меня и мою жену выставила на посмешище какая-то безродная девчонка! Кто она — нам неведомо, но я поклялся наказать ее по заслугам!

Теперь выбирайте. Вы найдете ее и сами приведете ко мне. Если не найдете — заставлю вас содрать шкуру вот с этого камня, что лежит на площади. А если этого не сумеете — кровь из вас всех выпущу! Слово мое крепкое!

Знали люди, что князь шутить не любит, и разошлись по домам в великом страхе. Печальный, с покрасневшими глазами, вернулся домой и отец Фатимат.

— Что с тобой, дада? Ты чем-то встревожен?—спросила девушка. И старик рассказал, как все было.

— Не огорчайся, милый дада, ложись спокойно спать. Я подумаю, как быть, и завтра утром тебе скажу,— утешила его Фатимат.

Хоть и не поверил старик дочери, делать нечего, послушался ее. Но всю ночь не сомкнул он глаз, и на сердце у него было тревожно.

Рано поднялся старик, а дочь уже на ногах.

— Князю надо сказать, что эту девушку вы не нашли,— посоветовала она отцу.— А когда князь велит, чтобы вы сняли с камня шкуру, ты, дада, ответь ему так: «С незарезанного шкуру не сдирают. Ты, князь, у нас самый знатный, ты наш славный повелитель,— зарежь камень, а потом мы его освежаем и шкуру положим к твоим ногам...»

Старик обрадовался и подивился уму своей дочери. Спокойно подкрепился, чем бог послал, и чинно отправился на сход.

Вот собрались люди, и князь закричал сердито:

— Нашли проклятую девчонку? Кто нашел? Где она? Говорите! Народ стоял, потупив головы. Все молчали...

Тогда выступил вперед отец Фатимат и попросил разрешения обратиться к князю:

— Любимый наш князь! — сказал старик. — Что бы ты ни повелел — все мы исполним. Правда, девушку мы не нашли... Но если ты велишь с камня шкуру снять,— снимем! Ты только сам его зарежь, наш князь, наш повелитель. Незарезанное не свежуют!

Так сказал старик, и народ повеселел, поднял головы, а князь десять раз перекрутился вокруг себя на одном месте. Что мог он теперь сделать?!

На следующий день, только светать стало, послал князь слугу за отцом Фатимат. Задрожал старик от пят до макушки, а идти надо: человек подневольный, послушаться не смеет...

А Фатимат увидела, что отец с лица потемнел, и встревожилась:

— Что с тобой, дада? Не болен ли?

— Князь меня к себе призывает, — пожаловался старик.

— Только и того? Иди, дада, смело. Послушай, чего он хочет.

Пошел старик в княжеский дом. Слуги о нем доложили, и велел князь привести старика к себе. А сам сидит надутый, будто его пчела укусила.

— Ты что это, старый хрыч, меня перед людьми унижать вздумал? — спрашивает князь. — Теперь я с тебя и начну! Твоя душа — в моих руках. Найди мне эту девушку. А не найдешь — вот тебе стебель конопля. К завтраму сделай мне из него башлык и перчатки. Не исполнишь — голову сниму!

Весь потом покрылся старик. Еле домой приплелся. Держит в руках конопляный стебелек, сам плачет...

Узнала Фатимат, чего хочет князь, и успокоила отца.

— Не горюй, дада! Завтра ты пойдешь к князю и скажешь так: «Пеньку я уже вымочил и ободрал. Теперь ты из этой конопляной древесины сделай мне прялку и ткацкий станок. Я сотку полотна, наряду пряжи и сделаю тебе башлык и перчатки!..»

Подбодрился старик, на следующий день взял конопляный стебелек и явился к князю.

— А! — закричал князь. — Где девушка? Где перчатки? Где башлык? Вижу, с пустыми руками пришел! Ну, теперь твоя голова в моей власти!

— Не гневайся, князь,— поклонился старик.— Девушку я не нашел. Другой же твой приказ я в точности исполню. Но я человек бедный, нет у меня в хозяйстве ни прялки, ни ткацкого станка. Твою коноплю я уже ободрал и расчесал, сделай-ка, будь милостив, из этой древесины ткацкий станок и прялку. — И старик протянул князю конопляный стебелек.— Как сделаешь, я тотчас наряду пряжи, полотна натку и сделаю тебе и перчатки, и башлык.

Лицо у князя запылало, как огонь, а потом застыло, как лед. Не нашелся князь, что ответить старику, и прогнал его прочь. Пошел старик радехонек (как-никак, жив остался!). Домой пришел усталый, но счастливый и рассказал Фатимат, как осадил князя.

А князь всю ночь без сна метался и весь день ходил, подобно черной туче. С женой говорить перестал. Не милы ему ни его скакуны, ни все его добро, сама жизнь не мила стала.

И вот послал он снова слугу за отцом Фатимат. Вместе со слугой явился старик к князю.

— Ты, старый хрыч, эти ответы не сам придумал!—сказал князь.— Нет у тебя столько ума и мужества, чтоб до такой хитрости додуматься. А если есть — исполни, что прикажу. Иди домой и тому, кто тебе советом помогал, передай мой приказ. Пусть придет он ко мне и не придет. Пусть будет одет и не одет. Пусть будет не на коне и верхом. И пусть принесет мне пустой сундук с подарком. Не исполнишь — голову сниму!

Бедный старик совсем духом пал, даже щеки у него ввалились. Еле домой приплелся и рассказал дочери, как все было.

— Это пустое дело, дада! — утешила его Фатимат. — Что в твоих силах, ты уже исполнил. Ложись, отдыхай! Теперь я сама отомщу князю с княгиней за все их зло.

Поймала Фатимат воробышка. Потом словила двух зайцев. Надела на себя прозрачное платье. Зайцев на поводок привязала, воробышка в сундучок посадила.

Сама села верхом на старого козла,— верхом едет, ногами по земле идет,— и так отправилась к князю.

Вот подъехала она к княжеским воротам и, во двор не заходя, оставила своего козла. Слуги увидели ее и побежали к князю.

— Что делать? — спрашивают. — Там какая-то девушка у наших ворот — не одетая и не голая, верхом на козле, а под мышкой сундучок держит.

Рассердился князь, затопал ногами.

— Наверное, это та самая подлая девчонка! Видеть ее не желаю! Спускайте собак!

Побежали слуги во двор и спустили на Фатимат всю княжескую свору. Только одну, самую злую, собаку на цепи оставили. Бросились собаки на Фатимат. А она отвязала одного зайца. Заяц бежать — собаки вдогонку. И Фатимат ударила козла и смело въехала во двор.

Задрожал князь от гнева.

— Если остался там хоть один пес, спускайте и его поскорей! — закричал он из окна.

Спустили слуги с цепи последнего, самого злого пса. Пес бросился на Фатимат, а она отвязала второго зайца. Заяц наутек — пес за ним следом... И Фатимат прыгнула с козла и пошла к князю.

— Я сделала, как ты велел, князь, — сказала она. — Пришла и не пришла, одета и не одета, не на коне и верхом. А вот тебе и пустой сундук с подарком. — И, сказав так, она протянула князю сундучок.

Только князь крышку открыл, воробей вспорхнул и улетел. Остался в руках у князя сундучок пустой...

Долго молчал князь, а потом и говорит:

— Ты победила, свет моих очей! Что велишь, душенька, то я для тебя и сделаю!

— Я пришла потому, что ты приказал, — ответила Фатимат. — Мне ничего не надо. Разрешите мне только сварить бахсыму и угостить тебя с твоими друзьями.

Кликнул князь княгиню. Княгиня кликнула служанок.

— Во всем слушайтесь эту девушку, делайте, что прикажет, — распорядился князь, — откройте перед ней все наши кладовые.

И заквасила Фатимат бахсыму и дала ей стоять, пока не выбродила, и потом сама она ее вскипятила, и сама ее процедила, и сама все приправы положила... А потом пришла к князю и сказала:

— Оповещай, князь, своих друзей!

По зову князя съехались его друзья из ближних и дальних мест. Сели за столы бахсыму пить. И так бы та эта бахсыма вкусна, так приятна, что пили они ее без меры, чуть животы не полопались!

Вот опьянели гости; где кто сидел, там и опрокинулся. Княгиня тоже опьянела, и ее спать увели. Только князь все пил да бахсыму хвалил. А Фатимат ему чашу подносила и сама угощала, пока допьяна не напоила. Свалился князь и уснул.

Тогда Фатимат велела слугам запрячь коней и взвалить пьяного князя на арбу. А как взвалили князя на арбу, повезла его Фатимат прямо в отцовский двор, в отцовской сакле спать уложила, рваной шубой укрыла.

Вот наутро поздно поднялась с похмелья княгиня. За нею и гости проснулись. Спрашивают: «Где князь?» А князя нет! Что делать княгине? Как быть? И наказать некого: ведь сам князь всем велел, чтоб ни в чем Фатимат не перечили.

Так отплатила Фатимат княгине и за вторую обиду.

Пришлось князю с позором через весь аул, на глазах у всего народа, голову потупив, в свой дом, к своей жене возвращаться.

СЫН ДАДАМЫЖА

Рассказывают люди, случилось однажды в старину, что вернулся некий князь из гостей домой и подъехал к коновязи, где ждали его слуги, чтобы помочь ему спешиться.

И вдруг — на тебе! — откуда ни возьмись, взлетел перед самым носом князя на верхушку коновязи петух и пропел:

— Ку-ка-ре-ку!

Слуги кругом суетятся, хлопочут: один уздечку схватил, другой стремя поддерживает, третий княжескую ногу из стремени вынимает... А князь медлит с коня слезать... «Как смел этот петух перед моим лицом петь?!» — думает князь. Выхватил из-за пояса пистолет и убил дерзкого петуха. Петух свалился с коновязи на камни, крыльями захлопал, все вокруг кровью забрызгал и затих.

Спрыгнул тогда князь на землю, сам искры из глаз мечет, ногами топает.

— Скакуна моего к этой коновязи не привязывайте! Коновязь и петуха сожгите и пепел за аулом на берегу речки по ветру развейте! А потом все камни из-под коновязи выньте и туда же свезите, и там оставьте! А потом всю землю вокруг коновязи на глубину двух раскинутых рук выкопайте и со двора вывезите! А потом арбу дочиста вымойте и наберите глины! А потом глину высыпьте в яму, катком пройдите и другую коновязь поставьте! А как все сделаете, — новые синие камни кругом положите!

Отдал князь такие приказы, повернулся и пошел в дом. Слуги с ног сбились, потом облились, кинулись его приказы выполнять. Пока князь за трапезой сидел да пока почивал, все сделали и двор подмели.

Вот вышел князь на крыльцо, глянул по сторонам и молча обратно ушел.

Стали слуги между собой перешептываться.

— Накажи его аллах! Сам бесится, а у нас спины трещат! — шепнул один.

— Петух-то чем виноват? — шепнул другой.— Пришло время петь, вот и запел...

— Это еще не конец,— тихонько сказал третий.— Видели, как посмотрел?! Того и жди, беда грянет!

Ну, что на княжеском дворе делается, то не утаить... Пошел слух про княжескую дурость по улицам и переулкам, по мельницам да просорушкам. Всюду, где люди соберутся, только об этом и говорят, да над князем смеются.

Через дня три, а может и больше, велел князь оседлать коня и поехал погулять на берег речки, поглядеть на те места, куда камни из-под конювизи вывезли, где петушиный прах развеяли. Едет и смеется:

— Славно я моих двуногих псов поработать заставил!

И вдруг слышит, запел кто-то на берегу, и далеко эта песня над водою разносится:

С князем шутки не вздумай играть —
Князь без промаха бьет петухов!
Ку-ка-ре-ку!
Трепещи, петушиная рать!
Не собрать вам своих потрохов.
Ку-ка-ре-ку!

Князь на стременах привстал, хлестнул коня, закружился по берегу: нет никого! Камня не осталось, где бы княжеский конь не ступил ногой, а певец так и не нашелся.

Уже стемнело, когда повернул князь в аул.

Выбежали навстречу слуги, помогли спешиться, а у князя пламя пышет из глаз: не только ближних, а и далеких обжигает.

Как глянула княгиня в лицо мужу, сразу спросила:

— Что с тобой? Беда какая стряслась?

Князь ей рассказал без утайки, какую песню на речке услышал.

— Ага! Сколько раз я тебе говорила: не гладь их по головке! — рассердилась княгиня. — Погладь собаку по голове, она слюной на тебя брызнет! Из чужого аула к нам никто петь не придет. Это свой пел!

— Когда же я этих псов по головке гладил,—оправдывался князь.— Они у меня по струнке ходят.

— Если так, надо искать! Не сквозь землю же он провалился, — сказала княгиня.

И без того у князя сердце горело, а княгиня еще масла подливала, да всю ночь огонь раздувала. И всю ночь они вдвоем не спали, как вороны друг против друга носами клевали. На рассвете стали перекликаться по всему аулу петухи:

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!

Бросились князь с княгиней к окну. Вспомнил князь застреленного петуха, вспомнил песню и тяжело вздохнул...

Ну, день настал, вызвал князь своего управителя, рассказал ему, как все было, и говорит:

— Сквозь землю этот певец провалиться не мог. Ищи!

А управителю как искать? Рассказал он про песню трем своим помощникам. Эти трое — еще троем рассказали. Что из одних уст вышло — в сто попало... Как чаша, трижды по кругу обошла весь аул песня про князя, и весь аул над князем смеялся.

Вызвал князь управителя и давай воду из него выжимать.

— Тряпка ты! — орал князь. — Ты еще пуще меня опозорил!

— Что пользы кричать, — сказала княгиня. — Верблюды не воробей, за пазуху не спрячешь. То, что сказано между двумя, уже не тайна. Ищи, как делу помочь.

— А вот как! — воскликнул князь. — Соберем сход и объявим: пусть выдадут этого певца. Кто его назовет, тому золотую саклю построю. А не выдадут — пролью их кровь. Дай им три дня сроку, — приказал князь управителю.

Три дня прошло, но арба с места не сдвинулась. Рассвирепел князь, гремит, как гром, над аулом. Кого словом хлестнет, кого плетью огреет, на кого конем наедет. В куриный череп готов аул загнать, в узкий чуяк втиснуть. Превратил аул в роговой волчок и, знай, подхлестывает!

Прошло так еще три дня, а может и больше, кто знает... Вконец измучил князь людей, но все же не выдают они певца.

И вот как-то рано утром вбежал на княжеский двор веселый плечистый юноша в дырявой черкеске, взобрался на новую коновязь и запел во все горло, да так ясно каждое слово выговаривает, что на весь аул слышно.

С князем шутки не вздумай играть —

Князь без промаха бьет петухов!

Ку-ка-ре-ку!

Трепещи, петушиная рать!

Не собрать вам своих потрохов.

Ку-ка-ре-ку!

— Эй, князь, перестань народ мучить! Люди ни в чем не виноваты. Эту песню про тебя я сложил — Гирпи, сын Дадамыжа! — крикнул юноша. Спрыгнул с коновязи и был таков.

На голос Гирпи выбежала во двор княгиня.

— Держите! Хватайте! Не пускайте! — кричала она слугам, но те только притворялись, будто ищут юношу, а сами и не думали. Побежала княгиня к князю.

— Теперь мы знаем, кого надо искать, — говорит. — Это сын Дадамыжа, и зовут его Гирпи.

Стали они вспоминать и вспомнили. Князь вспомнил Дадамыжа. Когда строили княжеский дом, Дадамыж помер: надорвался, тяжелые балки таскал... И княгиня вспомнила жену Дадамыжа. Послала она ее однажды, больную, на чердак за вяленным мясом, а у той голова от слабости закружилась, упала женщина с чердака и насмерть убилась... Но что сын после Дадамыжа остался, ни князь, ни княгиня никогда не слыхивали.

А Гирпи, оказывается, рос себе, подрастал — круглый сирота; ни кола, ни двора у него, где ночь застанет — там и дом. Люди его жалели. Кто кусочек хампала даст, кто лопотку мгыла, а кто просто приласкает. Так и вырос удалец-удальцом! Когда же вырос, приютила его в своей сакле бедная старушка вдова. От нее Гирпи узнал, как умерли его отец и мать, и дал он клятву поквитаться с князем.

— Так! — сказал князь, услышав от княгини новость. — Теперь он у нас в руках! — Позвал к себе управителя и отдал приказ найти Гирпи.

На все чердаки поднимался управитель. Во все подвалы спускался... Ходит по аулу, будто сетью покрытый, — весь в паутине. Только Гирпи нет!

Князь тем временем тоже сложа руки не сидел. Каждый день велит седлать скакуна; Гирпи за аулом ищет. Вот едет как-то князь берегом речки и опять слышит знакомый голос:

С князем шутки не вздумай играть —

Князь без промаха бьет петухов!

Ку-ка-ре-ку!

Трепещи, петушиная рать!

Не собрать вам своих потрохов.

Ку-ка-ре-ку!

Это пел Гирпи, и стоял он открыто на высоком камне. Князь выхватил пистолет, прищпорил лошадь и поскакал к нему. А Гирпи набросил на голову свою дырявую черкеску, замахал руками да как гикнет:

— Уа! Уа!

Закусила княжеская лошадь удила и понесла. Сбросила она князя под обрыв и умчалась в аул. Увидел Гирпи, что князь лежит без памяти, пистолет с него снял и пояс с кинжалом снял,— все на себя надел. Теперь Гирпи с оружием!

А лошадь прискакала на княжеский двор без хозяина. Княгиня подняла тревогу. Кинулись князя искать. Нашли и привезли в аул и стали отовсюду лекарей созывать.

Один лекарь сказал, что у князя селезенка оторвалась.

Другой, — что сердце с места сдвинулось.

Третий, — что у князя голова треснула.

Облепили князя пластырями и разъехались по домам.

Наутро князь пришел в себя и велел позвать управителя.

— Сын Дадамыжа,—сказал князь, — живет в пещере у речки. Я его сам видел. Хватай его и приведи ко мне. Да положи под подушку мне пистолет.

— А где он, твой пистолет? — спросила княгиня. — Тебя вчера привезли без пояса и без оружия.

Как услышал князь о своем позоре, только и сказал:

— Съел меня щенок Дадамыжа! — и опять впал в беспамятство.

Вот еще три дня прошло, а может и меньше, кто знает, пробрался Гирпи ночью в княжескую конюшню, отрезал у любимого княжеского скакуна хвост и на коновязи повесил.

Утром прибежала сплетница-княгиня к князю. Не терпится ей новость сообщить:

— Ночью у твоего коня кто-то хвост отрезал и на коновязи повесил!

— Ой, горе мое! Умираю, и нет наследника! — только и вымолвил князь и снова впал в беспамятство.

Но Гирпи князю покоя не давал. В ту же ночь он поджег княжеский дом. Согнал управитель людей пожар тушить. А они как тушили? А так: если ветер тихо дул, они огонь раздували, ветру помогали! Сгорело дотла все княжеское добро. Самого князя княгиня и управитель еле успели на улицу вынести. Тут не выдержало сердце князя, лопнуло с досады.

А что же дальше было?

А вот что было!

Управитель — старый волк на рассвете скрылся.

Княгиня, словно рыба на песке, под открытым небом осталась.

А Гирпи разделил табуны князя и его отары между всеми жителями аула.

— Берите, люди! — сказал Гирпи. — Ваш чистый труд вам и принадлежит!

Так рассказывают о славном Гирпи — сыне Дадамыжа.

ТРИ БРАТА

Жил на свете мудрый старик, который весь свой век служил у хана табунщиком. Имел он трех сыновей и умер, оставив им в наследство на троих одного коня. Но хоть и не оставил он сыновьям богатства, зато унаследовали они от старика его мудрость — выросли все трое умными и разумными. Да и конь им достался не простой. Не было в мире скакуна резвее его. Шаг у него был ровный. С миской воды в руках на нем скачи — капли не прольется. Тело у него было стройное. Уши у него были чуткие. В глазах радость светилась.

Так хорош был этот конь, что не могли его конокрады не заметить. И вот однажды, когда не было братьев дома, разломали они стелу в конюшне и увели коня.

— Если нет нашего коня, даром мы на свете живем, зря басту жуем, — сказали братья и отправились на поиски.

Много дорог они исходили, во многих аулах побывали, но нигде не могли найти пропажу. Пришли, наконец, как-то ночью в один аул и зашли в какой-то двор.

— Эй, кто есть дома? — закричали братья.

Вышел из сакли сам хозяин и пригласил их войти.

— Откуда вы, гости? Куда идете? Что ищете?

— У нас украли коня, и его след привел нас к твоему дому.

— А какой ваш конь?

— Конь у нас лучший на свете. Нет в мире резвее его. Шаг у него ровный. С миской воды на нем скачи — капли не прольешь. Тело у него стройное. Уши у него чуткие. В глазах радость светится...

Услышал хозяин эти слова — изменился в лице. А братьям сердце подсказывает: тут дело нечисто!

— Верни коня, и мы не будем тебе мстить, — пообещали они хозяину.

— Тот, кто сказал вам, что конь ваш здесь, — обманул вас, — уверял хозяин.

— Мы не только знаем, где наш конь, — ответили ему братья, мы можем угадать, что у тебя в руке.

«Ну-ну, — подумал тот, — дай-ка, я их проверю!» — Пошел, взял в руку орех и вернулся к ним.

— Что у меня в руке?

— У той штуки, что ты держишь в руке, кожа крепкая, — сказал старший брат.

— А если кожа крепкая, — значит, оно круглое, — сказал средний.

— А если кожа крепкая и оно круглое, — значит, это орех, — сказал младший.

Хозяин испугался, побледнел.

— Берите вашу лошадь и уезжайте,— попросил он.— Только знайте: я ее не украл, а купил. И пусть принесет она вам счастье!

Братья обрадовались, что нашли своего коня, отправились в обратный путь. Вот едут домой и видят: в одном ауле собралось посреди большого двора много людей и о чем-то шумят, между собой спорят.

— О чем спор идет? — спросили братья.

— Умер у нас князь и оставил двух сыновей. И они никак не поделят между собой богатство. Уже целую неделю народ занят тем, что помогает им имущество делить. Созвали мудрецов со всех концов, а толку не видно. Может, вы поможете?

Три брата посоветовались между собой.

— Попробуем! — говорят.

Пригласили их в дом. А там сидят князья, да дворяне, да богачи... Встал навстречу братьям старший сын покойного князя.

— Рассудите нас, гости! Умирая, отец завещал нам все свое добро — золото и серебро, табуны и отары, дома и конюшни, дедовское ружье и драгоценный камень, изумруд. И взял он с нас три клятвы. Первая клятва была такая. «Если не удастся вам поделить между собой поровну золото, серебро и постройки, стада, табуны и отары, — сказал отец,— поклянитесь, что разделите так, как поделил я сам в этом сундуке. Что наверху лежит, твое, старший. Что внизу лежит, твое, младший». И отец показал нам на сундук у изголовья... Стали мы имущество делить, пошел у нас спор, и открыли мы сундук, как поклялись. А в сундуке, поглядите сами,—сверху щепки да кости, а внизу одни черепки. Как же нам этот мусор между собой поделить?!

Вторая клятва была такая. «Если станете ссориться из-за дедовского ружья, — сказал отец,— пусть ружье достанется тому, кто меня больше любит». И в этом мы поклялись. Но ведь мы оба — сыновья своего отца, оба его любим. Как же нам быть? Кому отдать ружье?

Третья наша клятва была вот такая. «Изумруд надвое не расколешь,— сказал отец.— Пусть его получит тот из вас, кто правдивее». И на том дали мы клятву. И я не лжец, и брат мой не лгун. Кому же из нас двоих принадлежит изумруд?

Вот наша тяжба, почтенные гости, и мы боимся, что кончится она кровью.

— Нас здесь трое братьев,— сказал старший брат.— А у вас три тяжбы. Первую тяжбу я возьму на себя. Спор о ружье разрешит мой средний брат. А кому из вас присудить изумруд, подумает наш младший... Теперь скажите мне вы, сыновья князя, какое дело больше всего на свете вы любите?

— Мне больше всего по душе выводить чистокровных коней и растить отары,— сказал старший сын князя.

— А я больше всего люблю копить деньги,— сказал младший сын князя.

— Чем был ваш отец богаче: золотом и серебром или постройками и скотом? — спросил старший брат.

— Всего имел он поровну,— ответили сыновья князя в один голос.

— Тогда ваш отец поделил вас справедливо и мудро. Каждому из вас он назначил имущество по склонности. Кости и щепки — это скот и постройки. Он завещал их старшему сыну... Черепки — это серебро и золото. Он оставил их младшему сыну. Так говорит ваш сундук, и не надо вам ломать клятву.

Народ удивился мудрости старшего брата, а сыновья князя обрадовались.

— Спасибо! Мы очень довольны твоим решением,— поблагодарили они.

Закончилась первая тяжба, и встал теперь средний брат.

— Я разберу спор о ружье,— сказал он.— Только привезите воз глины и замесите ее. А потом оставьте меня одного. Завтра в это же время я вас всех позову.

Привезли ему воз глины. Замесили. Пошел средний брат к вдове князя и тайно попросил у нее княжескую одежду. Потом узнал у нее: каков собою был князь, какие у него были глаза, и нос, и усы... Вылепил из глины статую и нарядил в княжеские одежды. А когда все было готово, прикрыл статую покрывалом и позвал княгиню.

— Таким был твой муж? — спросил он, подняв покрывало.

— Это он, как живой! — заплакала княгиня.

Вот в назначенный срок созвал всех средний брат и объявил сыновьям князя:

— Ружье достанется тому, кто лучший стрелок.

Снял он покрывало со статуи и говорит:

— Здесь стоит ваш отец. Метьте прямо в сердце!

Взял ружье старший сын князя, хорошо прицелился, попал прямо в сердце.

— Афайрым, славно ты стреляешь! Меткий стрелок! — похвалил средний брат. Зарядил ружье и протянул его младшему сыну князя. Взял тот. Долго-долго целился. А потом вздохнул и опустил ружье.

— Что ж ты не стреляешь? — спрашивают его.

— Не могу! — отвечает.— Нет у меня столько мужества, чтоб выстрелить в отцовское сердце!

— Ты истинно любишь отца. Ружье принадлежит тебе,— сказал средний брат.

Подивился народ уму среднего брата. И тогда встал младший брат.

— Теперь мой черед судить, кому изумруд достанется,— сказал он.— Принесите сюда две миски воску.

Принесли, как он сказал, две миски воску.

— Я хочу знать, каков изумруд, завещанный вам отцом. Возьмите воск,— велел он сыновьям князя,— разойдитесь так, чтоб друг друга не видеть, и вылепите мне этот изумруд.

Много ли, мало ли времени прошло, зовет он княжеских сыновей обратно.

Старший сын князя вылепил из воска конскую головку.

А младший вернул миску нетронутой.

— Отец никогда не показывал нам своего изумруда. Как же я мог его вылепить? — сказал он.

— Значит, все-таки лжец — ты! — указал младший брат на старшего княжеского сына. И отдал изумруд младшему.

Так рассудили три брата все три тяжбы, что не под силу было рассудить множеству мудрецов со всех концов, и отправились в путь. Вернулись домой, и коня своего любимого привели, и зажили мирно и дружно. Но была у них одна забота. Очень хотелось братьям землю пахать! А земля кругом вся в руках у князей да у богатеев.

И в ближних местах братья искали, и в дальних — нет ни клочка свободной земли...

И решили они на хитрость пуститься.

Шесть месяцев братья бород и усов не брили. Обросли, как медведи. Нарядились они в домотканые черкески, наточили кинжалы, по два пистолета за пояс заткнули. Палки взяли и отправились к князю, у которого много было земли.

Смело зашли они во двор и крикнули во весь голос:

— Эй, кто дома есть?

Встретил их слуга и, как глянул в их лица, весь задрожал. Ну, опомнился все же, провел их в дом.

Сели гости, беседуют, а слуга стоит, рот разинул, на них смотрит. Потом побежал и княгине докладывает: так, мол, и так, прибыли к нам гости, между собой разговаривают, но ртов у них нет, и смотреть на них страшно.

— А это мы увидим, есть у них рты или нет,— сказала княгиня и велела подать гостям меду.

Поставили перед гостями айша — треножку, а на ней полное блюдо меду.

Гости рукава засучили, пальцы в мед макнули, по усам провели, усы закрутили, рты открыли и давай мед есть. Поели, умылись, и снова ртов у них не видно стало.

— Да,— говорит княгиня,— это не те гости, с какими можно шутки шутить. Князь вернется, сам им угощение сделает. А пока я их угостить должна.

Кликнула княгиня служанку.

— Беги в курятник, поймай жирного петуха.

Пошла служанка, стащила с насеста за ноги самого жирного петуха. А братья видели это через окно.

— Домашнего глашатая уже свалили,— сказал старший брат.

— А коли свалили,— значит, скоро, на трехногой лошади прискачет,— откликнулся средний.

— Не видать ему счастья, коли прискачет,— добавил младший.— Мы его скрутим и через узкие ворота протискаем.

Когда гости между собой так разговаривали, слуга возле них стоял. Рот разинул, слушает, а о чем говорят, не понимает...

Пошел, княгине доложил: так, мол, и так, гости друг другу загадки загадывают.

— Какие там загадки! — рассердилась княгиня.— Домашний глашатай — это наш петух. Трехногая лошадь — айша-треножка, на которой курятину подадут, а узкие ворота — это горло...

В полночь вернулся домой сам князь, и княгиня рассказала ему, какие у них в доме гости.

Всю ночь князь не спал, о гостях думал. Наутро зашел в кунацкую и, как увидел медвежьи лица трех братьев, даже назад отступил, так стукнуло у него сердце.

Приказал князь для гостей барана зарезать. Сам их угощал. И три дня резали для них по барану и шло в княжеском доме угощение. На четвертый день спрашивает князь:

— Откуда вы, гости? Какое дело у вас?

— Дай нам земли! — говорят братья.— Мы хотим земли! Много нам не надо. Хоть бы столько, сколько шкурами трех быков обхватим. «Это еще по-божески!» — обрадовался в душе князь и говорит:

— Хорошо, дам вам земли, сколько просите!

— Смотри не передумай! — сказали братья.— Кто нас обманет, тому мы не прощаем!

— Я не из тех, кто свое слово проглатывает,— гордо ответил князь.— Сказал — и кончено!

Зарезали братья трех быков, содрали с них шкуры и пошли на княжеское поле. Тут они шкуры на ремни разделили, а потом из них тонкой дратвы нарежали. Связали братья дратву в один шнур и пошли землю обхватывать. Как увидел князь такое дело, за волосы схватился, локти себе кусал...

— Эх,— говорит,— не думал я, что они так меня проведут!

Но что мог князь поделывать?! Нечего было ему сказать!

Отмерили братья себе большое поле и уже с тех пор никуда не ездили.

Стали спокойно жить-поживать, свою землю пахать.

ВОЛК В ЗАПАДНЕ

У одного охотника был ослик. Ослик этот был очень ленивый и часто удирал от хозяина в поле, а то и в лес. И вот однажды в лесу напал на ослика волк.

Совсем загонял волк бедного ослика. Почуял ослик, что конец ему приходит, и выбежал на опушку. А на опушке охотник как раз выкопал глубокую яму-западню для диких зверей.

Ослик с перепугу перемахнул через яму — и был таков, а волк на ходу перекувыркнулся и свалился прямо в западню.

Вот мечется волк, воет, рычит, шерсть на себе рвет. На ту пору скакал мимо маленький зайчонок.

— Милый мой братик,— заскулил волк,— какой ты пушистый, какой ты красивый! Ушки у тебя длинные, хвостик куцый — собаке не за что ухватиться... Передние ножки у тебя короткие — ты мастер подниматься в гору. Задние ножки у тебя длинные — с горы ты сам собой катишься... Душа у тебя добрая, вытащи меня из ямы, ничего на свете для тебя не пожалею!

— Нет! — сказал зайчонок. — Нет, нет! Слово твое дырявое. Кто видел, чтоб сито держало воду? Никогда тебе не поверю! Сиди, где сидишь!

И поскакал зайчонок своей дорогой.

Вот мечется волк, рычит и воет, туда-сюда в яме прыгает, шерсть на себе рвет. На ту пору бежала мимо лиса.

— Эй, свет очей моих, сестра моя,— зарычал волк,— умнее тебя нет среди лесных зверей. Лоб у тебя покатый, голова у тебя длинная... У тебя в хвосте больше мудрости, чем у других в башке; твой хвост любого пса обманет... Пусть душа моя будет твоей жертвой, вытащи меня из ямы. Что хочешь, за это для тебя сделаю!

— А что ты для меня сделаешь? — полюбопытствовала лиса.

— Кур, гусей, индюков,— чего пожелаешь, притащу из аула. Лежи на боку, словно княгиня, да угощайся.

— И давно ты таким щедрым стал? Нет, не хочется мне что-то ни курятины, ни индюшатины... Сиди, где сидишь! — сказала лиса, вильнула хвостом и побежала дальше.

Вот бьется волк, от воя охрип, шерсть на себе клочьями рвет, туда-сюда в яме мечется. На ту пору возвращался домой ослик — тот самый ослик, что чудом спасся от волка... Шел и хлопал ушами...

— Брат мой любимый,— завыл волк.— Что за светлое у тебя лицо! Глянул я на тебя и даже про беду свою забыл. Уши у тебя, как у зайца, копыта, как у скакуна, хвост, как у быка, тело твое сильное! Тяжесть, что пяти коням не под силу, ты один поднимаешь... А какой у

СТАРИК И ВОЛК

Один бедный старик собирал как-то в лесу шишки. Набрал полный мешок, завязал, на плечо взвалил и домой пошел. По дороге встретился ему волк.

— Ой, старик хороший,— жалобно сказал волк,— за мной гонятся охотники. Спрячь меня в мешок, и я тебя отблагодарю.

Пожалел старик волка, высыпал шишки и спрятал его в мешок. Только завязать успел, охотники тут как тут. Отдали старику «салам» и спрашивают:

— Не видел ли ты здесь волка, отец?

— Недавно какой-то волк стороной пробежал,— ответил старик.—

Кажется, налево свернул...

И охотники ушли.

— Далеко теперь охотники? — спросил волк из мешка.

— Далеко, уже и не слышно!

— Тогда развяжи мешок и выпусти меня, пожалуйста,— ласково попросил волк.

Выпустил старик волка на свободу. Волк огляделся по сторонам, увидел, что охотников нет, и зарычал:

— Теперь, старик, я тебя съем!

— Я тебе добро сделал, я тебя спас, а ты меня хочешь съесть.

Как же так?! Почему?

— Такая моя порода!— гордо ответил волк.

— Тогда давай сделаем так,— предложил старик,— спросим у трех встречных: съесть тебе меня или не съесть? Что они скажут, то и будет.

Как старик предложил, так и сделали.

Первой встретилась им старая лошадь. Поздоровались они с ней и рассказали о своем споре.

Старая лошадь покачала головой, подумала и сказала:

— Люди ведь тоже не благодарны. Я всегда старалась угодить хозяину и работала не жалея сил. А когда состарилась, он выгнал меня со двора, и вот я тащу по дороге свои немощные кости. Пусть волк съест тебя, старик!

Обрадовался волк, и пошли они со стариком дальше.

Второй встретилась им старая собака. Поздоровались они с ней и рассказали о своем споре.

Собака потянулась, помахала хвостом и прошамкала:

— Много лет стерегла я скот, двор и дом моего хозяина. А теперь я стара — и он выгнал меня на улицу. У людей нет справедливости. Будет хорошо, если ты, волк, съешь старика.

Волк очень обрадовался, и отправились они со стариком дальше. Третьей встретилась им усталая лиса. Она рысцой возвращалась из аула, где воровала кур. Поздоровались с ней старик и волк и рассказали о своем споре.

Лиса задумалась, а потом засмеялась.

— Я вам не верю!— сказала она.— Сам ты, волк, такой большой, зубы у тебя такие длинные, хвост у тебя такой толстый... Как же ты можешь поместиться в таком маленьком мешке?!

Волку не понравились слова лисы. Он рассердился.

— Не сердись, мой друг,— успокоила его лиса.— Если ваши слова — правда, полезай в мешок на моих глазах. Я посмотрю, как ты это сделаешь.

Согласился волк и полез в мешок, но хвост высунул наружу.

— Я ведь говорила, что вы обманщики! — закричала лиса.— Твой хвост не помещается в мешке!

Тогда волк скрючился и поджал хвост, а старик, который уже смекнул, к чему клонит лиса, быстро завязал мешок.

— Теперь бей его!— посоветовала лиса и побежала своим путем.

Нашел старик дубину покрепче и давай по мешку колотить.

— Век,— говорит,— буду помнить волчью породу!

Убил волка. Шкуру с него снял и деньги за нее получил.

Кто творит добро—не раскается. Кто делает зло — не уйдет от возмездия,— говорит пословица.

КАРАЧАЕВСКИЕ

ли... Много ли он ехал, мало ли, но прискакал конь к богатой каменной сакле и громко заржал.

Громко заржал конь, и выбежала на порог красавица, краше которой никогда не видел сын бия, и попросила его войти в дом:

— Будь нашим гостем! Скажи, в чем нуждаешься? Чем можем тебе помочь?

— Младший из Абоковых тяжело ранен. Эмеген пронзил его грудь стрелой, и он уже, наверное, скончался.

Услышав такую весть, вскрикнула красавица и упала замертво. Тут вышел почтенный старик с белой бородой. Он поднял красавицу и внес ее в дом, а потом вернулся и хмуро спросил:

— Что за весть у тебя, эй, всадник?!

— Младший из Абоковых тяжело ранен. Эмеген пронзил его стрелой, и он уже скончался, наверное.

— Глуп же он, коли с тобой дело имел!—проворчал старик. Быстро оседлал своего коня и приказал:

— Показывай дорогу!

Как огонь, летели их скакуны. Примчались они на место битвы, видят—младший из Абоковых умирает. Спрыгнул старик наземь, зубами у него стрелу из груди вытащил, перевязал рану. Потом поднял его и посадил на эмегенова коня.

Погнали они перед собой табун, вернулись в дом старика. Младшего брата в постель уложили, и старик принялся искусно врачевать его рану... А сына бия, как гостя, принимали, угощали на славу: то кушанье, что сегодня ел, на завтра уже не стряпали.

Когда стал раненый поправляться, позвал старик приемыша в комнату для гостей. Там было много красивых девушек. Они пришли приветствовать гостя.

— Узнаешь среди них ту, что вышла тебе навстречу?—спросил старик.

— Нет! Я узнал бы ее сразу, но здесь ее нет. Она лучше всех этих красавиц!

— Вот она!—сказал старик.— Она была прекрасней всех моих дочерей. Но ты сразил ее страшной вестью, она тяжело захворала и потеряла свою красоту. Твой поступок недостоин мужчины!

Потом повел его старик в свою кладовую, открыл сундук, полный золота, и велел:

— Бери, сколько сможешь, и уезжай!

Насыпал тот золота два полных арткама. И отправились они с младшим братом домой. Младший брат на эмегеновом коне едет, а перед собой табун гонит. По дороге младший брат сказал приемышу:

— Эмегены, которых я убил, погубили моих старших братьев. Все пятеро погибли из-за этого табуна...

Как стали к родному аулу подъезжать, младший брат слез с эмегена коня, снял с себя богатый наряд и оружие, надел старую, рваную черкеску и принял свой прежний вид.

— Если кто спросит обо мне, смотри не болтай, что это я пригнал табун и убил эмегенов,— наказал он приемышу.

Добрались они, наконец, до своего аула.

— Сын бия нашел брата-дурака и пригнал табун коней!— радовались люди. Но когда начали соседи у приемыша допытываться, как ему такая удача выпала, он не удержался:

— Нет, мой брат не дурак! Этот табун он пригнал!

Как увидела приемышева жена дурака живым-невредимым, крик подняла:

— Не можешь ты избавить меня от этой напасти?

Муж ей на полные артмаки показывает, знаки глазами подает: «Молчи, мол!», а она знать ничего не знает, кричит да бранится. Младший же брат слушает и помалкивает...

Собрались тем временем старейшины аула, пришли к младшему из Абоковых. Приветствовали его, как равного.

— Что ж ты,— говорят,— сынок, дураком прикидывался, нас, грешных, обманывал?

— Друзья моего отца! Всем вам ведомо, что старшие мои братья были смелые джигиты, богатыри... Пятерых убили эмегены... Я один остался жив — был в ту пору ребенком. Если б эмегены прослышали, что уцелел один из Абоковых, они бы и меня погубили. Я прикинулся дураком, чтоб не могли люди сказать: «Жив еще один из рода богатырей Абоковых!»

Похвалили старики юношу за его хитрость.

— А теперь,— продолжал он,— рассудите нас, друзья моего отца. Не знаю, какое зло причинил я нашей невестке, но заставила она своего мужа отвезти меня в дремучий лес и бросить на съедение волкам... Дом, скот, земля — все, что есть у нас, мое по праву... Нужды не знают в нашем доме... Почему же она для меня крошку лишнюю жалела? Скажи при всех, что я тебе плохого сделал? — обратился младший брат к жене приемыша.

...Молча стояла женщина. Нечего было ей сказать. Достал тогда младший брат из своего артмака колокольчик, позвонил, и примчался на его зов голубой конь. Привязал он злую невестку к хвосту коня, и на том ее жизнь кончилась.

А потом роздал он эмегеновых лошадей всем сельчанам и устроил большой пир. Пировали на том пиру все жители аула от мала до велика несколько дней... И жена к нему приехала... Была она, оказывается, дочерью самого падишаха джинов. А приемыша женил младший брат, не помня зла, на одной из сестер своей жены.

Как не видел я всего, о чем рассказал, так не видать вам, слушавшим, болезни и смерти!

ПОДЖАРЕННЫЙ ПАТАШ

Давным-давно жил в одном горном ауле человек, по имени Паташ. Было у него семь сыновей и дочь-красавица, красивой которой никто никогда на свете не видел. Была она очень гордая и не хотела замуж выходить...

И Паташ, и все его сыновья славились как удачливые охотники. Вот пошел однажды на добычу старший сын и застрелил в лесу лань... Вдруг откуда ни возьмись вышла из чащи страшная, черная старуха-эмегенша.

— Это же моя козочка! Зачем ты ее убил? Отвези тушу ко мне домой, сынок!

Смутился парень.

— Прости меня, бабушка! Я и не знал, что она твоя...

Взвалил он убитую лань на своего коня и отвез к старухе, а старуха и говорит ему:

— Уже поздно! Оставайся у меня ночевать...

Сунула лань в котел, сварила и все сама съела, ни кусочка охотнику не дала. На другой день эмегенша опять не отпустила его. Она зарезала его коня, бросила в котел и все дочиста одна сожрала. На третий день взмолился охотник:

— Отпусти меня, бабушка, домой!— Но старуха и его швырнула в котел, сварила и съела...

Вслед за старшим попали на ее зубы все шестеро младших братьев-охотников с их конями... Последним поехал на охоту сам Паташ. Застрелил Паташ в лесу лань, и тотчас вышла из чащи страшная, черная старуха-эмегенша и сказала:

— Ах, что ж ты наделал! Ты убил мою козочку! Отвези теперь ее ко мне домой...

Заманила старуха Паташа к себе и в два дня проглотила его добычу и его коня. А на третий день вздумалось ей из самого Паташа приготовить шашлык... Нажгла старуха углей, проткнула Паташа вертелом, положила на треногу поджариваться... А, ожидая, пригрелась у огня, да и задремала. Бедняга Паташ кое-как слез с вертела и спрятался за дровами. Проснулась старуха, видит — нет ее шашлыка!

— Ох, проклятый!—разворчалась она.—Растаял, видно, весь, вытопился, как курдюк...— Нашла в котле на самом дне старый жир, напилась, да и спать легла.

Выполз потихоньку Паташ из-за дров, схватился за обгорелый бок и с трудом добрался домой, истекая кровью. Рассказал он аульчанам о своей беде и дал клятву при всем народе:

— Будет моя дочь женою того, кто вернет мне моих сыновей!

Вышел тут один смелый джигит, которому давно по душе пришлась гордая красавица, и дал ответную клятву:

— Либо сам погибну, либо найду семерых сыновей Паташа!

Отправился он в тот лес, где жила эмегенша, на охоту за ланями. А когда страшная, черная эмегенша встретилась, он и слова сказать ей не дал, ухватил ее крепко за космы и говорит:

— Теперь твоя жизнь в моих руках! Верни мне семерых братьев-охотников!

— Не убивай меня! Я верну тебе всех семерых... Вот только куда сам Паташ девался, не знаю...

— Верни сыновей,— тряхнул джигит эмегеншу,— а Паташ дома лежит, и ты должна его вылечить.

— Все сделаю, только не убивай!— взвыла старуха.

Отпустил ее джигит и поехал за нею следом. Добрались до ее двора, и, как только добрались, вышли оттуда один за другим все семеро братьев, и каждый говорил:

— Как же долго я спал!

А за ними и лошади их словно из-под земли появились. Потом сварила эмегенша целебное зелье для Паташа. Джигит за это ее помиловал, убивать не стал.

Вернулись все братья домой... Поправился Паташ. Собрал народ, устроил пир, отдал свою красавицу-дочь за смелого джигита. И стали с тех пор в ауле называть Паташа «Поджаренный Паташ», а он на это не обижался. Что правда, то правда! Хотела ведь его эмегенша на вертеле зажарить.

КОКАЙЧИК

Давным-давно жил в одном ауле старик. Бедный был он человек, ничего не имел ни от земли, ни от неба. Был у него малолетний сын, по имени Кокайчик. Пришло время старику умирать, Позвал он к себе мальчика и говорит:

— Запомни, Кокайчик! Как умру я, можешь ходить куда хочешь. Не ходи только в сад на другой стороне горы.— Сказал так и умер.

Остался Кокайчик сиротой. Много исходил он разных тропинок. А вот в сад, о котором ему отец говорил, никогда не заглядывал. И

пришло ему однажды в голову: «Дай-ка посмотрю тамошние места!» Забыл, видно, мальчик отцовский наказ, отправился в этот сад.

Перевалил через гору, пришел, видит: кругом плодовые деревья стоят, зреют яблоки, и груши, и сливы... «Вот так-так! — подумал Кокайчик. — Такой славный сад, а отец запретил сюда ходить!» Забрался на самую высокую яблоню и давай яблоки есть. Самые красные да спелые выбирает!

Вдруг откуда ни возьмись явилась перед ним злая черная эмегенша.

— Эй, бедный человечек, эй, глупый человечек! Ты что здесь в моем саду делаешь? — страшным голосом закричала она.

— Не видишь, что делаю? — удивился Кокайчик. — Яблоки ем!

Поняла эмегенша, что не испугаешь его, пошла на хитрость:

— Брось, — говорит, — и мне яблоко, только не с этого, а во-он с того дерева.

Хотел Кокайчик с одной яблони на другую перепрыгнуть, да промахнулся и упал прямо в подол, который подставила эмегенша.

— Ага, глупый человечек! Попался! Очень вовремя я тебя поймала. Мои бедные дети умирают с голоду... — и потащила Кокайчика к себе в дом.

— Вот, детки, — говорит она своим сыну и дочке, — сейчас я приготовлю вам обед!

Налила эмегенша в большой котел воды и вывалила Кокайчика из подола прямо в котел. Развела она жаркий огонь. Плавает Кокайчик в котле и чует, как быстро нагревается вода, все горячей становится, так что терпеть уже невозможно!

А у эмегенши тем временем кончились дрова, и она отправилась за ними во двор. Выскочил Кокайчик (котел-то уже закипает!) и бросил² вместо себя в котел двух маленьких черных эмегенов — детенышей эмегенши.

Только успел Кокайчик на чердак залезть, как вернулась эмегенша с охапкой дров. Подбросила она поленьев в огонь, сидит, ждет, когда Кокайчик сварится. Вот какое-то время прошло, взяла она половник, чтобы суп попробовать. Зачерпнула, а там шапка ее детеныша!

Взвыла эмегенша, волосы на себе рвет... А Кокайчик с чердака:

— Мияу!

— Вот ты где, злодей! Как ты туда забрался? — закричала эмегенша.

— Очень просто! Поставил друг на друга бочки, котлы, скамейки, а сверху докрасна раскаленное шило воткнул. Стал одной ногой на это шило и прыгнул на чердак, — объяснил Кокайчик.

Взгромоzdила эмегенша на кучу все, что в доме было: и бочки, и столы, и ведра, и табуретки, накалила шило на углях докрасна, сверху

воткнула. А потом подпрыгнула и ногой стала на это шило. Вонзилось шило эмегенше в пятку, и свалилась она без памяти на пол.

А Кокайчик спустился с чердака и убил эмегеншу. А потом позвал всех жителей аула и роздал им все ее добро. Вот вам и маленький Кокайчик! Хитростью победил злую черную эмегеншу и остался жив.

Как не видели мы всего этого своими глазами, так да не видеть нам никаких бед и напастей!

БЕДНЯК И ХАНСКАЯ ДОЧЬ

Жили в давние времена бедные-бедные старик со старухой. Никакого хозяйства у них не было. Кормились тем, что милостыню просили... Но был у них единственный сын, который хоть и рос в бедности, а вырос разумным и ловким. А как вырос, стал день и ночь трудиться, избавил отца с матерью от нужды.

Очень по душе пришелся этот бедняцкий сын самому хану.

— Был бы этот парень богат, отдал бы я за него свою дочь,— сказал хан. А дочь хана услышала это и стала поглядывать на юношу; знала, что отец против не будет... Поглядывала, поглядывала, и полюбил ся он ей. Подошла она однажды к нему:

— Если хочешь, бери меня в жены,— говорит.— Я считаю тебя достойным!

Она-то думала, что бедняк обрадуется. А бедняк молчит, медлит с ответом...

— Что ж ты молчишь? — обиделась ханская дочь. И тогда ответил юноша:

— Что мне сказать? Я беден, простого рода, а ты ханская дочь... Не будет у нас в жизни согласия...

Как узнали отец с матерью, о чем ханская дочь с их сыном разговаривала, пристали к нему: «Женись да женись на дочери хана!». Он их и так и сяк уговаривал: «Не подойдет она к нашему дому»,—но старики до тех пор уговаривали его, пока он не исполнил их волю. Все, что заработал сын, истратили старик со старухой на богатую свадьбу; оказались нищими, как прежде.

Вот какое-то время прошло, ханская дочь и говорит мужу:

— Не пристало нам в такой нужде находиться. Пойдем к моему отцу жить. У него всякого добра много!

— Нет,— отказался юноша.— Если я уйду, кто будет о моих стариках заботиться?

Но ханская дочь просила его и днем и ночью: «Уйдем да уйдем!» А сама то убегала в дом отца, то снова возвращалась к мужу... Наконец надоело это хану.

— Идите вы к нам жить!— говорит он зятю.— А твои старики и без тебя не пропадут...

Но юноша ответил:

— Грех мне будет, если мои отец с матерью будут милостыню просить... Говорил я твоей дочери, что она мне не пара. Не хочет со мной жить, пусть уходит одна...

А у этого хана был волшебный кнут. Если тем кнутом человека ударить, можно было обратить его в какое хочешь животное, либо птицу. Схватила ханская дочь кнут, побежала к мужу.

— В последний раз тебя спрашиваю: пойдешь жить к моему отцу?

— Не пойду, не оставлю в нищете отца и мать!

— Так будь же ты ослом!— ударила его и превратила в осла. Пригнала юношу в образе осла к свекру со свекровью и говорит:

— Вашего сына мой отец послал к своей родне с поручением. А вам дарит эту скотину. Будете дрова из лесу возить...

Возит старик на осле из лесу дрова, продает. Тем и живут со старухой. Ослом старик не нахвалится, жалеет его, кормит чем получше.

— Какой,— говорит,— смиренный, какой работающий ослик мне достался!

Не понравилось это дочери хана. Пришла она как-то с кнутом и спрашивает потихоньку:

— Теперь выполнишь мою волю?

Покачал осел головой: «Нет!»

— Так стань же ты псом!— рассердилась она, ударила его и превратила в собаку.

А старик увидел сноху во дворе, обрадовался:

— Скоро ли, доченька, мой сын вернется?

— Не ждите,— говорит ханская дочь.— Мой отец его далеко отправил.

Сильно убивался старик, что осел у него пропал... А тут, словно взамен, собака какая-то приبلудилась! От порога не отходит и так ласково старику со старухой в глаза заглядывает. Не прогнали они собаку, кормят, жалеют...

Пришла ханская дочь, увидела, выговор им сделала.

— Самим есть нечего, а еще псов держите! Чтоб глаза мои ее не видели! — Не посмели старики дочери хана перечить и прогнали собаку прочь со двора.

Заметил собаку пастух и приманил ее к себе. Помогает ему собака овец пасти. Бегаёт вокруг стада, ни одному ягненку отстать не даст, волков отгоняет. Доволен пастух:

— Какая у меня собака! За нее одну не жаль сто овец!

К вечеру добрались до коша. Набросились овчарки на новую собаку. Разогнал их пастух и бросил собаке кость. А та к ней даже не притронулась. Тогда вынес пастух из коша кусок сырого мяса. Но собака и мясо не стала есть. А сама все заглядывает в глаза хозяину...

— Что за чудо! Видно, не простая это собака... Дам-ка я ей, что люди едят.— Взял пастух чистую чашку, налил сметаны, накрошил туда лепешку. Съела собака все и чашку вылизала.

Три года прожил юноша в образе собаки у пастуха. Ханская дочь все ждала мужа, надеялась, что одумается он и вернется ее милости просить.

А старики сына уже и ждать перестали. Невестка сказала им, что погиб он, пропал без вести...

А он истосковался по родным местам, по отцу с матерью: «Дай,—думает,—пойду хоть посмотрю на них»... Приходит. Ластится к ним... Старик со старухой сразу узнали свою собаку, накормили ее, напоили...

Стала она опять у них жить.

Через несколько дней проходила мимо их двора ханская дочь. Увидела собаку, спрашивает потихоньку:

— Теперь выполнишь мою волю?

Покачала собака головой: «Нет!» Кинулась ханская дочь домой, принесла кнут.

— Так стань же ты птицей! — ударила и превратила юношу в стрижа.

Птичка часто кружилась над родимым домом, залетала во двор к старикам и садилась им на плечи.

— Наверное, это душа нашего сына! — вздыхала старуха, и они не отгоняли стрижа.

«А что, если полечу я в дом хана? Найду открытое окно, попробую, ударюсь о кнут. Может, стану опять человеком?»— подумал юноша. Как подумал, так и сделал. Залетел в ханский дом, ударился грудью о кнут. И случилось чудо — превратился он в человека!

Только успел он кнут схватить, как вошла в комнату ханская дочь. Ударил юноша жену кнутом и сказал:

— Будь же теперь ты ослицей!

Старик со старухой не могли нарадоваться возвращению сына, которого давно оплакали.

— Где ты пропадал так долго, сынок?—спрашивали они.

— Стыдно мне было, что мы так обеднели... Я нанялся к одному баю в пастухи и служил у него три года... Тебе, отец, я привел в подарок ослицу.

— Да воздаст тебе аллах! Осел в хозяйстве очень нужен... Хан

было подарил мне осла, да его у меня украли... Долго я таскал из лесу дрова на своих плечах... Вот теперь отдохну!

— Навьючивай, отец, вязанки побольше. Это очень злая ослица! А я тебе еще двух ослов приведу.

На другой день рано поутру счастливый старик отправился в лес за дровами. А юноша пошел к хану. Ударил тестя кнутом. Ударил тещу. Превратил их в ослов. А потом пригнал к себе во двор.

Вечером вернулся отец. Гонит ослов, навьюченных большущими вязанками дров. Подошел юноша и спрашивает:

— Ну, каково ослами быть?

Удивился отец:

— Что ты там, сынок, с ишаками разговариваешь?

Тут рассказал ему юноша всю правду про свои мученья. И как узнал старик, какие ослы у него в хозяйстве завелись, начал их так навьючивать, что они вскоре ноги протянули...

А юноша роздал все ханское добро беднякам аула.

Слышали вы сказку своими ушами. Живите же долго, чтоб своими глазами все слышанное увидеть!

ЛОШАДНИК ЧОРА

Давным-давно жил в одном горном ауле человек, по имени Чора. Был он человек умный, веселый, приветливый. Все его в ауле любили, к нему за советом ходили...

А еще знал Чора толк в лошадях. Звали его поэтому лошадиник Чора. Стояли у него на конюшне три скакуна. Один скакун с белыми пятнами на всех четырех ногах, другой скакун со звездой на лбу, третий — вороной.

Был Чора бездетен. И он и жена его очень об этом горевали.

— Кто будет нашей опорой, когда состаримся?— часто сетовал Чора. И вот на старости лет пришло к ним в дом счастье. Родила жена Чоры мальчика. Теперь все их помыслы, все тревоги были об этом мальчике. Был он забавой и радостью для родителей.

Подрос сын Чоры, стал отцу с матерью помогать. Вот однажды, когда пас он отцовских овец, увидели его разбойники. Схватили мальчика, заткнули ему рот, связали, вскинули на коня и увезли через поля, через горы, далеко от родных мест. Увезли и продали там одному богачу за большие деньги.

Не знали утешения Чора и его жена, потеряв долгожданного сына. Особенно убивалась жена, сторела, как говорится, от горя. Седлал Чо-

ра поочередно своих коней, с седла не слезал, искал сына. Где он только не побывал, кого не спрашивал — не нашел мальчика...

А время шло, и вот как-то приехали в тот аул купцы. Понравились им кони Чоры.

— Продай нам коней! — стали они просить. — Дадим, что пожелаешь!

Спрашивает умный Чора у купцов:

— Где вы ходите? Где бываете?

— Всюду ходим, всюду бываем, — отвечают купцы. И назвали многие города и страны, куда они свои товары возят... Долго думал Чора, а потом решил: «Всюду ездят эти купцы, везде они торгуют. Пусть берут скакунов. Может, встретит их мой сын, увидит коней и поймет, что это я ему помощь даю»...

И продал своих трех скакунов купцам.

Скоро сказка говорится, да не скоро дело идет. Сын Чоры стал рабом одного богача и пас его овец. Вот однажды пасет он стадо и заметил у дороги лошадиный череп. Взял он череп в руки и по зубам его увидел, что некогда был это резвый скакун. Вспомнил он трех отцовских коней, вспомнил отца с матерью, родной аул, и горько ему стало. Заплакал юноша.

— Эх, — сказал он черепу, — был ты когда-то резвым скакуном, а я был желанным сыном Чоры!

Мимо проезжал всадник в богатых одеждах. Услышал он слова сына Чоры, остановился:

— Дай тебе бог большое стадо, джигит!

— Спасибо!

— О чем ты плачешь, парень хороший?

— Вспоминаю отца и мать, родину вспоминаю. Три года, как увезли меня разбойники и продали...

— А что ты черепу говорил?

— Говорил: «Был ты когда-то резвым скакуном, а теперь только кости твои белеют в степи... Был когда-то я сыном лошади Чоры, который людей уму-разуму научал, а теперь продали меня в рабство».

— Как же ты узнал, джигит, что это был добрый скакун?

— По зубам узнал. Отец меня этому с детства учил. Таких коней, как у нас, ни у кого нет!

— Стало быть, ты резвую лошадь сразу отличишь?

— Отличу без ошибки!

— Едем тогда со мной! Я тебя своим сыном сделаю. Я — хан. Будешь у меня жить в довольстве и почете.

— Мой хозяин за меня большие деньги отдал. Пустит, так поеду.

Поскакал хан к тому богачу, выкупил сына Чоры и повез к себе... Много ли, мало ли времени прошло, вызывает он юношу и говорит:

— Вдоволь у меня скота, вдоволь золота и серебра, но жить я не могу без набегов. Привык ходить за добычей. Только не везет мне! Каждый раз всех, кто со мной идет, убивают, а я возвращаюсь один с пустыми руками... Когда тебя в степи встретил, я тоже из набега возвращался. Думаю я: все дело в коне!.. Найдешь мне достойного коня — буду я возвращаться с добычей!

Отправились они искать скакуна. Много ли они исходили, мало ли, сколько времени в пути были, кто знает; побывали во многих аулах, осмотрели многие табуны... Нет таких коней, чтоб пришлось по душе сыну Чоры!

Наконец, где-то в горах, у речки увидели они купцов на привале. Стоят арбы, а к ним три скануна привязаны: у одного все четыре ноги белые, у другого на лбу звезда, третий — вороной. Как увидел их сын Чоры, задрожал от радости, шепчет хану:

— Этих коней не упускай!

Долго отказывались купцы, не хотели скакунов продавать. Все же хан уговорил их, соблазнил, щедро заплатил золотом. Привели коней домой. Вот вскоре призывает к себе хан сына Чоры и велит ему:

— Завтра в набег идем! А сейчас седлай коней, поедем их испытывать.

— Хан,— отвечает сын Чоры,— за этими конями купцы плохо смотрели. Ослабели кони, исхудали... Надо их прежде выходить, а потом в набег пойдешь.

Не стал хан спорить... А сын Чоры выбрал из ханского стада трех лучших баранов и поставил их на откорм... За отцовскими конями ходит, глаз с них не спускает, сам на пастбище гоняет, сам купать водит. Понимает, что не зря его отец коней продал.

Через месяц зарезал сын Чоры одного барана, погадал по его лопатке.

— Нет, рано еще на конях выезжать,— говорит хану.

Через два месяца зарезал второго барана, опять по лопатке погадал и снова сказал:

— Рано еще, хан, погоди!

Через три месяца третьего барана зарезал, посмотрел на лопатку:

— Ну, теперь можем ехать в степь коней испытывать.

Вывели коней в степь. Садилась на них поочередно, испытывали, какой конь на скаку быстрее и выносливей. Белоногий конь и конь со звездой на лбу обогнали вороного. Их и взял себе хан, а вороного подарил сыну Чоры.

— Собирайся,— сказал,— на той неделе в набег пойдём! Надоело мне дома сидеть!

Ничего не ответил юноша, а как пришло время в набег идти, стал он хана просить:

— Отпусти меня лучше домой к отцу с матерью! Волю твою я исполнил, добрых коней тебе нашел... А в набег идти, честных людей грабить да убивать, не лежит мое сердце.

Рассердился хан:

— Неблагодарный!— кричит.— Я тебя купил, ты теперь навеки мой раб!

Тогда пустил сын Чоры своего вороного вскачь. Хан на белоногом коне помчался за ним. Уже почти нагнал он юношу, но въехали они в горы, и пришлось их скакунам по камням идти. Начал белоногий конь отставать. Пересел хан на звездолобого коня и снова погнался за сыном Чоры. Вот-вот догонит вороного. А сын Чоры взял да и повернул своего коня прямо на восход солнца. И снова отстал хан!

— Эй!— закричал тогда хан.— Остановись, парень хороший! Клянись, я тебя не задержу! Ответь только на два вопроса.

Остановил сын Чоры вороного. Хан подъехал и спрашивает:

— Почему, когда мы коней испытывали, мои скакуны обогнали вороного? Почему теперь вороной их обскакал?

— Когда мы их испытывали, скакали мы по степи. На ровном белоногий вороного далеко позади оставит. А когда мы по камням ехали и ты на звездолобого пересел, я своего коня прямо на восход солнца пустил. Звезда против солнца не устоит!

Повернул хан домой ни с чем, а сын Чоры поехал дальше. Вороной сам держал путь в ту сторону, где была их родина... Много ли ехал, мало ли, кто знает... Приехал все же наконец в родной аул. Было это темной ночью. Не успел юноша на землю прыгнуть, как вороной громко заржал. Услышал Чора голос своего вороного.

— Если есть у нас еще хоть крупица счастья,— говорит он жене,— это наш сын вернулся! Выйди, погляди.

Выбежала женщина во двор, видит: стоит перед ней ее возмужавший сын.

Так умный лошадиник Чора, продав коней, помог своему сыну освободиться от неволи. Зажили с тех пор отец, сын и мать вместе, не разлучаясь.

Не видели мы всего, о чем рассказали, а вам не видать несчастья, беды и болезней!

МУДРЫЙ УЧИТЕЛЬ

Жил в давние времена один старик со своею старухой. Старик был человек мудрый и щедрый. Жили они дружно и счастливо. Одно плохо — не было у них детей.

Наступил день, когда жена старика умерла, а сам он почувал, что силы его уходят. «Умру, кому достанется мое добро?»— печалился старик. Думал он и надумал: решил воспитать и обучить грамоте сто мальчиков. Набрал учеников (а выбирал только из бедных людей), кормил их, одевал, обучал, и жили они при нем, все в его доме.

А в том ауле поселились три знаменитых вора. Прослышали они, что есть у старого учителя золото, и сговорились его убить и золото себе забрать. Ночью, когда ученики спали, воры забрались в дом. Но учителя им убить не удалось. Он еще не ложился и встретил их словами:

— Вам нужно мое золото? Берите его. Только не убивайте меня.— Повел их туда, где хранились его богатства. Воры взяли все дочиста и уже хотели было уйти, как старик сказал:

— Может, вы голодны? Давайте я вас накормлю.

— А ты не отравишь нас, старик?

— Если не доверяете,— вот баранина, вот рис — готовьте себе сами плов.

А воры и впрямь были голодные! Поставили они плов на огонь, и старший говорит:

— Рассказал бы ты нам что-нибудь, старик, пока плов поспекает! Скучно так сидеть...

— Что ж, расскажу. Слушайте!— И рассказал старик ворами сказку.

«Жил некогда, говорят, в одном горном ауле бедный-пребедный человек. Не было у него ни земли, ни скота, ни денег, да и детей не было. Кормил он себя и свою жену тем, что был дровосеком: рубил в лесу дрова и на своей спине носил продавать.

Тащил он так однажды вязанку и встретился ему юноша, который на добром коне объезжал большую отару овец. Отдал ему дровосек «салам». Ответил юноша.

— Это твое стадо?— спросил бедняк.

— Моего отца!

— Богатые вы люди! А ремесло какое-нибудь знаешь?

— Нет, ремесла не знаю.

— Э, парень хороший! На богатство не надейся. Учись лучше как кому ни на есть ремеслу, пока не поздно.

— Спасибо тебе за совет. Я подумаю...

На том и разошлись. Года через три вновь встретились дровосек и сын богача на том самом месте. Объезжал юноша отару в три раза большую.

— Ну как, научился ремеслу?— спрашивает дровосек. А юноша и смотреть на него не хочет.

— Нет, не пришлось,— отвечает нехотя.

- Научись, пока не поздно,— посоветовал дровосек.
— Не тебе бы советы давать! — усмехнулся сын богача.
— Когда-нибудь и мой совет припомнишь!

На том и расстались... Минуло еще три года, и вот случилось как-то дровосеку проходить мимо старой убогой сакли. Из сакли слышен был детский плач. На пороге стоял человек, бледный, худой, весь в лохмотьях... Присмотрелся дровосек и узнал в нем сына богача.

— Что с тобой стряслось? — спрашивает.

— Эй, старик! Не раз вспоминал я тебя и твои советы. Напал мор на наших овец... Погибло все стадо... Отец с горя умер, а я так обеднел, что и детей накормить нечем. Слышишь, плачут.— Махнул он рукой.— А ремесла никакого не знаю...

— Есть у тебя топор и веревка? Бери и пойдем со мной.

Разыскал бывший богач какую-то веревку всю в узлах да ржавый топор и пошел с дровосеком в лес. Нарубил дровосек вязанку дров для себя и бывшему богачу помог нарубить. Понесли дрова на базар. Продали. Купили муки. Разделил дровосек муку на три равные доли. Одну себе взял, две тому парню отдал.

— Можно я и завтра пойду с тобой? — попросил бывший богач.

На следующий день лил дождь, но когда дровосек пришел, тот парень ждал его у ворот.

— Да воздаст тебе аллах! Накормил я вчера своих детей!

Пока до леса дошли, уже не дождь, а ливень полил. Укрылись они под отвесной скалой, бывший богач задремал, а дровосек от нечего делать давай топором по земле постукивать... Вдруг какой-то звон ему почудился. «Что же это за звон?» — подумал он. Стал землю разрывать и нашел клад: золотые слитки, монеты, камни самоцветные...

— Эй, парень, смотри-ка, что я нашел!

Вскочил бывший богач, себя не помнит от радости. Вырыли они клад, разделили на три равные доли, бешметы с себя сняли, а тот парень и рубашку снял, — связали в узлы.

— Пусть два узла твои будут, у тебя ведь дети. А мне и одного довольно, — говорит дровосек.

Кинулся бывший богач обнимать да благодарить.

— Ты моложе меня и сильнее. Оденься, — велел дровосек, — возьми один узел, иди домой и принеси мешки. — Так и сделали. Прибежал тот парень, ног не чуя от радости, домой, схватил мешки да обратно в лес. Взвалили они каждый свою долю на плечи, пошли. Идут, не спешат, ноша-то не легкая! А как присели отдохнуть, задумался тот парень: «Что, если я дровосека убью и заберу его долю себе? Тогда будет у меня богатство больше прежнего!»

Дровосек понял его по глазам, что задумал он недоброе. Видит, конец пришел, и попросил того парня:

— Выслушай меня прежде, чем убить. Детей у меня нет. Но скоро моя жена должна родить. Если будет мальчик, дай ему имя Болушлук.*

Убил тот парень дровосека и закопал в лесу. А клад весь себе забрал и стал еще богаче, чем прежде был.

Время пришло, родила жена дровосека сына. Непокойна была совесть богача. Решил он исполнить последнюю волю убитого, пришел к нему в дом и назвал новорожденного Болушлуком.

Стала вдова сына растить, а чтоб прокормиться, нанялась к богачу гусей пасти...

И вот однажды облетела всю округу весть: идет со своим войском славный военачальник той страны, и скоро придут они в аул... Как въехали воины в аул, Болушлука дома не было. Выбежала мать на улицу в страхе, что попадет ее мальчик под копыта коней, и стала громко звать:

— Болушлук! Болушлук!..»

...Сказка так понравилась ворами, что они и про плов забыли. А плов тем временем уже сварился.

— Вы поешьте, сказку я потом доскажу,— предложил учитель.

— Нет, нет, рассказывай до конца,— попросили воры.

— Хорошо!— согласился старик и громко закричал:

— Болушлук! Болушлук!..

Крик учителя разбудил учеников. Услышали они его призыв, бросились все к нему на помощь.

— Вяжите этих грабителей,— приказал старик. Опомниться воры не успели, как уже были связаны по рукам и ногам. И поняли они, что победил учитель своей мудростью. И хоть знали, что ждет их тюрьма и казнь, попросили его все же докончить сказку. Не отказал им учитель в этой просьбе.

— Ну что ж, слушайте!..

«На крик женщины прискакал сам военачальник и спросил:

— Мать! О какой помощи ты просишь?

— Не о помощи я прошу! Болушлук— имя моего мальчика. Он убежал куда-то, и я зову его, боюсь, как бы не попал он под копыта ваших коней...

— А кто отец мальчика?

— Отец его был дровосеком... Ушел однажды в лес и не вернулся...

— Значит, ты сама дала сыну имя Болушлук?

— Это имя выбрал богатый человек, у которого я пасу гусей.

А тот полководец славился не только своей храбростью, но и умом-

* Болушлук — помощь.

Задумался он... Потом велел привести к нему богача и, когда тот явился, сказал:

— Ты дал сыну вдовы имя Болушлук?

— Я!

Посмотрел на него военачальник зоркими глазами.

— Почему ты выбрал такое имя? Говори правду, не то велю казнить!

— Так завещал мне отец мальчика,— пробормотал богач.

«Зря такого завещания никто не сделает»,— подумал военачальник и крикнул грозно:

— Признавайся, что между вами было!

Упал богач на колени и признался, как убил дровосека, как один завладел богатым кладом... И велел полководец его казнить, а все богатство его отдать бедной вдове и ее сыну...»

...Так досказал сказку старый учитель.

А пока он ее сказывал, сбежался народ со всего аула. Подивились люди мудрости старика. Воров в тюрьму отвели. Тут и сказке конец!

НАХОДЧИВЫЙ ГОСТЬ

Решил как-то один юноша съездить к богачу-баю в гости. (Прослышал он, что у того бая дочь красавица).

Как решил, так и сделал. Подъехал к воротам и крикнул:

— Ойт!

Выбежала навстречу ему красавица, единственная дочь бая, пригласила гостя в дом, проводила в кунацкую. Встретить-то встретили, а угошенье дать пожалели. Очень скупой человек был этот бай! Послали гостю воды чашку, да кусок лепешки, да соли щепотку...

Принесла дочь бая воду, соль и лепешку на подносе, поставила перед юношей. А потом постелила постель и приглашает:

— Как покушаешь, отдохни с дороги.

Сказала и ушла, а гость думает: «Посмотрю-ка я, что хозяева ужинаят! Если эту же еду едят — и я поем. Если нет — не стану!» Посмотрел он в замочную скважину, что там за дверью делается. И как бы вы думали! Видит: хозяин с бараньей головой возится, хозяйка колбасы начиняет, а дочка гуся общипывает!

Эх, как только увидел это юноша, сразу к ним и заходит. Растерялись хозяева. Хозяин на баранью голову уселся. Хозяйка — на тарелку с колбасой. Дочь — на гуся... Гостя на стул усадили. Сели, молчат.

Тут гость сказал, обращаясь к хозяину:

— Я почитаю тебя за родного отца! Хочу рассказать, что со мной в дороге сегодня приключилось. «Что такое?» — верно, спросишь ты. Так вот слушай! Как ехал я к вам, выползла мне навстречу змея. Голова у этой змеи была не меньше, чем баранья голова, на которой ты сидишь. Убил я змею, и вывалились из нее кишки, точно такой толщины, как та колбаса, на которую села хозяйка. А если я вру, пусть ошиплют меня, как того гуся, который служит стулом твоей дочери!

Так вывел их находчивый юноша на чистую воду. Думал бай гостя впроголодь спать уложить, а пришлось угощать и бараньей головой, и колбасой, и жареным гусем.

Оглянувшись хозяева не успели, как гость все дочиста съел. Поужинав, спасибо сказал и отправился в кунацкую. А бай пожаловался жене:

— Как же я голодный спать лягу? Умираю с голоду! Приготовь мне парочку хичинов, да поскорее!

Приготовила быстренько жена бая хичины, поставила печься. А гость все это слышал и снова зашел к ним и говорит баю:

— Ты мне все равно как отец родной! Хочу с тобой еще кое-чем поделиться...

— Давай, давай!— говорит тот, а сам глаза на хичины косит: как бы их гость не заметил...

— Так вот слушай! Было у нас в семье семеро братьев... Собрал нас перед своей смертью отец и дал наказ: «Поддерживайте друг друга, дети, живите в мире и согласии»... Но как только умер отец, все у нас в доме смешалось вот так...

Юноша схватил кочергу и перемешал все в очаге.

Ударил себя жена бая по бокам ладонями:

— Ой, чтоб дом твой опустел! Хичины мои с золой перемешал!

— Прости,— извинился гость.— А я и не знал, что у вас хичины пекутся.— И ушел себе на покой.

— Нет! Вижу я, не будет сегодня ужина,—застонал бай.—Замесика ты мне завтра утром пораньше лепешку. Как пойдешь коров доить, ее на жар положи. Пока подоишь, она испечется. А я уйду в степь, будто отары посмотреть, и там ее съем...

Встала жена бая на зорьке, все сделала, как муж велел. Сунул бай потихоньку горячую лепешку за пазуху под бешмет и говорит:

— Пойду отары посмотрю!—А гость следом за ним через порог. (Он ведь не спал с вечера, все слышал!)

— Дай,— просит,— обниму тебя на прощанье. Ты мне дороже покойного отца!—И принялся бая крепко обнимать.

— Ой, жжет! Ой, чтоб жизнь твоя оборвалась!—завопил бай. Выхватил из-за пазухи лепешку. Пришлось половину гостю отдать.

А гость увидел у бая на руке плеть и просит:

— Мне бы плеть надо... Я свою потерял...

«Пусть берет, что хочет,— думает бай,— только бы уехал поскорее»,— и отвечает:

— Эту не дам. В кунацкой на гвозде висит другая. Попросишь у хозяйки, скажешь: я велел.

Вернулся гость в дом и говорит жене бая:

— Твой хозяин отдал мне вашу дочь в жены. Мы уже обо всем договорились.

Ушам своим жена бая не поверила. Никогда ее муж никому горсточки муки даром не дал, а тут, на тебе, дочь свою отдает.

— Не веришь, у него самого спросим,— сказал юноша.

Вышли они к воротам и крикнул гость:

— Эй, слушай, не отдает она, не отдает!

Бай подумал, что жена плеть не отдает, и закричал в ответ:

— Отдай ее, отдай, пусть уезжает, бога ради!

Посадил юноша красивую дочь бая на своего коня и поскакал прочь.

Вечером спрашивает бай:

— Что это я нашей девочки не вижу?

Удивилась жена:

— Ты же сам кричал: «Отдай ее, отдай!» Вот я и отдала ее этому парню.

Что тут было! Сгорел бай, как говорится, от горя, волосы на себе рвал. Да что мог он поделать!

УМАР СЫН УМАРА

Жил в одном горном ауле юноша-джигит. Был он метким стрелком и больше всего на свете любил охоту. Пришла пора тому юноше жениться, а он не хочет. Каких только невест мать не выбирала,— он все отказывается... А мать у него была уже в летах, хотелось ей на старости в доме помощницу-невестку иметь, хотелось внуков понянуть... Пришлось ей к товарищам сына обратиться:

— Жените моего сына!— просила она.— Он будет отказываться, а вы не отставайте, пока не уговорите.

Друзья с радостью согласились исполнить просьбу матери. Вот пришел как-то юноша звать их на охоту. А они и говорят:

— Не пойдем, пока не сделаешь, о чем попросим!

— А что я должен сделать?— удивился юноша.

— Поклянись, тогда скажем.

Поклялся юноша выполнить любую их просьбу. Тогда они потребовали:

— Пора тебе жениться. Приведи в дом жену; сделай, как мать желает.

— Хорошо,— согласился юноша. (А что ему было делать? Ведь он дал клятву!) — Только выбирайте мне невесту сами. Берите, какая понравится.

Сосватали ему друзья красивую и добрую девушку, привезли откуда-то издалека. Справили свадьбу, обрадовали старуху мать.

Но юноша по-прежнему каждый день уходил на охоту. А когда возвращался домой, всякий раз хвастался перед молодой женой, какой он знаменитый стрелок. Жена по его приказу снимала со своего пальца кольцо и поднимала над головой, а он натягивал лук и посылал стрелу прямо сквозь кольцо... Страшно было жене, но перечить мужу она не смела, и только чахла да бледнела день ото дня.

Заметила это свекровь, которая очень полюбила невестку, и спрашивает ее:

— Что с тобой, доченька? Почему ты стала такая бледная, такая худая? Разве плохо тебе у нас?

— Хорошо мне у вас,— отвечает невестка, — да мой муж каждый день, как придет с охоты, заставляет меня снять с пальца колечко и держать его над головой, и сам посылает стрелу прямо в это кольцо... А мне страшно... Боюсь, убьет он меня!

Приголубила ее свекровь и говорит:

— Не печалься! Когда он сегодня заставит тебя держать кольцо, ты скажи ему: «Уж если ты такой джигит, состязался бы с Умаром сыном Умара. А то хвастаешь своей меткостью перед женщиной!»

Вернулся к вечеру муж с охоты, велит жене кольцо снимать, а она ему и говорит:

— Коли ты такой джигит, состязался бы с Умаром сыном Умара! Вспыхнул юноша и отвечает:

— Я не я буду, если не найду этого Умара и не померяюсь с ним силою!— И тотчас собрался в путь.

Шел он, шел. Много ли шел, мало ли шел, сколько дорог исходил, нам неизвестно. У каждого встречного спрашивал: где аул Умара сына Умара? А когда нашел аул, узнал, где сакля Умара, пришел, стал у ворот и крикнул:

— Эй!

Вышел навстречу гостю хозяин, пригласил к себе. Накормили его, напоили...

— Скажи, парень хороший, зачем ты ходишь? Чего ищешь? — стал расспрашивать гостя Умар сын Умара.

— Ничего я не ищу! — говорит юноша. — Пришел испытать, кто из нас лучший стрелок.

Усмехнулся Умар сын Умара:

— Сегодня отдыхай, завтра посмотрим.

А юноше терпенья нет! Рано утром на следующий день просит он хозяина:

— Умар, бери свой лук! Пойдем уже.

— Пойдем, коли не терпится, — согласился Умар сын Умара.

Нашли они просторную поляну.

— Возьми лук, — велел Умар сын Умара, — и стреляй вверх.

Пустил юноша стрелу в небо, и вскоре она вернулась на землю и упала прямо возле их ног. Тогда согнул свой лук Умар сын Умара и тоже выстрелил вверх.

— А теперь вернемся домой! — сказал он юноше.

— Подождем, надо же посмотреть, куда стрела упадет!

— Когда моя стрела упадет, она сама даст о себе знать.

Вернулись они домой. Нет юноше покоя, то и дело спрашивает:

— Не время ли уже твоей стреле обратно прилететь?

— Нет! — спокойно отвечает Умар сын Умара. И вечер пришел, и ночь прошла, и утро настало, а он все говорит: «Нет!» На второй день, когда собрались они обедать, подул сильный ветер, зашумел, засветел...

— Что за буря! — удивился юноша.

— А! Это моя стрела, наверно, возвращается, — ответил Умар сын Умара. Пошли они на поляну, и стрела прямо у их ног вонзилась в землю.

— Как, парень хороший, хочешь еще со мной состязаться? Я могу тебе еще кое-что показать.

Опустил юноша голову, поблагодарил Умара сына Умара и ушел.

Дома он рассказал жене про свои приключения и никогда больше не стрелял в кольцо. А охотник он был хороший. И зажили они с тех пор спокойно и дружно.

ЖЕНИХ, КОТОРЫЙ ВСЕ-ТАКИ НАШЕЛСЯ

Жил давным-давно один знатный бий. Родилась у жены этого бия дочь, и приставили они к девочке в няньки молодую рабыню...

Шел однажды бий по своему аулу и встретился ему на дороге дурак, по прозвищу Глупый Пророк.

— Что делаешь, Пророк? — спросил бий от скуки.

— Пророчу девушкам женихов!— не задумываясь, ответил дурак.
— Кого же ты напороочишь в женихи моей дочери?— пошутил бий.
— Сына рабыни, которая ее нянчит. У твоей рабыни скоро родится сын.

Посмеялся бий. Но как пришел домой, задумался над словами Глупого Пророка и решил бедную рабыню убить. Подкупил он двух разбойников и велел им ее зарезать. Увезли разбойники рабыню в горы, завели в глухое ущелье и только намерились убить, как родился у нее мальчик... Ее разбойники все-таки не пощадили: зарезали, а младенца пожалели — оставили в живых.

А неподалеку от того ущелья стояла в горах сакля одного старика охотника, у которого никогда не было детей. Вышел старик в тот день на охоту, и случилось ему спуститься в то ущелье. И увидел он там убитую женщину, а возле нее младенца... Женщину охотник похоронил, мальчика взял себе. Давно хотелось ему сына иметь, а тут вдруг такое счастье нашлось!

Обрадовалась и жена охотника найденышу. Стали они его поить, кормить, стали воспитывать, и вырос он настоящим джигитом.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело идет. Вот собрался однажды тот бий в горы на охоту. Поохотился, устал и решил остановиться в доме у того самого старика; доводилось ему и раньше у него бывать. Вышел старый охотник навстречу бию во двор, помог с коня сойти, проводил в кунацкую, и увидел там бий ловкого, статного юношу.

— Чей сын — этот джигит?— полюбопытствовал бий.

— Мой,— ответил охотник.

— У тебя же не было детей!

— Разве ты не слышал? Много лет назад охотился я и нашел в ущелье убитую женщину, а возле нее новорожденного. Женщину я похоронил, а мальчика мы с женой вырастили, воспитали.

Как услышал это бий, понял, что пожалели разбойники младенца, которого родила рабыня. Вспомнились ему слова Глупого Пророка, и крепко задумался бий... Думал-думал и говорит хозяину:

— Уезжая, забыл я жене один наказ дать. Не выполнит ли твой сын мое поручение?

— Отчего ж не выполнить? Прикажи! — сказал старик и тут же собрал сына в дорогу. А бий дал юноше своего коня и вручил письмо.

Дорога была не близкая. Ехал юноша, ехал, добрался до места только к ночи. Завел коня в сарай на усадьбе бия, сам лег около, да и уснул.

Утром, едва солнце взошло, заглянула зачем-то в сарай дочь бия и увидела юношу.

«Конь моего отца, а кто же этот гость?» — удивилась девушка и подошла поближе. Смотрит: спит статный, красивый юноша, из нагрудного кармана у него письмо выглядывает.

Взяла дочь бия и прочитала письмо, в котором рукой ее отца написано: «Жена! Как только этот парень приедет, вели немедленно его убить, а тело сжечь». Жалко стало дочери бия красивого юношу. «Не мог такой славный джигит ничего плохого моему отцу сделать!» — решила она. Порвала письмо и заменила другим: «Жена! Как только этот юноша приедет, тотчас выдай за него нашу дочь».

Вернулся бий домой, а они уже и свадьбу сыграли. Как узнал он об этом, схватился за оружие, решил юношу тут же убить. Было это поздно вечером... Стал бий к дверям своей дочери подкрадываться, а один из его сторожей не узнал его в темноте, за вора принял, да и убил его самого...

ТАЛИСМАН

Давным-давно жил в одном ауле старик со своей женой. Жили они очень бедно. Ни от земли, ни от неба ничего не имели. Кормились тем, что баню для сельчан топили. Старик воду грел, а старуха ему помогала.

Долгие годы не было у них детей, и вот, на радость, родилась у них красавица дочка, которую они очень любили и которой дали имя Алакёз.

Как-то утром, когда старик со старухой топили баню, а девочка лежала одна в колыбели, вошел в их саклю белый джин и сказал:

— Пока не потеряется этот талисман, девочка не умрет!

Сказал так и привязал девочке на правую руку у самого плеча драгоценную книжечку-хамайылчик.

Вслед за первым вошел второй джин и пожелал:

— Вода, в которой будут купать девочку, будет превращаться в золото!

Вслед за вторым джином вошел третий и пожелал:

— Слезы этой девочки будут превращаться в алмазы!

Вслед за третьим джином вошел четвертый и пожелал:

— Земля, на которую ступят ножки этой девочки, будет покрываться цветами!

Принялась вечером старуха свою дочку купать, увидела на ее руке талисман, удивилась, старика позвала. Но еще больше удивились старик со старухой, когда увидели: вода-то превратилась в чистое золото!

Догадались они, что одарили их дочь белые джины. И с тех пор забыли они о бедности, зажили в покое и довольстве. Золота у них были полные сундуки... Слезы Алакёз падали алмазами, а земля, по которой она ступала, покрывалась прекрасными цветами.

Время шло... Подросла Алакёз, и такая она была красивая, что слава о ней долетела до самых далеких стран. Прослышал о ней и молодой хан соседнего ханства и послал к ее родителям сватов. Посоветовались старик со старухой, дали согласие... Собрали свою дочь, как положено, и отправили ее к жениху со вдовой-соседкой и ее дочерью.

А вдова та была на словах ласковая, добрая, но сердце у нее было черное, завистливое. Завела она Алакёз в дремучий лес и вынула у нее глаза. Потом сняла с нее свадебный наряд, надела на свою дочь и отправилась с ней к молодому хану. Так, ни о чем не догадываясь, и женился хан на дочери вдовы. Лишь однажды спросил он у жены:

— Были слухи, что слезы твои катятся алмазами, а по земле, где ты ступаешь, следом цветы расцветают... Почему же не вижу я этого?

— О!— сказала новобрачная.— Это же не каждый день со мной бывает. Подожди, увидишь еще!

А ослепленная Алакёз шла, сама не зная куда, и горькие слезы ее сыпались алмазами, а земля, по которой она ступала, покрывалась прекрасными цветами... Долго блуждала она в том лесу, пока не увидел ее русский старик, который пришел в лес дров нарубить. Звали старика Иван. Жалко ему стало слепую девушку.

— Пойдем к нам, красавица,— сказал он.— Будешь нашей дочерью.

Привел Иван девушку к себе. Отдохнула она, поела, а потом попросила Ивану жену:

— Выкупай меня!

Выкупала ее женщина и увидела, что вода превратилась в золото. Много было радости у Ивана с женой. Зажили они с того дня богато и счастливо, а слепую полюбили, за ней, как за родной дочерью, ходили.

Вспомнила однажды Алакёз отца с матерью, залилась слезами... Посыпались ее слезы чистыми алмазами. И попросила она Ивана:

— Отнеси эти алмазы в ханский дворец, молодой ханше. Ей они понравятся, и она захочет их у тебя купить. Соглашайся, но денег не бери! Скажи: «Я обменяю эти самоцветы только на человеческие глаза»... И стой на своем, пока ханша не вынесет тебе человеческие глаза.

Иван так и сделал, как Алакёз велела... Долго торговалась ханша, но пришлось ей все же вынести глаза Алакёз и отдать за алмазы.

Взял Иван глаза, принес домой, и стала девушка видеть, как прежде, и стала еще красивей прежнего.

Но душа ее не знала радости, и она сказала однажды Ивану:

— Построй на берегу моря высокую башню. Когда я умру, вы

схороните меня там... А двери в башне сделай такие, чтоб открывались и закрывались сами собой и чтоб каждый раз приговаривали: «Ах, красавица, не знала ты счастья!»

Иван построил высокую башню из самого дорогого камня и двери сделал, как девушка просила... А к тому времени дошел до ханши слух о красоте приемной Ивановой дочери. Почуяла ханша для себя недоброе... Не мешкая, послала она своего верного человека в дом Ивана, велела подглядеть: есть ли на руке у красавицы книжечка-талисман.

— Если есть — украдешь, — велела она, — и мне принесешь!

Подглядел этот соглядатай, увидел на руке у спящей девушки хамайылчик, выкрал и принес молодой ханше. И Алакёз, как только сняли у нее с руки подарок джина, тотчас же умерла.

Долго плакали Иван с женой, долго горевали. Но что сделаешь! Понесли тело в башню, как просила девушка, и положили там. Стали двери башни сами собой открываться и закрываться, стали приговаривать: «Ах, красавица, не знала ты счастья!»

Поехал однажды молодой хан своего любимого коня в море купать. Остановился у подножия башни и услышал, как двери приговаривают: «Ах, красавица, не знала ты счастья!..» Очень удивился хан: «Дай, — думает, — зайду, посмотрю, что в этой башне».

А вместе с ханом был мальчик-слуга, и в руках он держал хамайылчик. Ханша однажды перебирала свое добро, выбросила книжечку из шкатулки, а мальчик подобрал...

Вошел хан в башню, и мальчик с ним. Видит хан, лежит мертвая красавица — красивей на свете не бывает. Он снял с нее покрывало, а на руке девушки, у самого плеча, ямочка-след, точно такая, как книжечка в руках у мальчика.

— Вот чудо! Как будто твоя книжечка нарочно для этой ямки сделана, — удивился хан. Приложил книжечку, и тотчас девушка очнулась и встала.

— Откуда ты, красавица? Чья ты дочь? — спросил хан. — Пойдем, я отвезу тебя в твой дом.

Отвез хан девушку в дом Ивана. Счастливы были Иван и его жена и решили на радостях сделать угощение — курманлык. А прекрасная Алакёз просит:

— Коль уж вы курманлык делаете, пригласите и хана, и ханшу, и мать ханши.

Вот собрались гости... Приехали и хан с ханшей, и мать ханши. Усадили их на почетном месте... Тут заплакала Алакёз, и все увидели, что посыпались из глаз у нее алмазы. А она говорит:

— Послушайте, я вам сказку расскажу...

И стала Алакёз рассказывать, как отправили ее отец с матерью

обидно, и за безглазого обидно. «Сколько бед, сколько страданий видел я с тех пор, как Ухо ищут!.. И Ухо тоже, может быть, из-за меня страдает... Хотелось бы мне знать, как оно живет? Долго же я искал. Больше нет сил!» — и повернул Глаз в обратный путь, на родину.

Когда наступила ночь, заночевал он на горе Акбаш. Лег спать, и приснился ему сон, будто приходит к нему Ухо и говорит:

— Глаз, а Глаз! Взгляни на меня, милый! Я так долго тебя искало, столько горя видело! А ты, наверное, об этом и не догадывался? Не знал, что я ищут тебя с тех пор, как на земле появился первый человек? А ведь я тебя чуть было на мосту не встретило... Да услышало, как у берега бормочет кто-то: «Вот я вам, гуси, покажу! Вот я за вами, гуси, прослежу! Вот я вас всех съем!» Это, оказывается, бормотала лиса. Стало мне гусей жалко. Разыскало я их, говорю: «Прячьтесь, гуси, вас лиса хочет съесть!» А они поклялись лисе отомстить. Вся стая спряталась, десять гусей осталось. Напали на лису и заклевали. Тогда мне лису жалко стало... Гуси улетели, а я село рядом с лисой и глажу ее: «Бедная лисонька!» Слышу, лиса дышит потихоньку. Я было испугалось, а потом обрадовалось. «Лисонька,—приговариваю,—душенька! Какая ты мягкая, какая пушистая»... Заплакала лиса и убежала. А я вот, наконец, к тебе пришло...

Проснулся Глаз. И что же! Ухо, то самое Ухо, которое видел во сне,—перед ним наяву! Бросились Ухо и Глаз обнимать друг друга. Рассказали друг другу о своих странствиях. И решили отныне всегда вместе жить, и близко, и ладно, чтобы все им завидовали.

МЫШОНОК С КОЛОКОЛЬЧИКОМ

Давно-давно жил-был на свете, говорят, маленький мышонок, и носил тот мышонок на шее колокольчик. Когда мышонок бежал, колокольчик звонил, да так звонко: «Зын-зыр, зын-зыр, зын-зыр!»

Залез однажды мышонок в копну пшеничной соломы зернышками полакомиться и потерял там свой колокольчик.

Очень он огорчился и стал раздумывать: как же ему колокольчик найти? Копна соломы вон какая большая, а колокольчик крохотный! И отправился мышонок к костру.

— Костер, костер, дай мне один уголек!

— А зачем тебе уголек?

— Да потерял я в пшеничной соломе колокольчик...

Но костер и слушать не захотел:

— Таким малышам, как ты, я огня не даю!

Тогда пошел мышонок к речке.

— Речка, речка, дай мне капельку воды!

— А зачем тебе вода?

— Костер не дает мне огня, так я хочу затушить его водой.

— Нет уж, таким, как ты, я воды не даю.

Тогда разыскал мышонок ослов.

— Ослики, ослики, пойдите, замутите речку!

Удивились ослики.

— Зачем нам речку мутить?

— Я просил у речки капельку воды, а она не дает.

— Станем мы из-за тебя, мышонок, речку мутить. Ведь мы из нее пьем!

Совсем выбился мышонок из сил. Не знает, как и быть. Решил попросить помощи у ребят.

— Мальчики, мальчики! Погоняйте своих ослов до седьмого пота. Я просил их речку замутить, а они не захотели!

— Глупый ты мышонок! Станем мы из-за тебя ослов гонять. Ведь они нам дрова из лесу таскают.

Тогда поклонился мышонок женщинам.

— Женщины, женщины! Побраните своих сыновей! Они не хотят ослов гонять.

— Как же, станем мы из-за тебя, глупого мышонка, своих детей обижать!

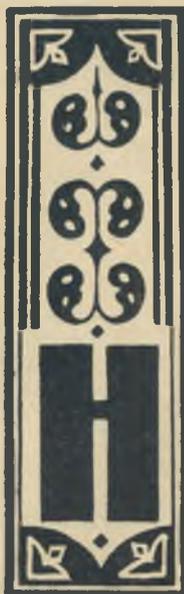
Совсем отчаялся мышонок: что делать, как быть — не знает. Наконец придумал! Побежал мышонок к косарям, что косили сено на склоне горы, и крикнул:

— О-ха-хай! Косари! Ваши жены ваш обед съели, сами наутек пустились!

Поверили косари, схватили острые косы и кинулись женщин догонять. Женщины набросились на сыновей. Мальчики замахали палками на ослов. Ослы помчались к речке и замутили воду. Вода погрозилась затушить костер. Костер дал мышонку уголек. Мышонок поджег копну. Солома сгорела дотла.

А мышонок... Мышонок нашел свой колокольчик, и опять он звенит, да так звонко: «Зын-зыр, зын-зыр, зын-зыр!»

ОГАЙСКИЕ

СЫН БОЛАТА БАТЫРБЕК

Ж

ил в давние времена в одном ауле старик, по имени Болат. И был у него сын Батырбек. Имели они в хозяйстве одного коня. Каждый день Батырбек в положенное время отправлялся с ним на водопой... А колодец был далеко от аула, и съезжались туда со своими конями все юноши-сельчане и по пути устраивали скачки.

Конь Батырбека всегда отставал, и Батырбек очень стыдился этого.

Наконец не стерпел юноша и пожаловался Болату:

— Отец, ты сам знаешь: хожу я за нашим конем усердно, глаз с него не спускаю, даю ему сена вволю, а он на скачках позади всех остается. Купи мне, отец, резвую лошадь!

Болат пообещал сыну добыть доброго скакуна. Старик знал: если будет у сына хорошая лошадь, сын покажет себя перед всеми настоящим джигитом.

Встал Болат на следующий день утром рано и, никому ничего не сказав, поехал на ханские луга. Приехал на первый луг, поздоровался с табунщиком, поделился с ним своей заботой... Тысяча коней паслась на том лугу. С утра до вечера осматривал их Болат по одному, но не нашел среди них достойного.

— Езжай дальше, — посоветовал ему табунщик. — Ведь у хана кроме этого луга еще восемь лугов.

Отправился Болат на второй ханский луг и там по одному осмотрел тысячу коней и тоже не нашел подходящего.

Так ездил Болат девять дней. Побывал на всех девяти ханских лугах, осмотрел все девять тысяч ханских коней, но не было среди них такого скакуна, какой нужен был Батырбеку.

Совсем уже было собрался Болат домой вернуться, да передумал. «Дай, — думает, — посмотрю еще коней на землях соседнего ханства!» и повернул в соседнюю страну.

Много ли, мало ли он проехал, увидел Болат на дороге свежую колею. По следам запряженного в арбу коня узнал он сразу, что конь этот — настоящий дулпар, быстрый как ветер,—тот самый конь, которого он так долго искал!

Не медля поскакал Болат по следам дулпара и приехал под вечер в какой-то аул. Увидел он, что арба останавливалась у окраинной сакли, зашел в дом и расспросил: кто сидел на арбе и куда поехал?

— Владелец этой арбы—нищий,—сказали ему хозяева,—а поехал он в соседний аул.

Обрадовался Болат и тотчас отправился по следу. Нищего он догнал, когда тот уже въехал на аульную площадь. Увидев, что нищий останавливает коня у чьих-то ворот, Болат приблизился к нему и спросил:

— Не обменяешь ли ты свою лошадь на моего коня?

Конь Болата был сытый и с виду резвый, шерсть на нем лоснилась, грива была как шелковая. А у лошаденки нищего грива свалась, ребра наружу торчат... Но Болат знал толк в лошадях и сразу понял: перед ним настоящий дулпар!

— Ай, друг! Ты что, смеешься надо мной,—обиделся нищий.—Моя кляча еле сама себя тянет. Кому она такая нужна?

Сколько ни уверял его Болат, что не шутит, нищий не хотел ему верить. Стали вокруг них люди собираться. Начали нищему советы давать:

— Зачем свое счастье упускаешь? Меняйся! Мена—дело честное! Уговорили нищего.

— Ну, коли не шутишь,—говорит,—давай сменяемся.

Спрыгнул Болат на землю, снял седло и подвел своего коня к нищему. А тот выпряг свою лошаденку и отдал ее Болату.

Чуть не заплакал Батырбек, когда увидел, какую ему отец лошадь добыл. Да и соседи подняли Болата на смех: лишился, мол, на старости лет рассудка!

Болат же взял посох и отправился в ханский дворец. Рассказал он хану, как присматривал для сына резвого коня, и как встретил в соседнем ханстве нищего, и как выменял у него настоящего дулпара.

— Правда,—закончил старик рассказ,—с виду мой дулпар сейчас неказист и больше походит на клячу, но дай мне его выходить, и он будет первым на любых скачках, и принесет, о мой хан, славу твоему дому.

Хану понравились эти слова (а ему ведомо было, что Болат знает толк в лошадях), и он велел отпускать дулпару чистый овес из ханских закромов.

Стал Батырбек кормить нового коня отборным зерном и, как научил его отец, вместо воды поить молоком. И так поступал он изо

дня в день две недели, или четырнадцать дней. Начала лошадь на глазах у всех поправляться. Повеселел Батырбек. Радуетя и Болат, что не ошибся в выборе. Велел сыну еще месяц, или четыре недели, давать дулпару вволю чистый овес из ханских закровов, а вместо воды молоком поить. И вот конь окреп, превратился в красавца скакуна, какого в тех краях и не видавали!

Пошел тогда Болат доложить об этом хану. Хан приказал привести к нему дулпара, осмотрел его, очень доволен остался и решил, что после скачек заберет его в свою конюшню.

— Кого пустим на этом коне?—спросил он у Болата.

— С ним только мой сын Батырбек справится,—ответил старик. Пришел домой и дал Батырбеку наказ, как скачки выиграть. А какой наказ, вы еще услышите!

Вот назначил хан день скачек, пригласили всю знать и всех джигитов из окрестных аулов. Собрались в условленном месте. Пришел и Болат с сыном.

Расстояние для скачек объявили в один день пути. Выстроили всадники на рассвете своих коней в ряд, и по знаку хана скачки начались.

Батырбек, как наказывал ему отец, привязал к передним ногам дулпара тяжелые камни. Поэтому в начале пути конь его остался далеко позади. Но не мог дулпар стерпеть такого позора, и рвался вперед изо всех сил, и от этого весь покрылся белой пеной. Тогда Батырбек, как наказывал ему отец, отвязал камни, поводел немного коня и снова сел на него. А надо вам знать, что еще наказывал отец Батырбеку перед началом скачек завязать на поводьях три узла. Перед тем, как снова пустить вперед своего дулпара, развязал Батырбек первый узел, закрыл глаза,—и что же, когда открыл, уже догнал тех наездников, что были далеко впереди. Развязал тогда юноша второй узел, закрыл глаза, и когда открыл, очутился прежде всех у той черты, где заканчивались состязания.

Третий узел Болат строго наказал сыну не развязывать. Но Батырбек в горячке забыл слова отца, развязал и его. И как только развязал, помчался дулпар, словно ветер, словно буря, и уже ничья рука остановить его не могла.

К вечеру прискакал дулпар на берег моря и с размаху кинулся в море. Батырбек успел спрыгнуть на песок, а конь скрылся под водой, и сколько ни кликал его юноша, не вернулся.

Что было делать Батырбеку на пустынном морском берегу? Нарезал он камыша, построил себе шалаш и лег спать. Проснулся, когда солнце уже высоко стояло на небе, и слышит: зашумело что-то над его головой, будто птичьи крылья, а потом заплескалась в море вода, будто купается кто-то. Батырбек вышел потихоньку из шалаша. Лежит

на берегу женская одежда, нарядная и богатая, а в море купаются три прекрасные девушки.

Юноша схватил все их платья в охапку и залез в шалаш. А в море, оказывается, купались три сестры-волшебницы. Когда они надевали свою одежду, то превращались в белых лебедей. Лишившись же одежды, они теряли свою волшебную силу. Вышли сестры на берег, кинулись искать: нет одежды, исчезла одежда!

— Может быть, ее ветер унес?—спросила младшая. Но средняя закричала:

— Смотрите! На песке след человеческой ноги.

— Я слышала,—сказала старшая,—что есть на свете юноша Батырбек, сын знатока коней старого Болата. Отец добыл для него настоящего дулпара. Вы ведь знаете, до сих пор ни один человек не проникал в наши владенья. Если кто и мог сюда добраться, так это Батырбек на своем дулпаре. Но дулпар послушался, видно, седока и ушел в море.

Закутались сестры в свои длинные волосы, пришли к шалашу.

— Сын Болата, Батырбек!—позвала старшая.—Верни наши платья и проси, чего хочешь.

А Батырбек спрятал их одежду под себя и отвечает:

— Хочу, чтоб вернулся ко мне мой конь!

— Это не в наших силах,—сказала средняя.—Дулпар не подчинится нам. Но мы можем мигом доставить тебя домой или куда пожелаешь.

— Позор мне перед людьми! Как могу я вернуться в свой аул, если не сумел усидеть в седле! — воскликнул Батырбек.

— Тогда женись на одной из нас,—предложила младшая, которой Батырбек пришелся по душе.—Красивей нас нет девушек на свете.

— Вы красивы,—согласился Батырбек.—Но слышал я, есть красавица дочь у хана Ульмеса. Она от рода молчунья, и хан отдаст ее в жены тому, кто заставит ее заговорить. Сделайте так, чтоб она заговорила,—верну вам одежду.

Согласились сестры. Они обещали Батырбеку перенести его во дворец хана Ульмеса и научили, как заставить молчунью разговориться.

— Я спрячусь в парчовую шубу, висящую в комнате ханской дочери,—сказала Батырбеку старшая волшебница.—Ты ударь по шубе палочкой, и шуба расскажет сказку. В сказке будет спор, так ты реши этот спор неверно. Тогда ханская дочь не вытерпит и заговорит.

— Я, если понадобится, спрячусь в серебряную шкатулку, — пообещала средняя, — и тоже расскажу сказку.

— А я — в золотую чашу,—сказала младшая.—У меня сказка уже наготове!

Отдал Батырбек сестрам их одежду. Велели они ему закрыть глаза, и когда он их открыл, то очутился во дворце перед самим ханом Ульмесом. Поклонился Батырбек и говорит:

— Ходят слухи, великий хан, что ты отдашь свою дочь за того, кто заставит ее разговариваться. Дозволь, я попробую это сделать!

— Верно! Я отдам свою дочь за того, кто заставит ее разговаривать,—ответил хан Ульмес.—Но верно и то, что я рублю головы всем, кто не сумеет этого добиться. Немало храбрецов уже пролили здесь свою кровь. Тебе этого захотелось, сынок?

Но Батырбек не отступился от своих слов, и хан велел отвести его в сопровождении двух визирей в комнату дочери.

Оба визиря остались под дверью, подслушивать, а Батырбек, как вошел, сразу ударил палочкой по парчовой шубе и приказал:

— Говори, шуба!

— Что тебе рассказать, Батырбек,—спросила шуба,—то, что слышала, или то, что видела?

— Слышанному верить нельзя. Рассказывай о том, что видела.

— Ну, так слушай! Довелось мне видеть в одном ауле трех братьев. Было у них несколько овец, и пасли их братья по очереди... Старший любил плотничать и всегда носил с собой топорик. Пас он однажды своих овец возле леса и от скуки срубил деревце и вытесал из него фигуру девушки. Вечером, как пришло время домой возвращаться, он поставил ее под кустом орешника на опушке.

На другой день погнал овец средний брат. Увидел под орешником деревянную девушку и подумал: «Не поленился же кто-то такую красивую девушку смастерить! Дай-ка я ее одену и будет она, как живая!» Сбегал в аул, купил красное платье и нарядил девушку. А как начало темнеть, оставил ее под кустом на опушке и погнал овец домой.

На третий день была очередь младшего брата. Погнал он овец пастись, увидел на опушке деревянную девушку в красном платье и удивился: «Кто же это так умело ее смастерил? Кто одел в красивый наряд? Попробую-ка я оживить ее моим снадобьем из девяноста девяти трав!» Брызнул в лицо девушки несколько капель снадобья, и она тотчас ожила, глаза потеряла и потянулась, точно после долгого сна...

Обрадовался младший брат. Привел девушку домой... И вот, слушай, что было!

— Если б я не выстрогал ее из дерева, тебе некого было бы оживлять. Поэтому девушка принадлежит мне,—сказал старший брат.

— Ты лишь смастерил ее,—возразил средний.—А я надел на нее красное платье и придал ей человеческий вид. Она должна быть моей!

— Кому нужно мертвое дерево, будь оно хоть в красном платье,—не согласился с ними младший брат.—Вы смастерили ее, вы нарядили

ее, а потом бросили в лесу. Там бы ей и остаться, если б я не оживил ее своим снадобьем. Она принадлежит мне!

Теперь рассуди, сын Болата, Батырбек, кому из трех братьев должна достаться девушка.

— Конечно, младшему,— не долго думая, ответил Батырбек.— Он ведь оживил ее.

Не стерпела молчунья, дочь Ульмеса, открыла уста.

— По обычаю дедов и отцов,— сказала она,— младший никогда не женится прежде старшего. Кроме того, если б старший брат не вырезал девушку из дерева, младшему некого было бы оживлять. Девушка должна стать женой старшего брата.

Обрадовался Батырбек, услышав голос ханской дочери:

— Если деревянная девушка должна стать женой старшего брата, то ты должна стать моей женой!— и пошел к хану рассказать, что его дочь заговорила.

Призвал хан своих визирей.

— Правду говорит этот юноша?

А те решили, что хан все равно не выдаст дочь за какого-то безродного бродягу, побоялись ханского гнева и ответили:

— Он лжет! Твоя дочь не раскрывала рта.

Посмотрел Батырбек смело хану Ульмесу в глаза.

— Никогда не говорил я неправды. Не лгу и сейчас под страхом смерти. Дочь твоя заговорила! Если сомневаешься, пошли со мной человека, которому веришь. Я заставлю ее говорить еще раз!

Пошел Батырбек опять в комнату ханской дочери. А Ульмес послал с ним двух визирей и свою жену. Визирь остались во дворе под окном, а жена хана стала подслушивать под дверью.

Батырбек ударил палочкой по серебряной шкатулке и приказал:

— Говори, шкатулка!

— О чем говорить? — спросила шкатулка.— О том, что слышала, или о том, что видела?

— Есть пословица: «Не верь тому, что уши слышали, верь тому, что глаза видели»... Рассказывай о том, что видела своими глазами.

— Ну, так слушай,— начала шкатулка.— Видела я однажды трех братьев. Был у этих братьев на троих один бык. Старший пас голову быка, средний— брюхо, младший— задние ноги. Вот показалось однажды младшему брату, что бык заболел. Решил он посоветоваться со средним братом. Рано утром пустился он в дорогу и к вечеру дошел до брюха быка. Посовещались между собой младший и средний братья и решили пойти к старшему. На рассвете вышли в путь и поздно ночью добрались, наконец, до головы быка.

— Как думаешь, не заболел ли наш бык?— спрашивают у старшего брата.

— Нет, он весь день траву щипал, а теперь жвачку жует. Вот только воды я ему давно не давал... Погоним его на водопой.

Пошли братья к морю, повели быка на водопой. Одним глотком осушил он море и не напился, жалобно замычал.

Решили братья попасти своего быка на острове, который возвышался посреди моря. На том острове под деревьями росла сочная, свежая трава.

Но когда подобрались они к острову поближе, то увидели, что это не остров, а рыба. Раскрыла рыба пасть и проглотила быка целиком. Не успели братья опомниться, как на рыбу кинулся из-за туч орел. Вонзил он в рыбу когти и поднялся с нею в небо.

Орел опустился со своей добычей в степи. А там в степи старик чабан пас овец и сел отдохнуть в тени от бороды своего козла. Орел опустился на рога этого козла и съел рыбу вместе с травой и с деревьями, что росли на ней.

Когда орел доедал рыбу, он выронил из клюва лопатку быка, проглоченного рыбой, и попала эта лопатка в глаз старику, что лежал в тени козлиной бороды. Потер старик глаз.

— Эх,— говорит,— наверно, соринка попала!

Вечером пригнал старик стадо домой и попросил дочь:

— Вытащи мне, дочка, из глаза соринку.

Села дочь в лодку, взяла весла, изъездила отцовский глаз вдоль и поперек. Нашла все-таки лопатку быка, подцепила ногтем мизинца и щелчком швырнула лопатку за окно.

Лопатка упала на землю неподалеку от колодца. А у колодца вскоре стал на ночлег караван из девяноста верблюдов. Караванщики было собрались готовить ужин, как вдруг задрожала, заколебалась под ногами у них земля. В ужасе бросились они навьючивать верблюдов и поспешили прочь от стоянки. Но только тронулись с места — землетрясение прекратилось. Что же это было,— спросишь ты? А вот что было! Караванщики разложили огонь на лопатке быка, а мимо бежала лиса, почуяла вкусный запах хряща и остановилась погрызть лопатку. И когда она ее грызла, по земле таскала, караванщики подумали, что настигло их землетрясение.

Поздно вечером, как уснул караван, пришла к колодцу по воду женщина. Увидела она лису, ударила ее коромыслом и убила. Убила, а шкуру снимать не стала. Побоялась в темноте мех испортить, оставила до утра. На рассвете караванщики проснулись,— давай лису обдирать. Половину шкуры сняли, половину так оставили. Не смогли они все девяноста лису на другой бок перевернуть. Из доставшейся им полшкуры решили сшить всем девяноста караванщикам девяносто шуб.

Снялись они с ночлега и уехали. А женщина пришла, лису носком чувяка толкнула, на другой бок перевернула. Перевернула, да и задума-

лась: не мало ли будет полшкуры на шапочку для новорожденного сына?..

Посуди теперь, Батырбек, кто из них больше? Бык, который одним глотком осушил море и не утолил жажды? Рыба, которая проглотила быка? Козел, на рога которого сел орел? Старик, которому попала в глаз лопатка быка, а он принял ее за соринку? Лиса, полшкуры которой хватит на девяносто шуб для девяноста караванщиков? Или новорожденный мальчик, мать которого сомневается, выйдет ли из оставшейся полшкуры для него шапочка?

— Э, конечно, рыба больше всех,— ответил наобум Батырбек.

Не утерпела молчунья, раскрыла уста.

— Неправильно! Всех больше ребенок этой женщины! Если из одной половины лисьей шкуры выходит девяносто шуб для девяноста мужчин, а другой половины новорожденному на шапочку не хватает, то подумай сам, какого он роста, этот малыш!

Обрадовался Батырбек. Побежал к хану рассказать, что дочь его заговорила.

Кликнул хан своих визирей.

— Правду сказал этот юноша?

И визири опять ответили:

— Нет, хан, он лжет. Твоя дочь ни словечка не промолвила.

Тогда хан спросил у своей жены:

— Правду говорят мои визири?

— Вот они-то и есть настоящие обманщики!— сказала жена хана сердито.— Я сама слышала голос нашей дочки.

Видя, что хан Ульмес остался в сомнении, Батырбек в третий раз отправился к его дочери. Но на этот раз он позвал в свидетели самого хана. Вот пошли они все. Хан, его жена и визири остались под дверью подслушивать, а Батырбек зашел в комнату ханской дочери.

Ударил палочкой по золотой чаше, что стояла перед девушкой:

— Говори, чаша!

— О чем говорить? О том, что слышала, или о том, что видела?

— Слышанное — завязь, увиденное — плоды. Рассказывай лучше о том, что видела.

— Ну, так слушай,— сказала чаша.— Видела я одну вдову, у которой было девять сыновей. Пошли однажды ее дети на улицу, играть в альчики. Проиграли они все альчики, какие в карманах были, и послали за новыми домой младшего брата. Мальчик побежал домой и увидел, что мать шьет тюбетейку.

— Кому ты шьешь тюбетейку, мама? — спросил он.

— Тебе шью, душа моя!

Вернулся мальчик на улицу и похвастался перед старшим братом будующей обновой. Тот побежал домой и спрашивает мать:

— Кому ты шьешь тюбетейку?

— Тебе, радость моя!

Старший похвастался подстаршему брату, а подстарший тоже побежал к матери и спросил:

— Кому ты шьешь тюбетейку?

— Тебе, свет моих очей!

Так по очереди прибегали все девять сыновей вдовы и все спрашивали, кому шьется тюбетейка, и каждому, не желая ни одного обидеть, отвечала мать: «Тебе!»

Наигрались мальчики вволю, к ужину вернулись домой. Мать подала им еду, а сама все думала: кому же отдать тюбетейку? Но так и не смогла решить. Взяла да и бросила ее на столик—сыпыру, вокруг которой ужинали сыновья. Все девятеро кинулись к тюбетейке и наперебой закричали:

— Моя! Моя! Моя!

Поднялся тут у них спор, крики, драка.

— Перестаньте ссориться,— прикрикнула на них мать.— Идите к хану, он вас рассудит.

Отправились братья к хану. Всех их привели в кунацкую, и хан сказал:

— Прежде чем я разберу ваш спор, скажите, что вы умеете?

— Я следопыт,— сказал старший брат.— Я умею читать любые следы — человеческие и звериные.

— А я дозорщик, — сказал второй брат. — Муху за версту вижу.

— Я стрелок,— сказал третий брат.— Я сбиваю птиц на лету высоко в поднебесье.

— Я лучник,— сказал четвертый брат.— Дай мне веточку сосны в четверть аршина, и я смастерю лук со стрелой, равной сорока локтям длины.

— Я ладейщик, — сказал пятый. — Из дубовой щепки выдолблю ладью, в которой поместится целый аул.

— Я зодчий,— сказал шестой брат.— Из одного камушка я возведу дом, в котором разместятся жители твоего ханства со всем их добром.

— Я кухарь,— ответил восьмой.— На одной сыпыре я поставлю столько кушаний, что их хватит на весь твой народ.

— Я землекоп,— ответил восьмой брат.— Если на твое ханство упадет враг, я могу вырыть подземный ход, который спасет тебе жизнь.

А девятый самый младший брат смутился.

— Я ничего не умею,— сказал он.— Зато даже у самого чуткого человека я кинжал с пояса сниму, и он ничего не заметит.

— Хорошо! — похвалил хан братьев.— Отцы наши говаривали: «Смелый две трудности одолеет — умелый три...» Сослужите мне одну службу, а потом я вас рассужу. Год тому назад пропала у меня един-

ственная дочь. Долго искал я ее, повсюду искал, но так и не нашел. Найдите ее, и я вознагражу вас, как пожелаете, а тибетейку мы присудим самому умелому.

Следопыт попросил, чтобы его отвели в комнату ханской дочери. Посмотрел, куда ведут следы, и сказал, что девушку увезли в горы.

Дозорщик посмотрел в сторону гор и тотчас увидел дочь хана. Она была за шестью горами, близ вершины Кап в плену у одноглазого дракона.

Как услышал это хан—обрадовался и ужаснулся. Но самый младший из девяти братьев, ничего не умевший делать, успокоил сердце хана. Он пообещал незаметно увести девушку от дракона. Пообещал — и увел, и вскоре хан уже обнимал свою единственную дочь. Еще не опомнились отец с дочерью от великой радости, как дозорщик, пристально глядевший на гору Кап, сказал:

— Хан, надо быть начеку! Этот дракон открыл свой единственный глаз и озирается по сторонам.

Растерялся хан. Тогда стрелок сказал, что он может поразить дракона стрелой, пусть только ханская дочь укажет, в какое место вернее целиться.

— На таком расстоянии дракона насмерть не порaziшь. Надо, чтобы стрела попала ему прямо в глаз и ослепила его,— посоветовала девушка. — Тогда он не сможет сразу пуститься за нами в погоню.

Лучник взял сосновую веточку в четверть аршина и сделал лук и к нему стрелу длиною в сорок локтей. А стрелок натянул тетиву и послал эту стрелу прямехонько в глаз дракона.

— Теперь бежим! — сказала ханская дочь.— Дракон хоть и ослеп, а будет нас разыскивать. Давайте скроемся от него за морем. Море он, наверное, не переплывет.

Вот созвал хан своих подданных, и пошли они все на берег моря, и ладейщик из дубовой щепки выдолбил ладью, в которой они все поместились. Сорок дней и сорок ночей плыла по морю ладья и наконец достигла другого берега.

На том берегу зодчий построил из одного камушка дом, такой просторный, что всему народу места хватило. Но не успели они в новом доме обжиться, глядь, выплывает из моря слепой дракон.

Тогда землекоп вырыл подземный ход. Девяносто дней и девяносто ночей шли хан с дочерью, и девять братьев, и все подданные хана по этому ходу, пока не пришли в такую прекрасную страну, где были и леса, и воды, и звери, и птицы, но где не ступала нога человека. На радостях решил хан устроить пир.

Пришло время кухарю свое мастерство показать. Кухарь поставил перед ханом маленькую сыпыру и постучал пальцами по ее краям. Начали на сыпыре такие кушанья и напитки появляться, каких даже сам-

хан и ханская дочь сроду не пробовали. Три дня и три ночи пировал весь народ, а еда и питье не убывали, сколько бы ни пили, ни ели...

Теперь скажи, сын Болата, Батырбек, которому из девяти сыновей вдовы должна достаться тюбетейка?

— Землекопу! — ответил Батырбек.

И снова не утерпела молчунья, дочь хана Ульмеса.

— Я ведь уже дважды говорила тебе, что ты угадываешь неправильно! По обычаю любая вещь прежде всего достается старшему. К тому же старший брат указал, в какой стороне находится украденная драконом девушка. Тюбетейка должна достаться старшему!

— Если тюбетейка должна достаться старшему брату, то ты должна достаться мне! — воскликнул Батырбек.

— Ну, теперь вы ясно слышали, надеюсь? — спросил хан у визирей. — Дочь моя, оказывается, с первого раза заговорила! Как смели вы скрыть это от меня?!

Упали визири перед разгневанным ханом на колени, начали умолять о помиловании. Хан Ульмес простил их и приказал глашатаям созывать народ на свадьбу.

Созывали всех: старых и молодых, кривых и хромых, умных и дураков. Три дня и три ночи длился пир, невиданный и неслыханный. Старики пили, умные пели, молодые боролись, дураки ножами кололись, хромые местами менялись, кривые бузу проливали, собакам кости швыряли.

Когда кончилась свадьба, Батырбек взял к себе отца, старого Болата, и зажил счастливо с молодой женой.

ТРИ БРАТА И ДОЧЬ СУДЬИ

Было у одного старика три сына. Двое старших работающие и степенные. Младший же — ленивый и беспечный. Умер старик отец, и остался младший брат на попечение старших. Много лет поили они его, кормили, а потом и говорят ему:

— Пора тебе, братец, вместе с нами в хозяйстве работать!

А младшему не хочется.

Рассердились старшие братья, выделили ему часть из отцовского наследства и сказали:

— Живи-ка ты, братец, сам по себе.

Быстро промотал младший брат отцовское добро. Как дальше быть, не знает... А отец перед смертью рассказывал сыновьям, что зарыл он в кургане бочонок золота. «Если впадете в нужду, выroyте бо-

чонок и поделите поровну,— завещал отец.— А будете жить в достатке — золота не троньте».

«Я ведь уже впал в нужду», — подумал младший брат и вырыл бочонок. Вырыл, да и спрятал. А потом пошел к старшим и говорит жалобным голосом:

— Братья, я очень нуждаюсь. Выроем отцовское золото и поделимся.

Согласились старшие братья. Пришли с младшим на курган, все кругом изрыли — ничего не нашли.

— Это вы тайно от меня унесли золото,— закричал младший брат.

— Нет, это ты сам, наверное, его взял,— возмутились старшие. Спорили они, спорили и порешили отправиться к судье.

В пути застал братьев сильный дождь. Переждали они его и пошли не спеша; идут, следы на дороге разглядывают.

Вот старший брат и говорит:

— Недавно здесь прошло стадо. Коз в стаде больше, чем овец.

— И пасет это стадо старик, — сказал средний.

— А собака у пастуха—серая овчарка,—добавил младший.

Прошли еще немного и увидели на дороге свежую колею. И снова первым заговорил старший:

— В этой арбе едет больная женщина.

— Бык, запряженный справа, слепой на правый глаз,— сказал средний.

— А колеса у арбы — одно новое, другое старое, — добавил младший.

Много ли, мало ли они прошли, нагоняет их всадник и спрашивает:

— Не видели ли по дороге стадо?

— Нет, не видели,— отвечают братья.

Хлестнул всадник коня и поехал дальше.

— Эй, — окликнул его старший брат,— овец в этом стаде было меньше, чем коз?

— Верно! — воскликнул всадник.— Меньше!

— Пастух у этого стада—старик?—спросил средний.

— Старик, старик, — подтвердил всадник.

— Собака у него — серая овчарка? — спросил младший.

— Серая! Значит, вы видели мое стадо! — обрадовался всадник.—

Вот спасибо вам!

Но братья продолжали твердить, что никакого стада они не видели, и всадник в недоумении поскакал прочь. Нашел он свое стадо и, когда гнал его назад, встретился снова с тремя братьями.

— От пастуха я узнал, что вы и вправду не видели моего стада, — сказал он.— Как же вы все о нем узнали?

— По следам,— ответил старший брат. — Во время сильного дождя овцы тянутся за ветром, козы — против ветра.

— А у пастуха завязка от чарыка волочилась по земле,— ответил средний.— Только старый человек мог не обратить на это внимания. Молодой нагнулся бы и завязал.

— А там, где овчарка отряхивалась от дождя, остались серые шерстинки,— сказал младший.

Подивился всадник их сметливости, и отправились они каждый своей дорогой. Всадник стадо погнал, братья к судье пошли. Много ли, мало ли были они в пути, как нагнали их два всадника. Спрашивают:

— Не видали ли вы по дороге арбу?

— Нет, — отвечают братья, — не видали.

Хлестнули всадники коней, поехали дальше.

— Эй, стойте! — окликнул их старший брат. — В арбе сидела больная женщина?

— Да! — воскликнули обрадованные всадники.

— Бык, запряженный справа, был на один глаз слепой? — спросил средний брат.

— Слепой! — подтвердили всадники.

— Одно колесо у арбы было новое, а другое — старое? — спросил младший.

— Все так! — подтвердили всадники.— Значит, вы видели арбу?

— Нет, арбы мы не видели,— ответили братья.

Поскакали всадники в досаде прочь. Нашли они свою арбу, возвращаются обратно и говорят:

— Правду вы сказали. Наша невестка подтвердила, что вы ей не встречались. Как же вы обо всем узнали?

— Когда у вашей невестки начались сильные боли, она схватилась руками за колеса арбы и затормозила их. Поэтому я догадался, что женщина больна,— ответил старший брат.

— Вдоль левой обочины даже старая трава была общипана, а на правой молодая нетронутая осталась. Вот я и подумал: бык, идущий справа, слеп на правый глаз,— сказал средний брат.

— Новое колесо оставило прямой след. Старое шаталось, как пьяное,— сказал младший.

Подивились всадники уму и догадливости трех братьев и отправились каждый своей дорогой. Пришли, наконец, братья к судье.

— С чем пожаловали, молодцы? — спрашивает судья.

— Спор у нас,— жалуются братья.— Пришли за твоим правосудием, судья!

Прежде чем к делу приступить, решил судья путников накормить. Подали им калмыцкий чай с бавырсаками.

Отодвинул старший брат угощение.

— Мы эти ваши бавырсаки есть не станем. Пшеница, из которой смололи для них муку, выросла на кладбище.

Велел тогда судья зарезать ягненка. Сварили его, принесли, средний брат повел носом и говорит:

— И мясо это мы есть не станем. Ваш ягненок вскормлен молоком собаки.

Младший же добавил:

— А сам ты, судья, незаконнорожденный.

Не стал судья спорить. Все, что сказали братья, было правдой.

— Я не в силах решить ваше дело, — говорит он братьям. — Вижу, вы сами в судьи годитесь. Но помочь вам могу. У меня есть мудрая дочь. Живет она в соседнем ауле. Идите к ней, она вас рассудит.

Отправились братья в соседний аул, отыскивали дочь судьи.

— Какие вести вы принесли? — спрашивает она.

— Вести у того, кто спрашивает, — отвечают братья.

И тогда дочь судьи рассказала им такую притчу:

— Жил некогда в одной стране хан. А у того хана была единственная дочь. Полюбила она бедного юношу. И юноша тоже ее полюбил, хоть и знал, что не бывать ханской дочери его женой. Так и сталося! Выдал хан свою дочь замуж за сына соседнего хана. Сыграли они свадьбу, и вот, когда жених вечером вошел в покои невесты, девушка горько заплакала:

— О чем ты плачешь? — спросил жених. — Или я тебе противен?

— Я люблю другого, — ответила невеста. — И он тоже меня любит. Подумала я о том, как он сейчас горюет, и заплакала.

Услышав это, приказал жених своим слугам оседлать коня, велел девушке переодеться в мужскую одежду и отправил ее к тому юноше-бедняку.

— Поезжай, — напутствовал он ее, — и возвращайся лишь, если твой любимый даст согласие на нашу женитьбу.

Поехала ханская дочь. Встретились ей на пути сорок воров-разбойников.

Задержали они ее и по ее красоте догадались, что перед ними девушка.

— Какая удача, — обрадовался атаман. — Тридцать девять моих молодцов я уже женил, только один, сороковой, не женат. Будешь его женой!

Тогда дочь хана стала умолять:

— Отец выдал меня замуж за ханского сына. А я люблю юношу-бедняка. Рассказала я об этом своему жениху, и он послал меня к лю-

бимому узнать: позволит ли он мне стать женой другого. Отпустите меня, будьте милостивы!

Сжалился над ней атаман:

— Поезжай,— сказал он,— поезжай! Не станем тебя удерживать. Вот приехала девушка к маленькой сакле возлюбленного, постучала в окошко. Вышел юноша, увидел ее, обрадовался.

— Откуда ты? Как сюда попала?

— Отец выдал меня замуж за ханского сына. Пришел жених вечером после свадьбы в мои покои, а я вспомнила тебя и заплакала. Он узнал, о чем я плачу, и послал меня к тебе. Как ты решишь, так мы и поступим...

Задумался юноша.

— Хороший человек твой муж,— сказал он наконец.— Вернись к нему, поблагодари его и будь ему верной женой. А я найду силу излечиться от любви к тебе.

И вернулась дочь хана к своему нареченному...

— А теперь скажите мне,— спросила дочь судьи,— кто благороднее: сын хана, атаман разбойников или тот юноша-бедняк?

— Благороднее всех ханский сын! — ответил старший брат.

— А по-моему,— возразил средний,— благороднее всех юноша-бедняк!

— Нет! — перебил младший.— Атаман разбойников!

И сказала тогда дочь судьи:

— Честный хвалит честного, любящий — любящего, а вор — вора.

Ты унес отцовское золото.

Некуда было младшему брату податься, и сознался он во всем.

СТАРИК ЖЕНАЛИ

Жили-были в давние времена на свете два хана: Хан Запада и Хан Востока. Послал однажды Хан Востока гонца с письмом к Хану Запада, и было в том письме сказано вот что: «Когда твои табунщики гнали табуны с горных пастбищ в степь, мой на весь мир знаменитый жеребец, услышав их топот, заржал. Стало быть, приплод твоих табунов в этом году принадлежит мне».

Удивился Хан Запада дерзости соседа. Удивился и задумался. Войну начинать ему не хотелось, а лишиться приплода бесчисленных табунов тоже жаль.

Решил Хан Запада созвать на совет стариков, прославленных в

народе. Созвали мудрейших, рассказал им хан, что его тревожит. И вот выступил вперед седобородый, по имени Женали.

— Прикажи, владыка, вооружить сорок храбрых всадников-нукеров, которые слушались бы меня во всем. Дай мне сорок пустых мешков, рослого верблюда, маленького ослика да козла с длинной бородой, и я избавлю тебя от заботы.

Обрадовался хан, велел дать старику Женали все, о чем он просил, и наказал своим нукерам:

— Повинуйтесь Женали, как мне самому, не то меч мой отведает вашей крови!

Вот пустился старик Женали со своим отрядом в путь. Много дней и много ночей ехали они, пока достигли наконец столицы Хана Востока. Шатер свой Женали раскинул у городских стен, на берегу реки, и велел нукерам:

— Соберите побольше речных камней, наполните мешки, поезжайте в город и бросайте камнями в ханских собак.

Как он велел, так нукеры и сделали. Забросали они ханских собак камнями. Подняли собаки вокруг ханского дворца визг и вой. Вызвал разгневанный Хан Востока своего визиря и спрашивает:

— Кто посмел тронуть моих собак?

— Приезжие люди это сделали, великий хан,— ответил визирь, дрожа и низко кланяясь.

— Пришли ко мне немедленно их наибольшего!

Поскакал визирь самолично к старику Женали и говорит:

— Хан Востока немедленно требует к себе вашего наибольшего!

А Женали сидит себе спокойно на берегу реки и показывает на верблюда:

— Вот у нас наибольший! Веди его, если тебе надо.

Привели верблюда во дворец. Разъярился Хан Востока, кричит:

— Я ведь не о росте говорил, о старшинстве говорил! Ведите ко мне их старшего! Кто у них там с бородой?!

Помчался визирь к Женали, пот со лба утирает.

— Наш хан требует к себе вашего бородатого!

А Женали не беспокоится ничуть. Показал на козла, который тут же травку щипал:

— Вот он, наш бородач. Веди, коли тебе угодно!

Потащили во дворец козла. Козел головой мотает, упирается. Как увидел его Хан Востока, побелел от ярости.

— Разве я о такой бороде говорил? Я ведь седобородого старика привести приказывал!

Полетел визирь к Женали в третий раз, гонит коня во весь опор, сам еле дух переводит.

— Хан Востока, уф, требует тебя, уф, самого во дворец!
— Так бы сразу и сказал! — рассердился Женали. — Нет мне от вас покоя!

Пришел Женали во дворец. Хан Востока спрашивает у него:

— Как смели твои люди побить моих собак?

А старик Женали ему в ответ:

— Отару Хана Запада терзают волки, а ваши собаки, видишь ли, лежат себе, будто им и дела нет!

Изумлен был Хан Востока.

— Ты в своем уме, старик? Какое им дело до вашей отары?

Тогда Женали ему в ответ:

— А какое дело нашим табунам до ржання твоего хваленного же-ребца?

Нечего было Хану Востока отвечать. Однако на помощь к нему пришла жена.

— Мы тебе завтра ответим, старик, — сказала ханша. — Только завтра ты приходи к нам не голый и не одетый, не пешком и не верхом, по дороге и без дороги.

Ладно! Вернулся старик Женали к себе в шатер. Сидит и размышляет: «Рогожа — не одежда, обочина — не дорога, осел мой — не лошадь...» Сшил себе черкеску из рогожи, сел верхом на маленького ослика и отправился к Хану Востока. Сам по обочине правит, ногами по земле перебирает.

А ханша уже его поджидала. Увидела Женали из окна, позвала его и говорит:

— Ты перехитрил меня, старик! Я сама расскажу мужу обо всем. Возвращайся и передай своему хану, что Хан Востока по достоинству оценил ум его народа. Пусть приплод ваших табунов вам остается!

Привез старик Женали Хану Запада добрые вести. На радостях хан насыпал ему сорок мешков золота, и жил мудрый Женали до смерти в богатстве и почете.

ЩЕДРЫЙ И СКУПЕЦ

Жили-были в старину два соседа — скупец и щедрый. Пошли они однажды вместе летовку* искать. По дороге ели они еду, какую взял с собой щедрый. А потом дорожный припас у щедрого кончился, скупец своим делиться с ним не стал и сказал ему:

* Летовка — пастбище и место летней стоянки у кочевых в прошлом народов

— Поступай, сосед, как знаешь. Я тебя кормить не обязан.

На третий день, когда щедрый уже с ног валиться начал, увидели они в пустынной степи большой холм, а в холме нору.

— Полезай в эту нору,— посоветовал скупец щедрому.— Может, раздобудешь что.— И сам ушел поскорее, думая: «Пусть он там и останется!»

А щедрый залез в глубь холма. Там была большая пещера, но в ней было пусто, и он, совсем без сил, свалился в дальнем углу за грудой камней и уснул.

Проснулся щедрый от громкого шума: Это лезли в пещеру медведь, волк и лиса. Здесь, оказывается, было их логово.

— Человечьим духом пахнет! — зарычал медведь и повел носом вправо и влево.

— Это тебе чудится! — отвечала лиса. — Не болтай попусту. Откуда здесь взяться человеку?!

Спать зверям не хотелось, и они завели между собой беседу. Медведь рассказал, как гнался он за охотником, но не убил его и остался поэтому голодным. Волк рассказал, что за целый день удалось ему поймать только одного гуся и что он поэтому ни сыт, ни голоден. А лисица молчала, и они спросили у нее: где она была и что видела?

— О! — сказала лиса.— Знаете ли вы, что у нашего хана третьего дня тяжело заболела единственная красавица дочь. Кто ее с постели подымет, тому хан отдаст ее в жены, да еще полханства своего подарит. Но никто из людей не знает средства от этой болезни. А я знаю,— похвасталась лиса.

— Какое же? — полюбопытствовал медведь.

— Надо поймать серебряного зайца и дать ханской дочери сердце и печень этого зайца.

— Да разве ж есть на свете серебряный заяц? — удивился волк.

— Есть! — подтвердила лиса. — Живет он в лесу на Северной горе. И поймать того зайца может только борзая щедрого человека. Никакой другой собаке это не под силу.

Потом звери уснули, а рано поутру ушли из пещеры. А щедрый, хоть и очень ослаб, добрался все же до дому, взял свою борзую и отправился в ханский дворец. Дочь хана была уже при смерти, и весь двор приготовился к великой печали.

— Я могу вылечить вашу больную,— сказал щедрый.

— Чем, чем? Говори скорей! — закричали придворные.

— Ей надо дать печень и сердце серебряного зайца, живущего в лесу на Северной горе.

Подивились про себя придворные простодушию этого человека, взяли лучших борзых и поспешили в лес на Северную гору. Но сколь-

ко ни травили они серебряного зайца,— ни одна борзая не могла его взять. Сердца борзых разбивались на бегу...

Тогда спустил щедрый свою собаку. Она легко настигла зайца. Щедрый достал его сердце и печень и принес хану. И едва ханской дочери поднесли это лекарство, как она тотчас выздоровела.

Устроил хан на радостях большой пир, отдал щедрому в жены свою красавицу дочь и велел возвести для них подле ханского дворца дом с высокой крышей. Полханства было во владении щедрого. Жил он да поживал, благо наживал, и вот однажды явился к нему на поклон скупец. Скупцу не давало покоя счастье, доставшееся соседу.

— Я не помню зла,— сказал ему щедрый.— Ты хочешь знать, как добыл я счастье? Иди к тому самому холму и залезь в ту самую нору, куда ты меня голодного послал, когда мы искали летовку...—И рассказал ему все.

Побежал скупец в степь, нашел холм, залез в ту пещеру и притаился за камнями. А звери вернулись вечером, на его беду, голодные, сердитые.

— Человечьим духом пахнет! — загремел медведь.— Смотри, лиса, не вздумай смеяться, как в прошлый раз. Болтун-то не я! Ты сама выдала человеку тайну серебряного зайца!

Лиса задрожала.

— Давай поищем в углах,— согласилась она. Поискали и нашли скупца.

— Вот это добрый ужин! — обрадовался волк. А медведь только засопел от радости... Напали звери на скупца и съели до косточки.

Так пожал скупец зло, которое пожелал соседу. А щедрый с чистым сердцем человек жил да поживал до старости.

ДЕНЬ—МЕСЯЦУ РОДНЯ

Жил-был в старину богач, по имени Шавдик-Аджи. Нанял он в страду батрака, которого звали Савхат, и пообещал ему добрую плату: за месяц работы пятнадцать мер пшеницы.

«Пускай! Пятнадцать мер я ему заплачу,— решил хитрый богач, — но зато будет он у меня от зари до зари работать...» И не давал Савхату никакой передышки.

— Кончил есть, сынок,— сладко говорил он батраку,— побыстрее принимайся за дело. Пусть день твой не пройдет напрасно.— И всякий раз добавлял при этом: — День — месяцу родня!

Савхат видел, что жадный богач за свои пятнадцать мер на него одного работу двоих батраков взвалил, но и он был не прост и про себя твердил: «Ничего, ничего, погоди, я еще покажу тебе, Шавдик-Аджи, как день с месяцем роднится...»

Кончилась страда, и попросил Савхат у богача расчет. А Шавдик-Аджи отвечает:

— У нас в хозяйстве, сынок, нет мерки. Сломалась мерка!.. Поди, одолжи у кого-нибудь, и я отмеряю тебе пшеницу.

Ушел Савхат и вскоре вернулся не с меркой, а с большущим шаншаком.

— Мерки и у соседей не нашлось,— говорит.— Так я вот эту штуку взял. Ею и отмерим...

Растерялся богач.

— Как же так, сынок?!

— И ты еще спрашиваешь, почтенный? День месяцу сродни, а шаншак — родной брат мерки. Мерь!

Посмотрел богач на своего батрака, на его сильные руки, на его лицо, понял, что придется уступить, и отмерил Савхату пятнадцать полных шаншаков пшеницы.

ОХОТНИЧЬЯ ОВЦА

Ехал однажды мулла со своим батраком домой откуда-то издалека, задержался в дороге и решил в попутном ауле заночевать. Дело было зимой, в морозы, и завернул он на ночлег к одному старику.

Старик встретил муллу гостеприимно:

— Заходи, мулла, заходи! — пригласил он.— У меня в доме никого нет. Я да вот моя овца со мною греется...

Распряг батрак лошадей, зашли в дом.

— Раздевайся, мулла, — приглашает старик,— раздевайся, пожалуйста!

А у муллы была теплая шуба на волчьем меху. Как начал он с себя шубу стягивать, услышала старикова овца волчий запах, задрожала, забила копытами об пол.

Удивился мулла.

— Что это,— говорит,— твоя овца на меня так сердито смотрит?

— Э-э-э! — отвечает старик. — Овца моя не простая. Она — знаменитый охотник. Этой зимой десять волков растерзала.

Батрак у очага сидит, втихомолку посмеивается, а умный мулла поверил старику, и захотелось ему завладеть такой удивительной овцой.

— Продай!— просит он старика.— Дам тебе денег, сколько хочешь!

— Продать — я бы продал, — упирается старик, — да она мне самому нужна. От нее в хозяйстве польза большая.

— Тысячу рублей не пожалею! Продай!

Ну, старик не стал дальше торговаться, продал овцу за тысячу рублей.

Утром рано уехал мулла со своим батраком и овцу увез.

А неподалеку от того аула был лес, и только въехали они в лес, как вышло им навстречу трое волков. Почуяла овца волчий дух и ну в саях подпрыгивать.

— Спускай ее, спускай! — закричал мулла батраку.

Засмеялся батрак.

— погоди, хозяин, дай ей как следует рассвирепеть!

А волки уже к самым саям подошли, зубами щелкают. Отпустил батрак овцу, выпрыгнула она на снег, да в лес! И волки за нею следом...

— Беги! — велел мулла батраку. — Глаз с нее не спускай, а не то она волчьи шкуры попортит.

Побежал батрак в лес. Видит, волки ушли, а от овцы только косточки валяются. Вернулся он и говорит:

— Да, мулла! Истинно это была храбрая овца! Хоть сама вся изглодана, зато и от волков ни шерстинки не осталось.

Очень рассердился мулла.

— Велел я тебе сразу ее спускать! А ты не послушался... Это же охотничья овца! Она сама себя от ярости растерзала.

ОБМАНЩИК АЛДАР

Жил некогда на свете человек, по имени Алдар. Славился он тем, что любого мог обмануть, да так ловко, что над обманутым потом все люди смеялись.

— И как это он тебя обманул? Вот мы бы ему ни за что не поверили,— говорят, бывало, обманутому.

А обманутый отвечает:

— погодите, вас он не так еще обманет!

Оседлал однажды некий любопытный человек рано утром коня и отправился искать этого Алдара. (Он его, оказывается, никогда в глаза не видел!) А в это самое время и Алдар, взяв в руки посох, вышел из дому, размышляя: кого бы обмануть?

Встретились они на дороге и спрашивают друг друга:

— Ты откуда путь держишь?

— А ты куда направляешься?

Человек, что искал Алдара, начал свой рассказ первым:

— У меня, видишь ли, вот какое дело... Еду я в тот аул, где живет один очень ловкий обманщик. Хочу проверить: сумеет ли он меня обмануть? А если обманет, то каким способом? Не поможешь ли ты мне найти этого человека?

— Я этого человека очень хорошо знаю,— отвечает Алдар. — Этот обманщик — я! А обмануть тебя мне ничего не стоит. Жаль только, нет со мной моей сумки с обманами. Эх, домой далеко возвращаться! Была бы сумка при мне, я бы тебе тут же показал, как обманывают!.. Хочешь, сделаем так: я возьму у тебя коня на время, съезжу домой, привезу обманы и ты собственными глазами увидишь чудо.

Согласился всадник.

— Ну, если без этой сумки не обойтись, поезжай!

Слез с коня и своими руками отдал поводья Алдару.

Сел обманщик в седло, да еще и плетью попросил,— «не будешь же, мол, коня посохом подгонять»,— а всаднику отдал свой посох.

— Жди меня здесь,— говорит, — стой на месте. Я мигом! А чтоб не скучно было, вот тебе мой совет: постарайся угадать, как я тебя обману.

Ждал любопытный до вечера, и только когда ночь наступила, догадался, что Алдар и без сумки выполнил свое обещание.

ВТОРАЯ ЖЕНА ХОДЖИ НАСРЕДДИНА

Жил в далекие времена Ходжа Насреддин со своей женой. И вот уже в преклонных годах заболела его жена и вскоре умерла. Женился Ходжа Насреддин на молодой вдове. И все бы у них было хорошо,— одно плохо: как время спать идти, молодая жена принималась своего первого мужа расхваливать.

Очень не нравилось это Ходже, и крепко он в душе на эти разговоры досадовал, да что поделаешь, надо терпеть. Однако всему приходит конец. Кончилось у Ходжи Насреддина терпение. Вот однажды, когда жена, как всегда, начала своего первого мужа расхваливать, Ходжа и говорит:

— Много лет прожил я на свете, а такой славной женщины, как моя покойница, не встречал. И красавица, и умница была,— не тебе чета!

— Ах, так! — обиделась молодая жена. Обиделась и ушла к своему отцу.

Удивился отец, что дочь в полночную пору домой прибежала.

— Зачем это ты, — спрашивает, — одна, без мужа по аулу ходишь?

— Муж выгнал меня, — пожаловалась она отцу.

Утром отец рано поднялся.

— Пойду, узнаю у твоего мужа, чем ты ему не угодила? — И отправился к зятю, в гнев дергая седую бороду из пяти волосков.

Ходжа встретил тестя с почетом:

— Добро пожаловать, садись! Не у вас ли моя жена?

— У нас... Скажи, зачем это ты ее в полночь на улицу выгнал?

— Посуди сам, дорогой отец! — воскликнул Ходжа. — Для скольких человек устроена деревянная кровать? Для двоих? Для двоих! А мы укладываемся на нее вчетвером... Вот твоей дочери и не хватило места. Скатилась с кровати и побежала к вам.

От удивления старик разинул рот. Думал он, думал над словами Ходжи, не понял ничего и спрашивает:

— Постой, как же это так, вчетвером?

— А так, — говорит Ходжа. — С нами был первый муж твоей дочери и моя жена-покойница. Сосчитай, сколько получится?

Но тесть никак не мог понять.

— Откуда же они взялись, эти покойники? Объясни мне толком.

— Слушай, — говорит Ходжа, — и пусть мой осел будет свидетелем. Твоя дочка, то и знай, хвалит своего покойного мужа. Долго я это терпел, а потом не выдержал и похвалил свою первую жену. Тогда не стерпела твоя дочь и ушла к вам... Если не веришь, спроси у моего осла.

И только Ходжа кончил, как осел трижды закричал под окном.

— Ну, — сказал рассудительно тесть, — если уж и осел подтверждает, значит, все правда! — Пошел домой и привел свою дочь обратно к Ходже Насреддину.

С тех пор Ходжа и его молодая жена хвалили только друг друга, а не то, случалось, сами себя похваляли. И зажили в мире и согласии.

КОМУ ХИТРОСТЬ ДОСТАЛАСЬ?

В самом начале начал, когда мир еще только устраивался, собрались однажды все звери, чтобы определить каждому, какой будет у него нрав. Несколько дней стоял шум и гам по всей земле.

— Хитрость мне отдайте! Я хочу хитрость! Мне! Мне!.. — визжали, выли, ревели звери на разные голоса. И медведь хотел, чтобы ему досталась хитрость, и кабан хотел, и рысь очень хотела... Ну, наконец, когда увидели звери, что никак им между собой не поладить, — отдали хитрость сыну человека.

Отдали ему хитрость и разбрелись в разные стороны: кто в поля, кто в горы, кто в леса, — кому где жить положено. А волк, лисица и заяц, — они тогда еще между собой дружили, — пошли по берегу реки. Идут, о том о сем беседуют...

Вдруг большая рыба высунула голову из воды и спросила на своем языке:

— Скажите мне, звери земные, кому досталась хитрость?

— Хитрость мы отдали сыну человека, — ответил заяц.

Ничего не сказала рыба, взмахнула хвостом и тихо ушла на дно... А волк, заяц и лиса пошли дальше по берегу реки.

Не прошли они и ста шагов, как вдруг еще одна рыба — побольше прежней — высунула из воды голову и спросила на своем языке:

— Хитрость кому досталась, скажите, звери земные?

— Хитрость мы отдали сыну человека, — ответил волк.

И эта рыба ничего не сказала, молча ушла под воду. А волк, лиса и заяц отправились дальше.

И вдруг еще одна большущая рыба высунула голову из воды и спросила:

— Кому досталась хитрость, скажите, звери земные?

— Хитрость отдали сыну человека, — ответила лисица.

— Вот это хорошо! — похвалила рыба.

— Да, уж чего лучше! — сердито откликнулась лиса. — В поле он мне покоя не даст, в воде он тебе покоя не даст.

И верно. Так с тех пор ведется: человек не дает покоя рыбе в воде, а лисице в поле.

ЦАРЬ СУЛЕЙМАН И СОВА

В давние, древние времена жил на свете царь, по имени Сулейман. Славился этот царь своей мудростью; знал он языки всех зверей, птиц и насекомых, населяющих землю. И было у него четыре жены... Вот однажды заболела самая любимая, младшая жена Сулеймана. А у больного человека сердце, как известно, полно всяких прихотей: чего только не ищет, чего не требует?! Сделалась младшая жена царя прихотливой и привередливой.

— Построй для меня дворец из птичьих костей,—попросила она.

И царь, любя свою жену и желая ее выздоровления, велел призвать к себе всех птиц, какие только живут на свете.

Все птицы, какие только живут на свете, послушались царя Сулеймана.

Прилетела ласточка, прилетел орел, прилетел угод, прилетел попугай, прилетела даже райская птичка.

Только одна сова не прилетела.

Послал царь Сулейман за совой гонца. Не летит сова.

Послал второго. Не прилетает.

Послал третьего. Нет совы!

Наконец, когда отправил четвертого гонца, явилась сова перед очи разгневанного царя.

— Трижды я за тобой посылал, почему ты не прилетала? — спросил Сулейман.— Что за важные заботы держали тебя дома?

— Когда ты трижды за мной посылал, я думала думу, о царь мой, — смиренно поклонилась сова.

— Какую же думу ты думала?

— Я думала, царь, о том, кого больше на свете: живых или мертвых?

— И додумалась?

— Додумалась. Все живое умирает в свой черед. Стало быть, мертвых больше на свете, чем живых.

— А во второй раз какая дума тебя задержала?

— Захотелось мне разгадать: чего на свете больше — воды или земли?

— И разгадала?

— Разгадала, о царь мой. Где бы ни копнули мы землю, рано или поздно потечет из нее вода. Стало быть, воды больше!

— Верно! Ну, а на третий зов почему не пришла?

— Думы мои были глубокими. Размышляла я о том: кого больше на свете — мужчин или женщин?

— Смотри-ка, — удивился царь Сулейман.— И кого же, по-твоему, больше?

— Над этим я думала очень долго... Прости мое опоздание, царь!

— Прощу, если скажешь: до чего ты додумалась?

— К женщинам я причислила всех мужчин, исполняющих глупые прихоти жен. Женщин получилось у меня больше,— ответила сова.

Услышал мудрый царь Сулейман такой ответ совы, и стыдно ему стало, что хотел он исполнить безумную прихоть жены, и отпустил он всех птиц на волю невредимыми.

ГЛУПЫЙ ВОЛК

Отправился однажды жеребенок пастись на зеленый луг. Встретился ему барашек и спросил:

— Куда идешь, братец-жеребенок?

— Иду на зеленый луг, хочу жиру нагулять...

— Возьми меня с собой!

Жеребенок взял барашка с собой, и пошли они дальше вдвоем. Встретилась им коза. Спрашивает:

— Куда спешите, милые?

— На зеленый луг, жир нагуливать,— отвечает жеребенок.

— Можно, и я с вами пойду?

— Можно!

Пришли они втроем на зеленый луг, пасутся мирно и весело.

Но вот соскучился барашек по маме и сказал друзьям:

— Отъелся я на лугу. Поглядите, какой толстый стал. Хочется мне домой!.. — И ушел.

Вскоре вслед за ним и коза отправилась; захотелось ей свою хозяйку проведать. Остался на зеленом лугу один жеребенок, резвится на воле да жир нагуливает.

А барашка увидел голодный волк.

— Какой ты жирный, барашек! — обрадовался волк.— Я тебя съем!

— Не надо, — заблеял барашек. — Не ешь меня, волк! Я хоть и жирный, да ведь очень маленький. А там, на лугу, коза пасется. Она коза крупная, мясо у нее сладкое. Съешь лучше козу!

Соблазнился волк сладким мясом козы и отпустил барашка. А тут коза бежит, домой торопится.

— Правду барашек сказал,— облизнулся волк.— Ишь какая толстая, ишь какая круглая коза! Давай-ка я тебя съем!

— Что ты, что ты, дядюшка волк,— завопила коза не своим голосом,— ведь всем давно известно, что козлятина — мясо невкусное. Обманул тебя барашек. А вот, скажу я тебе, на лугу жеребенок пасется, такой рослый, такой сытый,— одной его задней ноги на обед хватит.

— Хм! Мясо жеребенка и впрямь вкуснее,— согласился волк. Отпустил козу и побежал на зеленый луг. Прибежал и видит: жеребенку худо приходиться. Увяз жеребенок в болоте — выбраться не может.

— Эй, жеребенок! — закричал волк.— Я тебя из болота вытащу! Но ты отдашь мне на обед свою заднюю ногу. Давно я не пробовал, какова на вкус жеребятина!

— Тащи! — ответил жеребенок.— Потом позволишь мне только трижды отряхнуться от грязи, и я дам тебе попробовать сразу обе мои задние ноги.

Вытащил волк жеребенка из болота. Раз отряхнулся жеребенок. Два отряхнулся. А в третий — как ударит волка задними копытами по лбу, волк едва сам в болото не угодил.

Ушел, усакал жеребенок от волка. А волк опомнился, сел на траву и завыл с досады:

Поманил меня барашек козлятиной,
На меня, простака, подивитесь!
Поманила меня коза жеребятиной,
На меня, простака, подивитесь!
Для чего я жеребенка из грязи ташил?
На меня, простака, подивитесь!
И нос мой в крови, и голоден я,
На меня, дурака, подивитесь!

ХРОМАЯ НОГА НЕ ВИНОВАТА

Жил в старину на свете бедный старик. Было у него четыре сына. Умер старик, и досталось от него четверем сыновьям наследство — беленький козленок. Славный был козленок, да захромал как-то на заднюю ножку. Братья жалели его, смазали ногу мазью и перевязали тряпочкой...

Но всякое наследство надо делить. Стали братья между собой делиться. Здоровую заднюю ногу решено было отдать старшему, две передние ноги — двум средним, а хромую заднюю ножку — младшему брату. Поделили козленка и начали его растить. Кормили травкой, поили свежей водицей да айраном, а по вечерам укладывали спать в тепле — у очага.

Вот однажды, когда лежал беленький козленок у очага, выпал оттуда уголек. Загорелась тряпочка на ноге козленка. Подпрыгнул козленок от боли, заметался, выбежал из сакли и поскакал в поле.

А в поле стояли стога, и козленок, прыгая вокруг них, поджег те стога.

Стога принадлежали хану. Рассердился хан. Велел узнать, кто поджег его стога, назначил суд и призвал к себе всех четырех братьев.

— Возместите мне убытки, не то брошу вас в темницу.

— Да, да, заплатите, а не то вас всех бросят в темницу,— в один голос подхватили ханские судьи.

— За эти стога, милостивый хан, мы платить не должны,— ответили три старшие брата. — Правда, козленок нам всем достался от

отца в наследство. Но мы его уже между собой поделили. Задняя нога, на которой загорелась тряпочка, — это имущество младшего брата. Ему и платить!

— Мне все равно, кто заплатит, — согласился хан.— Пусть платит младший!

И все ханские судьи согласно закивали головами:

— Пусть платит младший. Мудрому хану все равно!

«Где мне, бедняку, тягаться с ханом, — подумал младший брат.— Придется, видно, платить». — И, не сказав ни слова, понурил голову и оставил ханский дворец. По дороге встретился ему старик нищий.

— Куда ты идешь, сын мой, и почему так печален? — спросил старик.

Рассказал младший брат о беде, что неожиданно упала на его голову.

— Э, дитяtko! Напрасно ты согласился платить! Главный ответчик не ты, а три твоих старших брата. Почему? Я отвечу тебе... Если бы у вашего козленка была только одна нога, — хромая, хозяином которой считаешься ты, козленок не смог бы ускакать в поле, и ты потушил бы тряпочку. Козленка привели к ханским стогам три здоровые ноги. А хозяева их — твои старшие братья.

Вернулся вне себя от радости младший брат в ханский дворец и закричал:

— О хан мой! Суд был неправильный! Верно, твои стога загорелись от хромой ноги нашего козленка. Но ведь нога эта не сама в поле пришла? Ее принесли три здоровые ноги! А хозяева этих трех ног — мои старшие братья.

Созвал хан вновь своих судей, велел заново судить. И пришлось старшим братьям платить долю наравне с младшим.

Хромая-то нога не виновата.

ЧЕРКЕССКИЕ

СЫН ШАРАДЖА

С

давних-давних времен рассказывают: жил в одном ауле юноша из крестьян — сын Шараджа. А посреди этого аула был высокий курган и на солнечной стороне кургана лежал у подножия большой амбра-камень. Вот на этом самом амбра-камне и сидел, грелся сын Шараджа изо дня в день с утра до вечера.

А правил аулом сильный, родовитый князь, жестокий сверх всякой жестокости, и было у него семь дочерей — одна другой красивее. Дочерей своих князь замуж не выдавал. Ждал, пока подрастет самая младшая. И вот пришел срок, подросла она, и князь разослал всадников во все концы: кто хочет стать его зятем, пусть приходит!

Какой джигит мог удержаться, услышав такую весть? Стали женихи прибывать. И когда все были в сборе, князь велел так:

— Мужей себе мои дочери будут сами выбирать. В кого какая бросит перстень, тот и будет ей мужем!

Разве это долго? Как сказал, так и сделали. Поднялись дочери князя на вершину кургана, а искатели невест проходили перед ними внизу. Старшая бросила свой перстень молодому соседнему князю. Вслед за ней выбрали себе мужей, равных по знатности, и все средние дочери... Только самая младшая и самая красивая не отдала никому золотого кольца.

— Ты что ж, негодная, нарушаешь отцовскую волю! — рассердился князь. — Или не думаешь замуж выходить?

— Прости, отец, — ответила младшая. — Я не бросила перстня потому, что не пришел тот, кто будет моим мужем.

Велел князь кликнуть от стара до мала всех, кто носит на голове папаху. Все они прошли перед младшей дочерью, но и в этот раз не бросила она кольца.

— Кто посмел меня ослушаться? — спросил князь. — Кто остался в ауле?

— Оллаги, никого, кроме сына Шараджа, не осталось,— ответили люди.

— Ведите его! — закричал князь в гневе.— Тащите его сюда!

Привели сына Шараджа, как был, в старой папахе, в рваном бешмете. И когда глянул он на младшую дочь князя, бросила она ему золотой перстень.

А как бросила она своей перстень крестьянскому сыну, глаза князя налились кровью и прогнал он ее от себя:

— Ты мне не дочь, и после смерти моей не приходи оплакивать меня.

Но девушка не испугалась отцовского гнева и поступила по-своему. Поместили ее, как обычай велит, до свадьбы у почтенных людей в том же ауле, и сын Шараджа к своим друзьям ушел. А в это время собрались старики и направились к невесте.

— Мы решили построить для вас дом,— сказали они ханской дочери.— Укажи, на каком месте и какой дом построить?

— У меня есть муж,— ответила девушка. — Не у меня спрашивайте, у него спросите.

Разве это не приятно аулу? Да, очень приятно!

Пошли спрашивать у сына Шараджа.

— Спасибо моим аульчанам,— сказал он.— Если вы решили построить нам дом, стройте так, чтоб у порога дома лежал амбра-камень.

Решили и сделали! Долго разве построить дом, когда весь аул за дело возьмется?! Вот построили они саклю, а в саклю принесли кто что мог, справили свадьбу, и зажил сын Шараджа с женой в новом доме. А как пора пришла, родился у них мальчик, прекрасный, словно луч солнца.

Но сын Шараджа по-прежнему с утра до вечера целыми днями просиживал на амбра-камне у подножия кургана... Долго крепилась жена, и в конце концов не стало у нее терпения, и обратилась она к мужу с такими словами:

— Живем мы с тобой дружно, ничем ты меня не обидел, и ребенок у нас из тех детей, о которых говорят «чтоб не сглазить недобрым взглядом»... Бросая тебе перстень, я знала, что ты обладаешь мужеством и разумом. Покажи же их! Дай и мне гордиться перед людьми своим мужем, как гордятся другие женщины!

Опустил сын Шараджа голову, подумал, а потом ответил:

— Что ж, видно, пришло время все тебе рассказать. Пойдем, я открою тебе мою тайну.

Повел он жену к тому амбра-камню, на котором постоянно сидел. А когда привел, то отодвинул его носком чувяка. А как отодвинул, оказалась под камнем дверь. Открыл ее сын Шараджа и спустился с женой в подземелье. Увидела там женщина диво — кладовую, полную золо-

та и серебра. А за той кладовой была еще кладовая, полная всяких самоцветов. Была там еще одна кладовая, и в ней хранилась воинская одежда, и седло, сделанное искуснейшими мастерами, и драгоценная сабля из дамасской стали. Только не думайте, что это главное! Главное я вам еще расскажу! За той третьей кладовой была просторная пещера, и стоял в той пещере крылатый альп, на которого смотреть, не зажмурившись, невозможно было!

— Вот это — все мое богатство! Серебро, золото, самоцветы,—все бери, сколько тебе понадобится, — сказал сын Шараджа.—А этого коня и эту саблю я берегу на врага. Кто знает, может, станется беда, нападет враг на нашу землю... Они мне пригодятся... Но, пока я жив,— молчи. Запомни: ни одна живая душа не должна знать о том, что ты видела! Когда ж умру, ты и мои дети поступайте, как знаете.

Так и договорились. Жена стала по-прежнему хозяйничать дома, а сын Шараджа по-прежнему в старой папахе и дырявом бешмете с утра до вечера сидел на амбра-камне.

Между тем беда была уже не за семью горами — у порога стояла. Напал на землю черкесов крымский хан, привел с собой несметное войско. Разорил он и тот аул, в котором жил сын Шараджа. Кого в битве убили, кого казнили, а кто и жив остался — все добро бросил, в леса ушел. Князя и княгиню, и шесть дочерей князя, и шестерых зятьев крымский хан в плен захватил, велел связать и за собой в обозе вести. Только сына Шараджа не тронули: кому такой нужен? Сидит себе и сидит на камне.

Но вот пришло время сыну Шараджа действовать. Отодвинул он амбра-камень носком чувяка, снарядился в бой. Надел воинские доспехи, оседлал своего альпа, саблю взял и выехал из аула. Догнал он войско крымского хана и вступил с ним в бой. Так много врагов сын Шараджа зарубил, что кровь стекала по его рукам и сабля стала скользить в руке. Увидела это старая княгиня, которая сидела в обозе на арбе. Могло ли ей в мысль прийти, что богатырь этот — и есть ее ненавистный младший зять? И когда сын Шараджа оказался недалеко от нее, княгиня бросила ему белый шелковый платок.

— Обмотай рукоять своей сабли, джигит,— попросила она.

Обмотал сын Шараджа рукоять сабли и еще столько врагов сразил, что целая стена за ним выросла. Освободил он пленных, развязал князя с княгиней и всю их родню, вернул народу отнятое врагами добро и ускакал прочь. А когда стемнело, приехал домой и поутру уселся, как прежде, на свой амбра-камень в старой папахе, в дырявом бешмете.

Стали люди в аул возвращаться. Приехал и князь с семейством. Увидали чваные княжеские зятья сына Шараджа и давай над ним насмехаться:

— Этого оборванца и враг не тронул. Ишь, ведь живой остался! Но сын Шараджа ни слова не сказал им в ответ.

И пошло все по-старому. Понемногу забыли люди свое горе, залечили раны... Но вот однажды заболел старый князь, да так тяжело, что никто не мог его вылечить. Привозили лекарей со всех концов черкесской земли, и зятья искали для князя редкие лекарства, а дочери проливали над ним слезы. Но младшую дочь — жену сына Шараджа — даже во двор не пустили, когда пришла она проведать отца. Не хотели пустить и старого нищего, что пришел вместе с ней, прогнали его: «Не до тебя, мол, нам!..»

Однако нищий стоял на своем:

— Я знаю, как вылечить вашего больного, — твердил он. И тогда, услышав это, повели его в покои князя.

— Нет от этой болезни иного лекарства, кроме молока лани и мяса белого зайца. — Так сказал нищий. Княгиня отпустила его с подарком, а шестеро зятьев тут же оседлали резвых коней и поскакали на охоту. Семь дней и семь ночей искали они дичь и все напрасно! А старый князь между тем совсем умирать собрался. Услышала об этом младшая дочь, пришла в слезах к мужу.

Снарядился сын Шараджа, надел свои доспехи, сел на альпа и поехал на охоту. Путь, какой княжеские зятья за семь дней и семь ночей сделали, проехал он за полдня. А как проехал, нашел в лесу полянку. Сделал привал и построил на полянке шалаш. Вбил он возле шалаша в землю ствол с обрубленными ветками — бжакожей и отправился в лес. Застрелил белого зайца. Зайца освежевал и мясо в сторонку отложил. Поймал лань и надоил кувшинчик молока. И кувшинчик с молоком тоже в сторону отставил. Потом лань зарезал, повесил тушу на бжакожей и стал разделявать.

Только не думайте, это еще не главное! Главное еще впереди! Как стал он тушу разделявать, подъехали к нему шесть всадников и были то княжеские зятья. Откуда было им узнать сына Шараджа?! И сын Шараджа притворился, будто их не узнал. Пригласил всадников в шалаш и угостил всласть. А когда они насытились и отдохнули, спросил:

— Куда вы путь держите? Какое дело у вас? Не нужна ли вам моя помощь?

Рассказали княжеские зятья сыну Шараджа обо всем с начала до конца.

— Есть у меня молоко лани и мясо белого зайца, — говорит сын Шараджа.

— Возьми что хочешь, только продай нам это молоко и это мясо! — стали умолять княжеские зятья.

— Продавать не привык, — ответил сын Шараджа. — Я дам вам

и мяса и молока даром, только поставлю каждому из вас на спине мою метку,— напжиже, какое ставлю на мордах моих баранов.

Княжеские зятья и грозили ему и просили его, но сын Шараджа твердо стоял на своем, и, делать нечего,— не возвращаться же без лекарства, — они согласились. Заклеймил сын Шараджа всех шестерых своим напжиже, а потом поделился с ними мясом белого зайца и молоком лани. Поехали они своей дорогой, а сын Шараджа—своей.

Тот путь, что княжеским зятьям за семь дней и семь ночей предстояло проделать, проехал он на своем альпе за полдня и вернулся домой. Альпа на место поставил, снял с себя доспехи и сам опять уселся на своем амбра-камне у подножия кургана. А зайчатину велел жене зажарить и отнести вместе с молоком лани больному отцу.

Сделала жена все, как ей муж велел, потом отстирала добела шелковый платок, что дала когда-то ее мать в бою сыну Шараджа, накрыла этим платком горшочек с молоком и жаркое и понесла умирающему отцу.

Так было князю худо, что он даже не спросил, откуда взяли лекарство. Съел зайчатину, запил молоком лани и сразу поправился. Зато княгиня узнала свой шелковый платок, велела позвать дочь и начала ее расспрашивать: как попал к ней платок и откуда добыла она мясо белого зайца и молоко лани? Но дочь ничего не хотела сказать и только одно твердила:

— Спросите у моего мужа!

Хоть и не хотелось ей, послала гордая княгиня за ненавистным сыном Шараджа.

— Приду, когда вернутся с охоты ваши зятья,— передал сын Шараджа.

Что оставалось княгине? Пришлось ждать семь дней и семь ночей, пока приехали старшие зятья. Вот вернулись они, и вид у них был такой важный, словно совершили бог вещь какое геройство. А князю между тем лекарство уже не нужно было, он совсем выздоровел и устроил на радостях большой пир. Позвал князь шестерых зятьев. А когда он их позвал, велела княгиня привести Шараджа, чтоб рассказал, откуда у его жены шелковый платок и как добыл он для князя лекарство.

— О платке ты сама, княгиня, расскажи, кому ты его отдала,— так сказал сын Шараджа. — А белого зайца я своей рукой в лесу убил, и молоко лани я добыл. Коли не верите, — на память я поставил вашим зятьям мою метку. Пусть они покажут спины.

Убедился тут весь народ, кто истинный герой. И отдал тот жестокий старый князь свое владение крестьянскому сыну, и, пока он правил в ауле, жилось там простому люду легко. А памятью о сыне Шараджа осталась эта сказка.

КНЯЗЬ И УНАУТКА

Жил-был некогда давным-давно ядовито-злой князь. Был у него полон двор унаутов и унауток, и ни к кому не имел он жалости. Но больше всех невзлюбил он старика слугу, по имени Пыажь.

Отправился однажды князь в поход. А бывало так, что, уйдя в поход, не возвращался он домой годами. Когда же вернется, по обычаю встречал его весь народ далеко от аула и устраивали ему пир на дороге.

Год не было князя в тот раз. Но вот пришла весть о его возвращении. И отправились все с великим страхом его встречать: войско князя было разбито, и шел он домой без добычи... Поплелся вслед за другими и старый Пыажь. Увидел его князь среди своих подданных и решил на нем зло сорвать.

— Ступай домой, — приказал он старику, — наточи нож. Завтра утром освежишь мне вот этот камень. — И он ткнул пальцем в каменное надгробье, стоявшее у дороги. — Ослушаешься, — с тебя самого шкуру сниму!

Знал Пыажь, что князь слов на ветер не бросает. Идет домой, голову повесил. Ясно было старику: князь ищет лишь повод, чтоб от него избавиться... А как ему, старику, быть?

Пришел Пыажь домой, сел у очага и молчит, хмурый, будто его оса укусила. А была у него единственная любимица дочь.

— Что с тобой, дада, почему ты такой печальный? — спрашивает она.

— Как же не печалиться, доченька! Приказал мне князь завтра утром снять с надгробного камня шкуру, — ответил отец и рассказал ей, как дело было.

— Не горюй! Ложись спать, — успокоила его дочь. — Я наточу нож, а утром посоветую тебе, что сказать князю.

Врагу не пожелаем так спать, как спал той ночью Пыажь. До рассвета ворочался с боку на бок! А утром вручила ему дочь остро отточенный нож и сказала:

— Возьми, дада, нож, иди к князю смело. Поклонись ему и скажи: «Незарезанное — не свежуют! Зарежь сам этот камень. В твоём присутствии никто ведь не посмеет этого сделать. А как зарежешь, я мигом сниму с него шкуру!»

Так Пыажь и поступил, как дочь научила. Собрался у того камня весь аул, ждут в страхе, когда князь со старика кожу сдирать будет. А он подошел к князю, поклонился и говорит:

— Незарезанное — не свежуют! Сделай милость, князь, зарежь сам этот камень. Никто ведь этого не посмеет перед твоим лицом.

— Кто тебя научил так ответить? — закричал князь в гневе. — Признавайся!

— Моя дочь научила, — смиренно ответил Пыажь.

— Иди домой! — отпустил князь старика живым.

На следующий день велел князь позвать старика к себе.

— Хочу жениться на твоей дочери. Какой калым возьмешь?

— Спроси у нее самой, пусть она решит.

— Тогда спроси ты и передашь мне ее ответ.

Вернулся Пыажь домой, рассказал дочери, зачем его князь требовал. А она и говорит:

— Кто знает, что он задумал! Может, я скоро ему надоем и он меня прогонит? Скажи князю, дада: у меня одно желание. Если разведется он со мной, я возьму с собой из его дома столько, сколько смогу унести.

Передал Пыажь князю ответ дочери. Посмеялся князь в душе: «Что она может унести? Телушку или барана?», — и сказал:

— Согласен! Пишите накях!

Поженились они... Вот однажды вернулся князь из похода и говорит жене:

— Мои друзья мною пренебрегают. Говорят: «У тебя жена—унаутка!» Сама видишь: перестали родовитые люди навещать мой дом... Бери с собой, что хочешь, и уходи к отцу.

— Разве это долго? — ответила ему жена. Почищу чувяки и уйду!

Лег князь, усталый после дороги, и быстро уснул. А она завернула его в одеяло, взвалила на спину и принесла к себе домой.

Наутро проснулся князь в убогой сакле, удивился, спрашивает:

— Что со мной? Где это я?

— У меня дома, — отвечает дочь старика.

— А как же я сюда попал?

— На моей спине. У нас в накяхе записано мое право взять то, что мне больше всего по душе. Вот я и взяла!

— Ты победила! — сказал князь... А что ему оставалось делать?! И жили они с тех пор вместе, пока не умерли.

ЛАВОЧНИК И НИЩИЙ

Жил-был в одном ауле лавочник с женой. Была у них своя лавка. Пришел однажды в лавку нищий и попросил:

— Подайте бедному человеку пятак!

— Нет у меня разменных денег... Приходи завтра, дам тебе пятак, — пообещал лавочник.

Хорошо! Разве нищий забудет обещанное? Приходит он в лавку на следующий день. А лавочник закрыл дверь перед его носом и спрятался.

— Где твой муж? — спросил нищий у жены лавочника.

— Кто его знает где? По делам ушел.

Так ходил нищий к лавочнику много дней и все не мог добиться обещанного пятака. И подумал лавочник. «Этот нищий, чтоб он провалился, не даст мне покоя! Лягу-ка я в постель, притворюсь мертвым». Так он и сделал, предупредив жену, чтоб, если нищий придет, сказала ему: «Горе у нас. Муж мой умер».

Как пришел нищий, как узнал о скоропостижной кончине лавочника, сразу догадался, что его обмануть хотят. Но сделал вид, что поверил, и заплакал, закричал на весь аул.

Стали люди сходиться покойника хоронить. Принесли носилки, приготовились тело обмывать. Тут нищий и просит:

— Перед человеком, покинувшим сегодня этот свет, я в долгу. Чем я, бедный, оплачу этот долг? Чтоб не было мне тяжело в загробной жизни, я должен снять со своей души этот грех. Позвольте, я сам обмою покойника и этим хоть наполовину расквитаюсь с ним...

— Надо позволить! — решили люди. Согрели котел воды и оставили нищего наедине с лавочником.

Набрал нищий ковш кипятку и вылил на лавочника. Передернулся покойник, а нищий спрашивает:

— Отдашь пятак?

Молчит лавочник... Трижды поливал его нищий кипятком, но так и не добился от него ответа. Плюнул он тогда:

— Съешь ты этот пятак вместе с бедой! — и ушел.

Вот завернули лавочника в саван, накрыли буркой, собрались на кладбище нести. Тут жена и говорит:

— Мой муж часто лежал без памяти по нескольку дней. Не засыпайте могилу, может, он оживет.

Ну, люди так и сделали, как она попросила... Прочитали старики над лавочником молитву и разошлись по домам. А нищему все-таки не терпится! Когда стемнело, отправился он на кладбище, забрался в яму, сел на корточки возле лавочника и спрашивает:

— Отдашь пятак?

А в ту самую ночь воры ограбили одного богача и, почуяв за собой погоню, спрятались на кладбище. Мешок с золотом они решили сбросить в яму... И не успел лавочник ответить нищему, как на головы их свалился этот самый мешок.

Пошел тут у них спор. Лавочник предлагал поделить золото попо-

лам, а нищий прежде требовал с него обещанный пятак... Но пока они спорили, воры избавились от погони и вернулись за украденным. Услышав в яме голоса, они поползли на четвереньках прочь, но лавочник все же одного из них заметил, сорвал с головы у него папаху и протянул нищему:

— Пусть придут к тебе вместе с ней все несчастья! На́ вместо пятака!

Испугались воры, бросились бегом к предводителю шайки.

— Клянемся, оллаги! Собрались в яме все покойники, делят наше золото! А когда одному пятака не хватило, сорвали с нас папаху и отдали ему.

Услышав такое, разве посмели другие воры вернуться на кладбище?

А лавочник и нищий между тем никак не могли по-хорошему договориться. Выхватил тогда нищий из-за пояса кинжал и убил жадного торгаша.

— Вот тебе за скупость, ненасытный!

Вернулся нищий домой, притащил мешок золота, одел и обул свою семью и зажил так, что мог помогать всем бедным в ауле. Он-то хорошо знал, каково в бедности живется!

УМНАЯ НЕВЕСТКА

Давным-давно было, рассказывают, так. Женился один юноша, и появилась в доме его родителей молодая невестка. Настало время, как обычай велит, взяться ей за работу. Показали невестке кувшины—воду носить; показали ступу — просо толочь; показали котел — пасту варить и велели:

— Корми нас теперь, невестка!

Пошла невестка в саклю, где стояла ступа, потихоньку от всех выкопала возле нее яму, выложила прутьями, обмазала глиной и сверху разной посудой прикрыла, чтоб незаметно было. Оставила только маленькую щель.

И с тех пор трижды в день, как приходила просо толочь, одну пригоршню зерна каждый раз сыпала в эту яму. Вот наполнилась яма, замазала она ее, а вырыла другую, и ее тоже просом доверху насыпала... Сколько она таких ям закрыла, кто знает, но только через год, а может, и через три, после того, как взяли молодую невестку в дом, случился в тех местах неурожай. Наступил голод... Люди съели все, что было в в закромах. Съели и зерно, которое хранилось на посев.

Пришла весна, а в поле ехать не с чем. Нет в закромах ни зернышка! Позвала тогда молодая невестка свою старушку свекровь и показала ей спрятанное просо.

— Я сохранила эти семена для людей. Пусть приходят за ними, нана! — говорит она свекрови.

Обрадовалась старуха, привела своего старика. А тот, как увидел ямы, доверху насыпанные зерном, поднялся на крышу сакли и стал скликать всех жителей аула.

Собрались сельчане. Протянул перед собой старик ладони, полные проса. Показал людям и воскликнул:

— Посмотрите на это золото! Такой невестки, как у меня, ни у кого еще не бывало!

Роздал семена, люди посеяли их, и аул был спасен!

МЕДВЕДЬ-ВОСПИТАТЕЛЬ

Жили давным-давно старик со старухой, беднейшие из бедных в своем ауле. Никогда не было у них ни теплой одежды, ни сытной еды. Но не это они за горе считали. Горевали они о том, что нет у них ребенка, не звенит в их доме детский смех... И вот на склоне лет пришла к ним радость: родился у них мальчик, здоровый, веселый, красивый, как солнечный луч.

Мальчик-то у них родился, да во что одеть, чем накормить?

— Станем водить сына в лохмотьях, будут над нами люди насмехаться,— сказал старик жене.— Давай уйдем в лес подальше, может, встретим там свое счастье...

Построили они в дремучем лесу, где нога человеческая не ступала, маленький домик и поселились в нем. Пошел однажды старик в лес за добычей, а старуха дома была, сына нянчила, пела ему песню. Вынесла она мальчика на пороге поиграть, да и оставила одного, сама за чем-то в дом ушла. А из чащи выбежал медведь, схватил ребенка и унес. Убивалась старуха, плакала, кричала... Да что толку? Мальчика ведь не вернешь!

Пришел старик под вечер домой, а в доме такое горе, какого и злему врагу не пожелаешь. Погоревали они вдвоем и решили:

— Из лесу никуда не тронемся. Там, где наше дитя погибло, пусть и нас постигнет смерть.

А медведь между тем принес мальчика в свою берлогу и стал за ним, как за медвежонком ходить: кормил его вволю лесными орехами, ягодами и медом, спать укладывал у себя на груди.

Когда мальчик подрос, вывел его медведь на лесную поляну, вы-
брал молодой дубок и велел:

— А ну-ка, вырви это дерево с корнем!

Обхватил мальчик ствол, дернул раз-другой, но только наклонил
слегка, вырвать из земли не смог.

— Что ж, видно, не время еще,— сказал медведь.

Прошло несколько лет. И снова повел медведь мальчика на поля-
ну и велел ему дубок из земли тащить. А деревцо-то уж выпрямилось,
окрепло. Прибавилось и у мальчика сил, но все же, сколько ни старал-
ся он, дерево с корнем не вырвал, только ветки обломал.

— Рано, значит, я тебя испытываю,— сказал опять медведь.

Но вот вырос мальчик, стал сильным и ловким юношей. Повел его
медведь опять на поляну. Высоко поднялся дуб, новые ветки раскинул.
Но и юноша накопил силу. Обхватил он ствол и вырвал дуб из земли,
легко, как былиночку.

— Вот теперь время! — обрадовался медведь.— Теперь, сын мой,
я открою тебе, кто ты такой. Много лет тому назад бродил я по лесу
и увидел маленький домик. На пороге сидела старая женщина с ре-
бенком и пела ему грустную песню. Она горевала, что нечем ей накор-
мить малютку сына. Долго слушал я, и стало мне жаль мать и ре-
бенка. Когда она отлучилась, схватил я мальчика и унес к себе. Маль-
чик этот — ты! Я вырастил тебя, воспитал, сделал могучим. Возвра-
щайся же теперь к отцу с матерью, будь опорой их старости. Иди, учись
людскому обычаю и помни: зло влечет за собой зло, добро рождает
добро!

Поблагодарил юноша медведя, вернулся к отцу с матерью, пере-
селились они в свой аул, стали жить да поживать. Сами горя не знали
и бедным в нужде помогали.

КТО ЖЕ ИЗ НИХ ГЛУПЕЕ

Жили-были, говорят, в одном ауле вдова с сыном, дочерью и не-
весткой. Жили они небогато, но и бедности не знали, имели небольшое
хозяйство.

И мать, и сестра, и жена очень любили своего Машуко. Когда он,
бывало, уедет куда-нибудь, они не дождутся его, за ворота встречать
выходят... Да и было за что его любить. Парень он был смелый, умный
и нравом веселый.

Вот однажды поехал Машуко за сеном. Стало время к обеду при-
ближаться, и мать сказала:

— Ах, ниса моя хорошая! Нет у нас воды, а твой муж должен вот-вот вернуться. Пора обед ставить.

Повесила невестка ведра на коромысло и пошла к речке за водой. Зачерпнула одно и только хотела второе ведро наполнить, услышала, какой-то голос поет, выговаривает, словно колокольчик звенит. Это пастушонок на том берегу пас овец и пел грустную песенку.

— Если б этот пастух был моим мужем и если бы он умер, я оплакивала бы его только такой песней,— сказала себе невестка. А как сказала, давай волосы рвать, рыдать да приговаривать.

Ждет свекровь дома невестку не дожидается, то и дело выходит на дорогу, посмотреть: не возвращается ли она? Обед не готов, а сын вот-вот должен вернуться. «Не случилось ли чего с нашей невесткой?» — подумала мать и послала за ней дочку. Побежала девушка к речке, видит: сидит невестка на берегу, волосы рвет, плачет, убивается.

— О ниса! Что случилось? Почему ты плачешь? — испугалась девушка.

— «Если бы мой муж умер, разве я не заплакала бы?» — Так спросила я у себя самой, и вот плачу, — ответила сквозь слезы невестка своей золовке.

— Ну, а если бы мой брат единственный умер, разве я не рыдала бы? — воскликнула девушка, села на бережок и заплакала во весь голос.

А дома мать ждет не дожидается. Нет ни той, что по воду пошла, ни той, кого за ней вслед посылали! И обед не готов, а сын вот-вот вернуться должен!.. Что делать матери? Посылать больше некого, пошла сама на речку.

Как увидела она, что сидят невестка и дочь на берегу, навзрыд рыдают, остолбенела от испуга:

— Что случилось, моя невестка? Что случилось, дочь моя? — закричала она еще издали. И они рассказали ей то, о чем вы уже слышали...

— Ой, аллах, если б это был мой единственный сын и если бы он умер, я точно так же плакала бы! — и, сказав так, мать зарыдала в полный голос.

Сидят все трое у речки, волосы на себе рвут, оплакивают живого Машуко. А время уже к полудню... Съездил Машуко за сеном, вернулся, выпряг быков, хотел кнут в саклю занести и увидел на дверях замок... Нет никого дома, никто его не встретил, как всегда бывало...

«Сгоняю-ка я быков на водопой, — думает Машуко,— а тем временем жена или мать вернется». Погнал быков к речке, а там на берегу сидит вся его семья слезами обливаясь.

— Что с вами? — встревожился Машуко.— Какое горе в нашем доме?

Рассказали они ему о том, что вы уже слышали. Крепко обиделся Машуко: как же так, живого его оплакивают?! А еще больше досада его взяла...

— Уйду я! — сказал он им. — И не вернусь до тех пор, пока не встречу кого-нибудь глупее вас.

Схватил Машуко глиняный кувшин, выбил дно, протянул через него веревку, повесил на плечо и пустился в путь, покрикивая: «Продаю дырявый кувшин!» Долго ли он шел, коротко ли, много ли позади оставил пройденных дорог, мало ли, только странствовал он уже целых семь дней.

Пришел он в один аул, стоявший, как и его родное селение, на берегу реки. Неподалеку от этого аула был большой холм, а кругом холма копошились люди... Повстречался Машуко на дороге старый пастух с отарой овец.

— Салам алейкум!

— О, алейкум салам, парень хороший, будь нашим гостем.

— Пошли тебе аллах самых лучших гостей, почтенный! Не скажешь ли ты мне: почему толкуются люди вокруг холма? Что они там делают?

— Видишь ли, сын мой, наш князь велел перетащить холм и поставить его рядом с аулом. С этого холма, говорит князь, хорошо будет скликать народ.

Подивился про себя Машуко и этому князю, и этим людям.

— Не осуди меня, добрый человек, не подумай: «Вот бездельник, сующий нос не в свои дела!..» Но приказ вашего князя неразумный... Холм вы с места не сдвинете. Проще бы вам переселиться к холму всем аулом, если уж князю так хочется, чтобы холм поближе стоял.

— Эй, твоя правда!.. У нас это никому в голову не пришло, — обрадовался старик. Бросил отару и побежал к своим землякам.

А что же Машуко? Машуко дальше пошел, покрикивает: — «Продаю дырявый кувшин! Продаю дырявый кувшин!» Много ли он шел, мало ли, а дошел до другого аула и увидел у крайней сакли женщину, которая махала ему рукой.

— Что продаешь, сынок? — спросила она.

— Чудесный кувшин. Его можно мыть со всех сторон.

— Аллах! Это как раз то, что мне нужно! Сколько же он стоит?

— Много я не прошу. Столько, сколько в него влезет.

— Пойдем, будь нашим гостем! Такой кувшин я не могу упустить.

Зазвала женщина Машуко в амбар и стала сыпать в кувшин просо. А кувшин Машуко держал над раскрытым мешком. Когда наполнил все мешки, какие у женщины нашлись, поставил в последнем кувшин, до краев насыпанный зерном, и сказал:

— Вот теперь довольно!

— Заходи, пожалуйста, в наш дом. Я должна угостить человека за такую выгодную покупку.

Накормила она Машуко всем, что было у нее приготовлено для сына, поехавшего по дрова.

— Откуда ты? — спрашивает.

— Я с того света,— ответил Машуко.

— На том свете моя единственная дочь... Не слышал ли ты о ней?

— Как зовут ее?

— Сурат.

— О, да будет ваш дом полон добра! Как же! Мы ведь с ней там соседи. Наши плетни сходятся... Теперь расскажу ей, что был вашим гостем!

— Ой, аллах, ой, аллах, какое диво! — ударила себя женщина руками по коленям. — Год прошел, как мою дочь на тот свет взяли, и до сих пор от нее вестей не было. Прошу тебя, возьми, передай ей несколько платьев.

— Уж, конечно, передам! — согласился Машуко.— Не беспокойся. Считаю, что ты сама это сделала.

— За твою услугу я дам тебе арбу и быков. Отвезешь свое просо на тот свет, а заодно и сундук моей дочери. Я бы тебе и лошадей не пожалела, да на них сын за дровами поехал.

— На быках я еще лучше доеду. На том свете дороги для них больше подходят.

Так они договорились обо всем, и Машуко уже стал прощаться, как вдруг громко закричал у самого порога осел.

— Чего это он раскричался? — говорит Машуко.

— Это любимый ослик моей дочери,— ответила женщина.— Наверно, услышал наш разговор и просится к ней.

— Ну, что-ж, возьму и его с собой, пусть повидает хозяйку.

— Да буду я твоей жертвой! — обрадовалась женщина. Привязала к арбе ослика и проводила Машуко «на тот свет».

Едет Машуко по пыльной дороге домой, песню поет да быков подгоняет... А та женщина ждет не дождется сына, чтоб скорее своей покупкой похвастаться.

Вот вернулся, наконец, ее сын из лесу с дровами.

— О, мой сын, свет моих очей! — выбежала она ему навстречу.— Посмотри, какой чудесный кувшин я купила. Его удобно мыть со всех сторон. — И она сунула ему в руки дырявый кувшин.

Спрыгнул сын с воза и спрашивает:

— Сколько ж ты за этот кувшин отдала?

— Отдала все просо, что было в закромах,— только и всего!

— А где арба и быки? — оглянулся сын, уже догадываясь, что мать натворила беды.

— Человек, что продал кувшин, приехал к нам с того света,— объяснила мать. — Он живет там по соседству с нашей Сурат. Я ему и быков позволила запрячь, и сундук нашей девочки отдала... Да и ослика заодно с ним отправила. Пусть Сурат повидается.

— И давно он уехал? — говорит сын, а сам уже коня седлает.

— Только-только за аул выехал.

...Вот видит Машуко, нагоняет его всадник, скачет во весь опор по дороге. Свернул он в сторону, завел быков и осла в кусты дерезы, а сам обратно вышел. Подъехал всадник к нему и спрашивает:

— Не видел ли ты человека на быках? К арбе у него еще ослик привязан.

— Как не видеть, видел! Он по боковой дороге поехал. Верхом его не догнать, лучше пешком иди. А я твоего коня подержу.

Отдал ему этот парень поводья, побежал; пыль ногами поднимает, рукавом пот вытирает. А тем временем Машуко отрезал у коня кусочек хвоста и сунул в трещину на дороге. Загнал коня в кусты, а сам кричит:

— Эй, вернись! Твой конь сквозь землю провалился!

Вернулся парень, посмотрел — только хвост из трещины торчит — и махнул рукой:

— Не повезло мне! Быков увели, осла увели, а теперь еще и конь сквозь землю провалился!

Приехал Машуко в свой аул со многим добром да еще и коня привел.

Кто же из них глупее? Жена Машуко? Или сестра? Или мать? Или тот князь? А может, его люди? Или та женщина? Или сын той женщины?

Как вы думаете?

СВЕКРОВЬ И НЕВЕСТКА

Жила на свете старая женщина, и был у нее единственный сын. Вот женился этот сын, пришла в дом молодая невестка — матери помощница.

И попросила однажды свекровь:

— Ниса, милая, захотелось мне курятинки отведать...

— Изволь, сейчас приготовлю,— пообещала невестка.

Пообещать-то пообещала, а самой уж так-то было жаль для старухи курицу резать. Пошла невестка на речку, поймала большую лягушку, сварила и подала свекрови. А свекровь плохо видела, была поч-

ти слепая... Съела она невесткино кушанье и не разобрала, что за угощение ей поднесли.

Много лет с той поры прошло... Умерла свекровь, невестка сама в старушку превратилась, и дети у нее выросли, и сын женился. Пришла в дом молодая невестка — свекрови помощница.

И вот попросила однажды свекровь:

— Ниса, милая, я хочу курятины. Приготовь мне гедлибже.

— Хорошо, нана, сейчас зарежем курицу,— ласково ответила невестка.— Для кого же мне и готовить гедлибже, как не для тебя!

Поймала она во дворе самую жирную курицу и позвала мужа, чтоб зарезал. Но только он схватил курицу за крылья и полоснул по ее шее ножом, как превратилась курица в большую лягушку.

— Что за чудо! Наверное, мне померещилось! — испугалась невестка и побежала поскорее другую курицу ловить. Но и со второй курицей случилось то же, что с первой... Всех кур перерезали — и все превратились в лягушек!

Побежала молодая женщина к свекрови:

— Что мне делать, нана? — спрашивает.— Не могу я тебе гедлибже приготовить. В лягушек превратились все наши славные курочки.

Заплакала тогда старушка и призналась, как в молодости обидела, обманула она свою свекровь.

Ничто на свете не проходит зря — ни доброе, ни злое.

КАК ОТЕЦ СЫНА РАЗУМУ НАУЧИЛ

Жил на свете один человек, добрый и толковый. Всему он знал меру; был не скуп, но бережлив; с добрыми людьми жил в согласии, и добра всякого имел в достатке. Был у него единственный сын.

Этот юноша ни в чем не был похож на отца. Трудиться он не любил и дома не держался. Раз в неделю заглянет — и ладно! А то все со своими друзьями, такими же, как сам, бездельниками, время проводил: с ними, бывало, и ест и пьет, у них и спит.

Обидно было отцу, что сын у него такой непутевый уродился. Позвал он его однажды и говорит:

— Дружба — дороже всего на свете. Но дружить надо с тем, кто достоин дружбы. Хорошо ли ты знаешь своих друзей, сынок?

— Как не знать, отец? — Я на них, как на себя, надеюсь. Они меня ни в горе, ни в радости не покинут.

— Ну, если так,— говорит отец,— видно, мне тревожиться не о чем...

Время шло... Отец трудился по-прежнему, а сын, как прежде, гулял, кутил и пускал на ветер отцовское добро.

Пришел однажды сын домой поздно вечером, а отец сидит тихий, угрюмый.

— Что случилось, отец? — спросил юноша.

— Злое случилось, сын мой, и не от кого мне ждать помощи.

— Скажи, может, я помогу.

— Скажу или не скажу — горе мое со мной.

— Разве я не сын тебе? — вспыхнул юноша.

— Ты мой сын; но мне суждено погибнуть, и лучше я один погибну...

— Твоя беда — моя беда,— возразил сын.— И твое горе — мое. Поделись со мной своими заботами, отец.

— С этим горем, сынок, нам и вдвоем не справиться.

— Ты забываешь о моих друзьях! — воскликнул юноша.

— Я не забыл. Только можно ли им довериться?

— Мои друзья для меня жизни не пожалеют.

— Тогда взгляни, сынок, что лежит у нас под кроватью.

Нагнулся юноша и увидел под кроватью кошму, а на кошме что-то накрытое черной буркой. Побледнел юноша.*

— Я нечаянно убил человека,— сказал отец.— Это был герой из героев, и я убил его! Сегодня же ночью мы должны тайно вынести его тело и предать земле. Вдвоем нам с тобой до утра не управиться. Позови товарищей, поделись с ними нашей бедой. Пусть они помогут.

Пошел сын к самому любимому и верному своему другу.

— Оллагги,— сказал тот, выслушав его,— чем же я могу помочь в таком плохом деле? Ради тебя я буду молчать, но пусть твой отец сам выпутывается из беды.

Пошел юноша ко второму верному и любимому другу.

— Это опасно! — сказал друг.— Нет, тут я тебе не товарищ! И лучше бы ты ко мне с такой просьбой не приходил.

Отказал юноше и третий, и четвертый друг, и пятый. А это были самые лучшие его друзья! Вернулся он в отцовский дом с низко опущенной головой.

— Ну, что скажешь, сынок? — спросил отец. — Почему ты один?

Сын молчал.

— Твои друзья отказали? Попробуй, позови моих.— И отец назвал ему те семьи, куда пойти за подмогой.

Не успел юноша домой вернуться, как явились один за другим все седобородые, кого он звал.

* У горцев буркой накрывают умершего мужчину.

— Не печалься, не упрекай себя,—успокоили они хозяина дома, когда узнали, какое с ним случилось несчастье.— То ли еще на свете бывает! Ты не виноват. Ты же убил этого человека нечаянно. Мы все уладим, выручим тебя из беды.

— Эй, сынок,— сказал отец,— раз мои друзья согласны помочь, тащи кошму из-под кровати! Откинь бурку!

Сын вытащил кошму, откинул бурку, и все увидели, что был под буркой жареный барашек, и свежая паста, и мед, и пенная махсыма.

Обрадовались старики проделке своего друга. А юноша слов не находил от изумления.

— Этот баран упал со скалы и повредил ногу. Я его прирезал, — считайте. — нечаянно. Вы, мои добрые друзья, заслужили это скромное угощение. Прошу отведать мою соль-пасту! — пригласил хозяин и рассказал своим старым товарищам, как легко отступились от его сына верные, любимые друзья.

Однако отцовская наука ничему юношу не научила. По-прежнему проводил он время в кутежах и дружил с этими молодцами, недостойными дружбы. И вот пришло время отцу умирать. Позвал он к себе сына и дал ему последний наказ:

— Я покидаю этот свет. Ты остаешься за хозяина,— сказал он.— Ты меня не слушал при жизни, не послушаешь, наверное, и в мой смертный час. Поэтому я завещаю тебе только одно: когда промотаешь все, что получишь в наследство, вешайся вон на том крючке, вделанном в потолок. Я заказал его нарочно для тебя.

Сказал так старик, вздохнул и умер.

Сын похоронил отца, как подобает по обычаю, ничего не пожалел на поминки, но словам его не внял, и пил, и кутил, не щадя оставленного отцом добра. Друзья из его дома ни днем ни ночью не уходили...

Но вот кончилось, иссякло отцовское богатство, и начали товарищи этого юноши по одному разбегаться... Никто не стал к нему в гости заходить, никто к себе звать не стал... И сакля его покосилась, и забор сгнил, а двор зарос колючкой и бурьяном... Жениться юноше за гульбой и кутежами было все недосуг, остался он в бедности меж четырех стен один-одинешенек... Куда ни посмотрит — вверх ли, вниз ли, по сторонам ли — кругом пустота!

И вот однажды был в ауле праздник. Собрался народ, принесли угошенье всякое — кто чем богат,— веселились целый день.

«Было бы у меня, что отнести на праздник, пошел бы и я»,— подумал юноша. И тут вспомнил о единственном петушке, что уцелел еще во дворе, и побежал его ловить. Но петушка у него, как на зло, из-под самого носа коршун утащил.

Пошел все же юноша на праздник, хоть и стыдно было с пустыми руками. Друзья подняли его на смех.

— Поглядите на этого бессовестного! — тыкали они пальцами в его сторону.— Он ничего не принес!

— У меня был петух, я не пожалел бы его для вас,—робко оправдывался юноша,— да петуха коршун украл...

— Врешь ты! — издевались друзья. — Не было у тебя никакого петуха!

«Ну, теперь столкнулся я лбом с той самой бедой, что предвещал отец,— сказал себе юноша.— Никому я не нужен. Чем так жить, пойду повешусь!»

Вернулся он домой, взял веревку и полез вешаться. Но как только закинул веревку на крючок и надел петлю на шею, так и свалился на пол. В потолке был вделан сундук, крышка его упала, и оттуда на голову юноши посыпались золотые монеты.

Снял юноша петлю со своей шеи и заплакал.

— Бедный отец! Ты был мудрым, ты и после смерти заботишься обо мне, дураке.

Привел юноша в порядок отцовский дом, новый забор поставил. Пару быков пригнал во двор и стальной плуг с базара привез,—начал по-новому хозяйничать...

Вот собрался он в поле на пахоту. Выезжает из ворот, а навстречу все его старые друзья. Почуяли, что в доме прежний достаток, и опять в гости пожаловали.

— Удивительное дело случилось у меня этой ночью,—сказал им юноша.— Крысы прогрызли дыру в моем стальном плуге.

— Что ж тут удивительного? — хором отвечали друзья. — Это случается!

— Случается? — спросил юноша.— А что коршун петуха уносит— не случается?!

И прогнал он ложных друзей. Подружился с добрыми соседями и стал трудиться и жить, как все честные люди живут.

Этого я своими двумя глазами не видел, а своими двумя ушами слышал!

КУЗНЕЧИК

Вот послушайте-ка, что я вам расскажу... Жил на свете бедный старик, по имени Кузнечик. Отправился он однажды в соседний аул пропитание искать и сел по дороге на курган отдохнуть. А дело было летом, в степи. И там паслись княжеские табуны. Табунщиков сморила жара, они уснули, а лошади забрели в тень в глубокий овраг...

Кузнечик все это видел, но ничего не сказал табунщикам, поплелся

дальше своим путем. Он был старик себе на уме и решил: «Пускай табунщики кинутся коней искать. Может, мне от этого польза будет».

Табунщики и впрямь, как проснулись, подняли тревогу. Коней не нашли и сообщили об этом самому князю.

— Если бы князь позволил мне погадать на бобах, я бы сказал, где ваш табун, — так похвастался Кузнечик, и слуги побежали и передали эти слова князю.

— Немедленно ведите его сюда! — вскричал князь.

Привели Кузнечика в княжеский дворец. Сел он, рассыпал бобы... Молчит... Делает вид, будто бобы ему всю правду говорят... Потом забормотал:

— Вижу, вижу... Табун в чужие руки не попадет... Вижу... Степь. Два холма... Между холмами овраг... В овраге кони стоят... Если вру, больше никогда за гаданье не возьмусь!..

Коней нашли, пригнали. Князь был очень доволен и дал Кузнечнику полную горсть золотых, а по аулам прошел слух: «Объявился чудесный гадалщик! Он нашел пропавших княжеских скакунов!»

Ну, живет теперь старый Кузнечик в довольстве и покое, беды не чует, а беда — вот она — пропал у дочери князя золотой перстень с алмазами.

Посылает князь за Кузнечиком.

— Пускай бобы покажут, куда девалось кольцо, — говорит князь. — Гадай, гадалщик! Угадаешь — бери из моих богатств, сколько на плечах унесешь. Не угадаешь — велю повесить.

— Это дело трудное, милостивый князь, — отвечает Кузнечик, у самого поджилки трясутся. — Буду долго гадать... Прикажи отвести меня на ночь в пустую комнату.

— Будет тебе пустая комната, сиди, гадай! — Махнул князь рукой, и отвели старика в пустую комнату, да еще и на замок заперли.

Убежать — не убежишь... Всю ночь старик раздумывал, как свою бедную голову спасти... Перед рассветом слышит, стучат в окошко.

— Кто это?

— Это я, — отвечает кто-то шепотом, — ханская птичница. Я горемычная старушка, весь свой век хожу за чужими гусями... Перстень ханская дочь на лугу обронила, а я его подняла. Возьми перстень, только не погуби меня, гадалщик!

— То-то! — зашептал в ответ Кузнечик. — А я тут не сплю, о тебе думаю. «Что ж, думаю, она так запаздывает? Ведь скоро светать начнет...» Теперь слушай! Перстень ты дай проглотить вместе с кормом какому-нибудь приметному гусю. А я на этого гуся князю укажу.

Обрадовалась старушка птичница.

— Есть, — говорит, — такой приметный серый гусь. У него крыло сломано... Спасибо тебе, добрый человек!

Наутро собрался весь аул послушать, что гадалщик скажет. Отрыли замок. Выпустили Кузнечика.

— Как? — спрашивает князь. — Угадал?

— Еще с вечера! — хвалится Кузнечик. — Вели, князь, зарезать серого гуся с поломанным крылом. Перстень он проглотил.

— Оллаги, что за удивительный мастер гаданья, этот Кузнечик! — сказал князь, когда зарезали гуся и нашли у него в зобу перстень с алмазами.

Вернулся Кузнечик домой с богатыми подарками, а князь поехал в гости к соседнему князю и там стал хвастаться своим знаменитым гадалщиком.

Поспорили князья между собой. Князь-хозяин кричит: «Твой гадалщик — плут и мошенник!», а князь-гость отвечает: «Давай-испытаем! Говорю тебе, с его гаданьем на бобах ничто не сравнится!»

Вызвали они Кузнечика.

— Теперь, старик, — сказал князь-гость, — ты будешь гадать не мне, а моему другу. Мы с ним на спор пошли. Отгадаешь, что он велит, — награжу до конца жизни. Не отгадаешь — голову отрублю!

Обомлел Кузнечик: «Ах ты, думает, будь проклят день, когда я себе эту славу нажил!» Князь-хозяин показывает зажатый кулак и спрашивает:

— Что в этой руке, старик?

Видит Кузнечик, смерть пришла, раскинул бобы и бормочет:

— Допрыгался бедный Кузнечик! Первый раз прыгнул — ускакал... Во второй раз прыгнул — ускакал... В третий раз — не выпрыгнешь... В кулак тебя зажали...

— Эй, шайтан! — закричал изумленный князь-хозяин. — Как же это ты угадал? — разжал кулак, а оттуда прыг на пол маленький полевой кузнечик.

Вытер тогда старик пот со лба и говорит:

— Мне на роду суждено только трижды гадать: теперь моя сила кончилась. Больше гадать никому не буду!

Получил Кузнечик щедрую награду и жил после этого до самой смерти в довольстве и счастье. Сам я этого не видел, а если хотите найти того, кто видел, поищите в соседнем ауле!

НАХОДЧИВАЯ ЖАНГУЛАЗ

Ахмед остался круглым сиротой и с малых лет не знал, что такое достаток: вечно давила его нужда. Однако подрос, возмужал и достиг

той поры, когда мог уже, как говорится, сам с себя муху согнать, мог за себя постоять.

Вошел он в ум, стал раздумывать, как дальше жить, и вскоре женился на славной девушке, которая давно ему полюбилась. Звали ту девушку Жангулаз.

Ничего-то у них не было, кроме четырех стен их бедной сакли. Но Жангулаз получила в подарок от матери нагрудник и пояс из серебра с позолотой. Посоветовались молодые и решили — ни к чему им такая роскошь.

— Продадим мои украшения,— сказала Жангулаз,— и купим пару быков.

Понес Ахмед украшения на базар и выменял на них пару хороших быков. Набросил он на своих быков налыгач и пошел по базару бродить. Увидел дойную коровушку с теленком — взял да и променял пару быков на эту корову. И только променял — видит, вывел кто-то продавать такую статную, такую резвую лошадь! Давно хотелось Ахмеду на коне покрасоваться. Променял он корову с теленком на лошадь и седло. Сел на коня, поехал по базару. Кругом оглядывается, на товары посматривает. Вдруг увидел козу с козленком. Отдал свою лошадь с седлом за эту козу с козленком. По базару идет, козу перед собой гонит, товары разглядывает. Понравилось ему тонкое сукно. «Возьму-ка я его, думает, сошью черкеску!» И обменял козу с козленком на кусок сукна. Долго бродил по базару с сукном под мышкой и увидел красивую белую войлочную шляпу. Очень захотелось ему такую шляпу! Сукно отдал — шляпу себе взял. Теперь можно и в аул возвращаться!

Когда шел Ахмед домой по всяческому мостику через речку, налетел ветер, сорвал с него шляпу и бросил в воду. Кинулся Ахмед ловить, да не тут-то было: уплыла шляпа по течению, куда там — не поймаешь...

Пригорюнился Ахмед, пошел дальше с пустыми руками и встретил на дороге армянина-купца с девятью арбами добра. Купец вез товары на базар, узнал, что Ахмед там уже побывал, и начал его расспрашивать: что купил? что продал? сколько денег наторговал? много ли на базаре покупателей?

Ахмед рассказал купцу, как сменял серебряный нагрудник и пояс на хороших быков, а быков на корову с теленком, а корову с теленком на резвого, статного коня, а коня на козу с козленком, а козу с козленком на кусок сукна, а кусок сукна на войлочную красивую шляпу.

— А где ж эта шляпа? — спросил купец.

— Да ветер унес!

— Плохо, друг! Теперь хоть домой не возвращайся! — захохотал купец. — Не будет тебе от жены покоя!

— Жена ни словечка не скажет, — ответил Ахмед.

— Быть этого не может, — возразил купец. Спорили они, спорили и